

**ДНЕВНИК
АЛТАЙСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ
№25. Сентябрь 2009 г.**

**Современная Россия и мир:
альтернативы развития
(роль политических лидеров
в формировании имиджа
страны и региона)**

Материалы международной
научно-практической конференции

**Барнаул
Издательство Алтайского
государственного университета
2009**

ББК 66.3(2 Рос-4 Алт) я431
Д 541

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук, профессор Чернышов Ю.Г. (отв. редактор), доктор исторических наук, профессор Андреев В.П., кандидат исторических наук, доцент Бетмакаев А.М., кандидат исторических наук, доцент Воронин Д.В., Исакова С.Н. (отв. секретарь), кандидат исторических наук, доцент Козлов В.А., кандидат исторических наук, доцент Курныкин О.Ю., кандидат исторических наук Козулин В.Н., кандидат исторических наук Рубцов П.В.

Д 541 Современная Россия и мир: альтернативы развития (роль политических лидеров в формировании имиджа страны и региона): материалы международной научно-практической конференции / под ред. Ю.Г. Чернышова – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. – 248 с.

ISBN 978-5-7904-1002-4

Сборник содержит материалы интернет-конференции, проходившей в апреле–июне 2009 г., и научно-практической конференции, состоявшейся 19–20 сентября в Алтайском государственном университете. Более 40 докладов были представлены учеными из Армении, Израиля, Китая, Украины и ряда городов России (Барнаул, Брянск, Владивосток, Иркутск, Москва, Нижний Новгород, Орел, Петрозаводск, Прокопьевск, Санкт-Петербург, Тверь, Томск). В качестве приложения даны материалы «круглого стола» на тему «Президентские выборы в США: избирательные технологии и результаты голосования».

Издание предназначено не только для специалистов (имиджмейкеров, историков, международников, политологов и др.), но и для всех, кто интересуется проблемами политического лидерства и формирования имиджа страны и региона.

ББК 66.3(2 Рос-4 Алт) я431

© Алтайская школа политических исследований, 2009

ISBN 978-5-7904-1002-4

© Оформление. Издательство Алтайского государственного университета, 2009

Дискуссия о влиянии политических лидеров на имидж страны и региона (предисловие ответственного редактора)

Ежегодные конференции, посвященные актуальным проблемам политики, истории и международных отношений, АШПИ проводит с 1996 г. В последние годы тематика конференций была так или иначе связана с темой имиджа страны и региона.¹ В 2009 г. была проведена традиционная конференция «Современная Россия и мир: альтернативы развития», посвященная теме «Роль политических лидеров в формировании имиджа страны и региона»².

Организаторами и учредителями стали: Алтайская школа политических исследований (ответственный организатор), Алтайский государственный университет (кафедра всеобщей истории и международных отношений), Алтайское отделение Российской ассоциации политической науки, Конгресс интеллигенции Алтайского края. Конференция прошла при поддержке АНО «Центр Геликс» (г. Санкт-Петербург).

В апреле-июне 2009 г. была проведена «предварительная» интернет-конференция, благодаря которой удалось расширить состав участников дискуссии. Было представлено 34 доклада из Армении, Израиля, Китая, Украины и 12-ти городов России (Барнаул, Брянск, Владивосток, Иркутск, Москва – 4 доклада, Нижний Новгород, Орел, Петрозаводск, Прокопьевск, Санкт-Петербург – 2 доклада, Тверь, Томск). С тезисами и их обсуждением можно ознакомиться в Интернете (http://community.livejournal.com/image_of_russia).

19–20 сентября в Алтайском государственном университете прошла итоговая конференция. На обсуждение было вынесено 20 докладов («Внешнеполитические аспекты политического лидерства: проблемы теории и истории», «Президенты России глазами зарубежных

¹ Дневник АШПИ № 23 (сентябрь 2007 г.). Современная Россия и мир: альтернативы развития (международный имидж России в XXI веке). Барнаул, 2007; Дневник АШПИ № 24 (сентябрь 2008 г.). Современная Россия и мир: альтернативы развития (роль российских регионов в формировании имиджа страны). Барнаул, 2008. С текстами можно ознакомиться на сайте: <http://ashpi.asu.ru/prints.html>

² Основной сайт конференции: http://ashpi.asu.ru/ic/?page_id=17.

карикатуристов», «Особенности формирования имиджа современного политика», «Дмитрий Медведев в политическом Рунете», «Экономическая эффективность политики лидеров регионов и их имидж», «Томская область: политические лидеры и имидж региона», «Имиджевая политика лидеров Кузбасса и формирование образа региона» и др.). Кроме этого, были представлены 4 презентации («Россия глазами англичанина» (А. Картер), «Впечатления китайской студентки о России и Барнауле» (Хуан Сюэцзюань), «Флорида, Чикаго, Вашингтон глазами преподавателя из Сибири» (Н.С. Малышева), «Археологический имидж Алтая» (Ю.В. Кирюшина).

Среди гостей конференции были: В.П. Андреев, д.и.н., профессор ТГУ (г. Томск), Д.В. Воронин, к.и.н., доцент, директор Прокопьевского филиала ТГУ (г. Прокопьевск), А. Картер (Великобритания), Е.С. Крестинина, Институт мировой экономики и международных отношений РАН, соискатель (г. Москва), В.А. Рыжков, к.и.н., профессор Высшей школы экономики (г. Москва), Х. Сюэцзюань (Китай). В течение двух дней в дискуссиях приняли участие около 70 человек (преимущественно преподаватели, аспиранты и студенты барнаульских вузов).

Работали 3 секции:

Политические лидеры и имиджи зарубежных стран (исторический и современный опыт).

Имидж России (Российской империи, СССР) и влияние на него политических лидеров.

Роль политических лидеров в формировании имиджей регионов.

При закрытии конференции участники отметили, что эта свободная дискуссионная площадка, существующая на Алтае с 1996 года, давно уже стала заметным научным явлением страны и одним из элементов имиджа региона. Были высказаны пожелания развивать и дальше эту традицию проведения политологических дискуссий на Алтае.

Следующая конференция АШПИ, запланированная на сентябрь 2010 г., будет посвящена теме «Россия и Западная Европа: влияние образов стран на двусторонние отношения».

Теме конференции оказалась созвучна и тема «круглого стола» «Президентские выборы в США: избирательные технологии и результаты голосования», который состоялся 1 декабря 2008 г. в Алтайском госуниверситете. Он был организован Алтайской школой политических исследований (АШПИ) и Алтайским отделением Российской ассоциации политической науки (РАПН). В нем приняли участие более 40 человек – ученые, политики, общественные деятели, студенты и аспиранты. В Приложении читатель сборника найдет стенограмму

«круглого стола». При открытии дискуссии было предложено обсудить два основных вопроса: как повлияли на результаты выборов избирательные технологии и как может отразиться избрание Барака Обамы на развитии российско-американских отношений. Краткую историю предвыборной борьбы изложил доцент А.М. Бетмакаев, а затем перед собравшимися выступил А.В. Некрасов – политтехнолог, работавший в штате Канзас на выборах в качестве наблюдателя. Он представил более сотни фотографий и рассказал о многих особенностях избирательного процесса в Америке.

Публикация данных материалов, будем надеяться, послужит популяризации выводов современной науки о том, как формируется имидж политического лидера, как он влияет на общий имидж страны и регионов.

Ю.Г. Чернышов

БАРНАУЛ

**СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ И МИР:
АЛЬТЕРНАТИВЫ РАЗВИТИЯ**

**Международная
научно-практическая конференция
«СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ И МИР:
АЛЬТЕРНАТИВЫ РАЗВИТИЯ
(роль политических лидеров
в формировании имиджа
страны и региона)»,
19–20 сентября 2009 г.**

Секция 1. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЛИДЕРЫ И ИМИДЖИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (ИСТОРИЧЕСКИЙ И СОВРЕМЕННЫЙ ОПЫТ)

О.А. Аршинцева

Внешнеполитические аспекты политического лидерства: проблемы теории и истории

Большинство современных концепций политического лидерства различают внутри – и внешнеполитические аспекты этого явления. Связанные между собой личностью политика и механизмом принятия политических решений, эти составляющие политического стиля формируются под воздействием отличающихся факторов. Не случайно. в рамках общей теории международных отношений становится все более популярным изучение политико-психологических, субъективных, имиджевых аспектов внешнеполитической и международной практики. Ярким примером является концепция американского политолога Дж. Ная, получившая широкое распространение в 1990-е гг. Он ввел в оборот и обосновал в качестве самостоятельных категории «жесткой» и «мягкой» силы. В отличие от средств принуждения, которые составляют ресурс «жесткого» могущества, инструментами «мягкого» влияния он считает привлекательные достижения массовой культуры, политической традиции и собственно внешнюю политику и дипломатию страны. Именно она в значительной степени персонифицирована, и благодаря средствам массовой информации образ страны в массовых представлениях чаще всего ассоциируется с национальным лидером (главой государства). Исследуя в указанном направлении собственно американскую политическую культуру, Дж. Най сформулировал требования, которым, по его мнению, должен соответствовать президент (политический лидер) в разработке национальной стратегии. Он должен внутренне ощущать направление и темп развития событий, проявлять изобретательность, предлагать приемлемые и осуществимые стратегии, уметь добиваться поддержки со стороны различных аудиторий дома и за рубежом, устанавливать четкие пропорции при использовании мягкой и жесткой силы. При этом, особое значение для успеха внешнеполитических проектов имеет одобрение законодателей (Конгресса). Следуя либерально-демократической традиции в определении критериев успешного лидерства, Най подчеркивает в ряду личных талантов умение использовать мягкую силу, которое предполагает наличие трех основных качеств. Во-первых, эффективное политическое

видение, которое состоит в установлении баланса между реальностью и риском, между идеалами и возможностями. Во-вторых, знание себя, самодисциплина, что позволяет задействовать личное обаяние. В-третьих, коммуникативные способности, позволяющие воодушевить аудиторию дома и за рубежом. Иной набор качеств, по мнению Ная, обеспечивает эффективность использования жесткой силы. Это организаторские способности, которые гарантируют поступление достоверной информации; это политический профессионализм, который состоит в умении отбирать средства в соответствии с поставленными целями, накапливать политический капитал и расширять круг сторонников; наконец, это то, что принято называть «хорошо информированной интуицией» – способность определять направления перемен [1].

Не переоценивая значения предложенной Наем концепции, следует признать ее теоретико-методологическую пригодность – как для исследования современного политического лидерства, так и исторических аспектов проблемы. Объясняется это тем, что он апеллирует не только к американскому, но в какой-то мере к более универсальному западному историческому опыту становления политических институтов современного типа. Однако, если американский вклад в общую «копилку» политической культуры XX в. признан и разрекламирован, то британская политическая традиция, не менее значимая и оригинальная, в современном политологическом анализе выглядит на этом фоне незаслуженно забытой. Даже гигантская фигура У.Черчилля скорее является исключением, подтверждающим этот тезис. В связи с этим обращение к британскому варианту политического лидерства, который имеет богатую историю, представляется актуальной задачей.

Становление либерально-демократических режимов в странах Запада в XIX в. знаменовало новый этап политической модернизации, начало которому положили европейские революции 1848 г. Их основным результатом, по мнению И. Валлерстайна, стало превращение идеологии либерализма в глобальную геокультуру [2, с.32]. Это означало, что принципы либеральной политической программы, теоретически сформулированные ее идеологами в предшествующий период, начали осуществляться на практике. Демократизация политических систем, становление парламентских институтов, расширение масштабов политической конкуренции изменили характер политического процесса, сделав политику массовой и публичной. В связи с увеличением численности избирателей впервые в общественно-политической практике возникла проблема массовой политической мобилизации, для решения которой потребовалось не только преобразовать узко аристократические политические течения в массовые партии, но и выдвинуть из руководства политических лидеров нового ти-

па. При всех различиях национальных политических культур и традиций, европейский и американский варианты объединяли схожие черты популистского вождя, наделенного демагогическими талантами, успешно владевшего новой политической риторикой, которая апеллировала к массовым стереотипам и через них к дифференцированным интересам. Именно эта политическая практика и позволила М. Веберу на заре современной политической социологии предложить оригинальную классификацию типов политических лидеров, нее утратившую своей актуальности. Таким образом, постепенная демократизация политических элит стала частью общего процесса политической модернизации.

Однако в начале XX в. он носил неравномерный характер: либерально-демократические начала, сложившиеся во внутренней политике, не получили сколько-нибудь широкого распространения в международной практике – вплоть до перелома, наступившего к концу Первой мировой войны. Современники этих перемен и историки международных отношений характеризуют его как переход от закрытой, «кабинетной» дипломатии к новой и открытой, от жестко реалистичной к более либеральной внешнеполитической практике и риторике. Признанным идеологом «новой дипломатии» стал американский президент В. Вильсон. Однако его популярность не могла затмить репутацию другого политика, «выигравшего войну», британского премьер-министра Д. Ллойд Джорджа. В европейской политике начала 20-х гг. именно он стал лицом «новой дипломатии». Среди миротворцев высшего политического ранга он дольше всех своих коллег продержался у власти в мирное время – до 1922 г. и оставил самые подробные мемуары – военные и знаменитую книгу «Правда о мирных договорах», ставшие классикой жанра, образцовой политической автобиографией. Посвященная ему литература впечатляет количеством биографических работ – даже на фоне известной английской традиции писания политических биографий. Этот интерес правомерен, учитывая своеобразие его политической карьеры, достигшей максимально возможной для страны вершины, яркое своеобразие политического стиля и реальный вклад в национальную политическую культуру.

Собственно внешняя политика и персональная дипломатия Ллойд Джорджа связаны с периодом 1916–1922 гг., когда он возглавлял правительство и имел реальные возможности влиять на внешнеполитическую стратегию Великобритании. Биографы дружно отмечают, что наибольший интерес у него вызывали европейские проблемы. Этот можно объяснить объективными причинами: исключительным значением европейского театра военных действий, самими условиями мирного урегулирования, характером отношений с партнерами по Антанте

и противником, а также возросшей к концу войны внешнеполитической активностью доминионов. Наиболее существенного пересмотра в процессе перехода от войны к миру и мирного урегулирования потребовали именно европейские интересы Великобритании, сконцентрированные вокруг германской проблемы, русского вопроса и европейской безопасности. Именно европейские проблемы – по сложности, новизне и остроте – требовали от политиков качеств, далеких от традиционного набора методов «старой» дипломатии. Европейский миротворческий процесс давал публичному политику исключительные возможности: если в национальных масштабах Ллойд Джордж считал своей трибуной не парламент, а страну [3, p.260], то трибуны международных конференций – Парижской 1919 г. до Генуэзской 1922 г. – еще больше отвечали его амбициям.

Из всех европейских лидеров Ллойд Джордж наиболее соответствовал вызовам времени. Весь его предыдущий политический опыт, особенности характера и темперамент соединились в персональном политическом стиле, резко выделявшем его из тогдашней британской политической элиты. Происхождение, образование, конфессиональная принадлежность, радикализм на ранних этапах парламентской карьеры, отсутствие уважения к традициям характеризовали его как аутсайдера политического класса в предвоенный период. Будучи одним из идеологов и инициаторов социальных реформ накануне войны, Ллойд Джордж приобрел исключительный – на фоне его коллег по либеральному правительству – опыт социального посредничества и ведения переговоров с тред-юнионами. Не случайно, что для него главным мотивом поддержки официального решения о вступлении Великобритании в войну стала идея сохранения единства нации. Принцип консолидации национальных сил лежал в основе его предпочтений в пользу коалиционной структуры правительства как наиболее соответствующей кризисным условиям войны и переходного периода. Собственно, сам Ллойд Джордж и возглавил сначала военный кабинет такого типа (1916–1918 гг.) и послевоенную коалицию.

Важнейшим элементом его особого политического стиля были особые отношения с прессой, поскольку он считал, что в арсенале средств публичной политики она способна не только отражать общественное мнение, но – главное – формировать его. Прагматично полагая, что не журналисты и редакторы, а владельцы печатных органов определяют их позицию, именно с газетными магнатами он установил особые контакты и вполне успешно их использовал. Большинство влиятельных изданий – от умеренной «Таймс» до либеральной «Манчестер Гардиан» и лейбористской «Дейли Геральд» – широко пропаган-

дировали внешнеполитическую активность премьера и, если допускали критику, то весьма умеренную.

Репутация Ллойд Джорджа, какой она предстает с газетных страниц, укладывается в образ национального лидера, который символизирует реальный его вклад в британскую политическую культуру XX в. Кризисные условия войны и послевоенной реконструкции обеспечили уникальные возможности для успешного применения тех персональных качеств, которые отличали Ллойд Джорджа его предшественников – политиков традиционного типа и даже аутсайдеров викторианской эпохи. При всей неоднозначности его внешнеполитических достижений, он первый среди английских политиков органично соединил реализм и либеральную риторику, обеспечив продвижение британских интересов и консенсус по их поводу внутри страны.

Литература

1. Най Дж. Лидерство в преобразованиях и национальная стратегия США // Россия в глобальной политике. 2006. Т.4. №4. Июль-август.

2. Валлерстайн И. Утопийское, или исторические возможности XXI века // Прогнозис. 2006 . №1(5).

3. Taylor A.J. N. Lloyd George: Rise and Fall // Essays in English History. – London, 1976.

А.М. Бетмакаев

Стена и витрина. Вальтер Ульбрихт и образ ГДР в 1960-е гг.

Образ Германской Демократической Республики в 1960-е гг. был, в первую очередь, связан с самым одиозным символом Холодной войны – Берлинской стеной, установленной 13 августа 1961 г. по инициативе Первого секретаря ЦК Социалистической единой партии Германии (СЕПГ), Председателя Государственного Совета ГДР Вальтера Ульбрихта. Строительство стены было самым важным мероприятием Ульбрихта для стабилизации власти СЕПГ в Восточной Германии. Стена прекратила поток беженцев из ГДР в Западный Берлин, что создало предпосылку для перемены сознания людей – от протеста посредством «голосования ногами» к лояльности в отношении режима – и, в конечном счете, для подъема экономики ГДР в 1960-е гг. Вследствие этого, Ульбрихту удалось придать новые импульсы восточногерманской экономике (создание Новой экономической системы в 1963 г.) и достичь, со значительными оговорками, важной цели режима СЕПГ – превратить ГДР в «витрину социализма» (Schaufenster des Sozialismus).

По нашему мнению, в общественном сознании ГДР в 1960-е гг. позитивный «образ витрины» конфликтно сосуществовал с негативным «образом стены», хотя и не мог полностью вытеснить последний. По-

этому мы не можем согласиться с мнением немецкого культуролога М. Йегера, что после строительства стены руководство СЕПГ потеряло интерес к созданию привлекательной (по сравнению с Западом) витрины [1, S.110]. В нашем докладе мы попытаемся доказать, что образ ГДР как «витрины социализма» продолжал сохранять важное значение в деятельности СЕПГ.

Исторически представление о «витрине социализма» было связано не только с политикой СССР по германскому вопросу, но с образом Сталина в пропаганде правящего режима Восточной Германии. Как отмечает А. Тихомиров, образ Сталина предусматривал такой сценарий власти СЕПГ, который представлял восточногерманское общество как закрытое, а ГДР как «витрину и оплот социализма» («Schaufenster und Bollwerk des Sozialismus») в Холодной войне [2, S.509].

После смерти Сталина формула «витрина плюс оплот/бастион» определяла политику СЕПГ, причем позднее концепт оплота воплотился в «антифашистский вал» – Берлинскую стену. В проекте письма политбюро ЦК СЕПГ в Президиум ЦК КПСС (1957) отмечалось: «Ввиду существования двух немецких государств с абсолютно разным общественным устройством и ролью германского империализма в современном противостоянии очевидной является первостепенная политическая задача демонстрировать превосходство социалистического общественного устройства в Германии. С этой целью ГДР должна стать привлекательным примером для рабочего класса и всех трудящихся Западной Германии, а также других капиталистических стран Европы. ГДР должна быть витриной социализма в Западной Европе. Это полностью соответствует интересам всего социалистического лагеря» [3, S.2277]. На V съезде СЕПГ в 1958 г. Ульбрихт поставил амбициозную цель – догнать и перегнать Западную Германию, что было созвучно идее советского лидера Н.С. Хрущева «догнать и перегнать Америку». Но помимо советского влияния существовали и немецкие истоки концепции «витрины социализма».

Американский историк С.Дж. Уайзен обращает внимание, что с начала 1950-х гг. правительство ФРГ пропагандировало успехи «западногерманского экономического чуда» на ежегодной Германской Промышленной выставке в Западном Берлине [4, p.151]. Павильоны выставки посещались (до августа 1961 г.) миллионами граждан ГДР, которые приходили к нежелательному для руководства ГДР выводу о значительном отставании восточногерманской экономики, в особенности в части удовлетворения запросов потребителей (карточная система в ГДР была отменена только в 1958 г.). Отец «экономического чуда», министр экономики ФРГ Л. Эрхард в каталоге выставки 1951 г.: «Эта

выставка имеет характер витрины для Востока. Возможно, наши немецкие братья, <...> живя в большевистской неволе приобретут после посещения этой выставки уверенность, что их ждет более счастливая судьба, если они воссоединяются с нами, чтобы жить в мире и свободе. Возможно, красочность и разнообразие экспонатов рассеют обман восточной пропаганды <...> и продемонстрируют то, что свободные люди способны к достижению... в свободной экономической деятельности» [4, p.158].

Впрочем, как справедливо пишет немецкий историк Х.А. Винклер, весь Западный Берлин был «витриной Запада» [5, S.192]. И хотя Ульбрихт в письме Хрущеву от 15 сентября 1961 г. отмечал, что с установлением стены Западный Берлин закончил играть роль витрины капиталистического Запада [6, p.128], проблем для режима СЕПГ не стало меньше. Ульбрихт понимал, что только реальные, а не пропагандистские меры по наполнению «витрины социализма» потребительскими товарами обеспечат легитимность режима СЕПГ.

При этом на помощь Советского Союза Ульбрихт теперь не мог полностью рассчитывать. В начале 1960-х гг. у Хрущёва были собственные экономические проблемы. В 1962 г. правительственная делегация ГДР вернулась из Москвы с пустыми руками. Когда Председатель Государственной плановой комиссии Карл Мевис заявил советским руководителям о том, что Советский Союз мог бы помочь ГДР в исполнении роли «витрины социализма», то ему было жестко сказано, что если немецкие товарищи хотят быть витриной социализма, тогда они могут попытаться наполнить ее собственными силами [7, S.351].

На VI съезде СЕПГ в январе 1963 г. Ульбрихт представил Новую экономическую систему планирования и управления (НЭС), которая предусматривала отказ от прежних принципов сталинской экономической политики и внедрение некоторых принципов рыночной экономики. НЭС была основой и мотором «красного экономического чуда» 1960-х гг. в ГДР. Экономика Восточной Германии стала второй (после СССР) по размерам ВВП в советском блоке. В 1960-е гг. ежегодный рост национального дохода держался на уровне 5%, при этом производство предметов потребления начало обгонять развитие тяжелой индустрии. В ГДР первой среди социалистических стран было налажено массовое производство легковых машин, цветных телевизоров, сложной бытовой техники. Население ГДР – достигло наивысшего уровня жизни среди всех коммунистических стран мира: в расчете на 100 домохозяйств количество личных автомобилей увеличилось с 3,2 в 1960 г. до 15,6 в 1970 г., домашних холодильников – с 6,1 до 56,4, стиральных машин – с 6,2 до 53,6, телевизоров – с 16,7 до 69,1 [8, S.577].

ГДР удалось превзойти потребление ФРГ в расчете на душу населения в масле и жирах. Теперь, замечает немецкая исследовательница А. Каменски, неожиданно население столкнулось с проблемой переизбытка: население в среднем потребляло на 33% больше калорий в день (примерно на 1000 килокалорий), чем было необходимо, поэтому каждый четвертый взрослый в ГДР имел излишек веса [9, S.43].

Восточные немцы, пишет американский историк Д. Крю, почувствовали, что они были более обеспечены, чем большинство граждан «братских социалистических стран» [10, p.7]. Все это значительно улучшило имидж Ульбрихта у населения ГДР и позволило ему чувствовать себя более уверенным в международных делах. Как отмечает А.М. Филитов, усилились самомнение лидеров ГДР/СЕПГ и сознание своей особой роли в содружестве. Они не стали соперниками советских лидеров в борьбе за гегемонию как КНР, однако если во времена Сталина ГДР была объектом манипуляций и даже шантажа со стороны «старшего брата», то отныне роли изменились: В. Ульбрихт стал заниматься самым настоящим вымогательством по отношению к советскому союзнику [11, с.253].

В сентябре 1967 г. Ульбрихт заявил, что социализм не является краткосрочной переходной фазой в развитии общества, а относительно самостоятельной социально-экономической формацией в историческую эпоху перехода от капитализма к коммунизму в мировом масштабе. Первый секретарь СЕПГ этим поправлял не только Маркса и Ленина, он бросал вызов Советскому Союзу, который присвоил себе право вести другие социалистические страны вперед от социализма к коммунизму. Если советское и восточногерманское общества находились в одной и той же социально-экономической формации, то Советский Союз не имел более качественного превосходства. В мае 1968 г. в связи со 150-й годовщиной Ульбрихт оценил социализм ГДР как «социализм в современной, индустриально высокоразвитой стране» [12, S.74], что означало обоснование права на национальную модель социализма.

Создававшийся пропагандистским аппаратом СЕПГ образ ГДР как «витрины социализма» и образца для всех социалистических стран воспринимался в Москве как скрытый протест против роли СССР. Поэтому советский руководитель Л. Брежнев санкционировал замену В. Ульбрихта на Э. Хонеккера на посту Первого секретаря ЦК СЕПГ в мае 1971 г. Так творец «витрины» натолкнулся на стену, которую выстроила Москва против попыток подорвать ключевые позиции СССР в Организации Варшавского договора. Кремль не мог согласиться с

ульбрихтовской интерпретацией образа «витрины социализма» как примера для стран «социалистического лагеря».

Литература

1. Jäger M. Kultur und Politik in der DDR. – Köln, 1995
2. Tikhomirov A. Stalinbild (er) in der SBZ/DDR: die deutsche Nachkriegsgesellschaft im Spannungsfeld zwischen Propaganda und Erfahrung // Historische Erinnerung im Wandel. Neuere Forschungen zur deutschen Zeitgeschichte unter besonderer Berücksichtigung der DDR-Forschung / Hrsg. H. Timmermann. – Münster, 2007.
3. Entwurf [eines Schreibens des Politikbüros des ZK der SED an das Präsidium des ZK der KPdSU, ohne Datum (1957) und ohne Überschrift:], «Teure Genossen! / Das Politbüro unserer Partei hat sich mit der Entwicklung der Volkswirtschaft der DDR bis 1965 beschäftigt [...]» // Materialien der Enquete-Kommission «Aufarbeitung von Geschichte und Folgen der SED-Diktatur in Deutschland» (12. Wahlperiode des Deutschen Bundestages). Bd. V/3. – Bonn, 1994.
4. Wiesen S.J. Miracles for Sale: Consumer Displays and Advertising in Postwar West Germany // Consuming Germany and the Cold War. – N.Y., 2003.
5. Winkler H.A. Der lange Weg nach Westen. – München, 2000.
6. Letter from Ulbricht to Khrushchev, 15 September 1961 // Cold War International History Project Working Paper. No.5. – Wash., 1993.
7. Frank M. Walter Ulbricht. Eine Deutsche Biographie. – Berlin, 2001.
8. Schröder K. Der SED-Staat. Partei, Staat und Gesellschaft. 1949–1990. – München, 2000.
9. Kaminsky A. Illustrierte Konsumgeschichte der DDR. Erfurt, 1999.
10. Crew D.F. Consuming Germany in the Cold War: Consumption and National Identity in East and West Germany, 1949–1989, an Introduction // Consuming Germany and the Cold War. – N.Y., 2003.
11. Филитов А.М. СССР и германский вопрос: поворотные пункты (1941–1961 гг.) // Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. – М., 2003.
12. Weber H. Die DDR 1945–1990. – München, 1994.

В.С. Бойко

Лидеры современного Афганистана: имидж и политика в XX – начале XXI вв.

Афганистан – один из примеров сравнительно позднего вызревания государственности в преимущественно племенном обществе горных

районов Западной и Южной Азии. Элементы устойчивого политического управления возникли здесь только в середине XVIII в. – в 1747 г. вождь пуштунского племени абдали Ахмад-шах был избран правителем нового племенного союза, названного позднее державой Дуррани, хотя процесс формирования афганского государства затянулся на многие годы, а фактически он продолжается и поныне. В XIX в. держава Дуррани распалась на ряд княжеств (Кандагарское, Кабульское и др.), но в ходе сопротивления английской экспансии в конце 1830-х – начале 1840-х гг. и в 1870-х гг. (первая и вторая англо-афганские войны) укрепился общеафганский патриотизм, появились новые формы государства, чему в немалой степени способствовало появление на политической арене сильного лидера – эмира Абдурахман-хана (правил в 1880–1901 гг.). Однако в историографии Афганистана, особенно зарубежной, в качестве основных причин возрождения афганской государственности называются внешние факторы – утверждается, (например, Б. Гопкинс), что это государство возникло как специальный имиджевый проект-конструкция Ост-Индской компании, главного британского экономического и политического института, действовавшего в Южной Азии и на ее рубежах на протяжении XVIII – первой половины XIX вв. Ее чиновники, по совместительству и аналитики (М. Эльфинстон и др.), якобы таким образом создавали отодвинутую («научную») границу Британской империи. Согласно другой точке зрения, Афганистан – договорный проект буферного государства, претворенный в жизнь политическими лидерами Британской и Российской империй.

Проблема политического статуса Афганистана в категориях государственности – одна из самых актуальных, но не менее важна и ее составляющая – политическое лидерство. С середины XVIII до начала XX вв. Афганистаном управляли традиционные лидеры – восточные деспоты-полководцы, но последний из них, эмир Абдурахман-хан, стал основателем вполне современного государства, хотя и рожденного в перекрестье азиатской и европейской политики. В последующем политический процесс приобрел прерывные, зигзагообразные формы, сохраняя при этом переходность к цивилизованным образцам в сфере политики, экономики, культуры и идеологии – сохранение в социальном и политическом обиходе традиционных институтов не мешало афганской элите периодически осуществлять реформы умеренного или даже радикального характера (прерванный «революционный» эксперимент Аманулла-хана 1919–1929 гг., либеральные программы Шах Махмуда конца 1940-х – начала 1950-х гг. и др.). На основании обширных архивно-документальных и других (британских, советских, германских и др.) данных можно заключить, что «сбой» политической эволюции Афгани-

стана, как и политического лидерства, произошел в 1919–1929 гг., когда пришедший к власти в результате теракта Аманулла-хан в диктаторской манере стал воплощать в жизнь сначала панисламистские проекты (претензии на халифат в условиях распада Османской империи, план создания Центральноазиатской федерации в составе Хивы, Бухары и других квазигосударств под эгидой Афганистана, поддержка националистических повстанческих движений в Центральной Азии), а потом приступил к осуществлению серии радикальных реформ, приведших к гражданской войне и фактическому распаду Афганистана. В этом эпизоде под личной реформатора оказался диктатор-романтик, лишенный команды, увлекавшийся внешней стороной дела – собственным имиджем, имиджем своей страны и народа.

Его преемники в лице пуштунского аристократического клана яхьяхель (Надир-шах, его братья и сын Захир-шах, наследовавший в 1933–1973 гг. афганский трон) учли многие уроки трагедии 1920-х гг. и сделали имиджевую ставку на традиционные ценности, хотя являлись политиками вполне современного типа. Однако их семейно-олигархический стиль привел к новому политическому кризису, вылившемуся в конце 1940-х – начале 1950-х гг. в либеральный эксперимент – половинчатый и малоудачный, завершившийся генерационной ротацией правящей элиты. В 1953–1978 гг. политическое лидерство Афганистана олицетворял М. Дауд (с перерывами премьер-министр и президент), под диктаторской личиной которого действовал умелый и энергичный реформатор, однако ограниченность его политической культуры и репрессивная внутренняя политика обусловили леворадикальный переворот 1978 г. («Апрельскую революцию»), сопровождавшийся политическими катаклизмами 1980-х – 1990-х гг. Во главе страны последовательно оказывались увлекавшийся политической демагогией писатель-революционер Н.М. Тараки, профессиональный политик умеренного толка Б. Кармаль, снискавший себе в результате сотрудничества с советской стороной репутацию иностранного агента, политик-силовик и «кризисный менеджер» М. Наджибулла, в последующем – главная жертва боевиков движения талибан. В 1992–1996 гг. у власти в Афганистане находились лидеры военизированных группировок религиозно-националистического типа, которые претендовали на звание «исламских революционеров» (С. Моджаддиди, Б. Раббани, А.Ш. Масуд и др.), но они оказались несостоятельны как государственные деятели, способные восстановить мир в стране. Тем не менее, это были последние в XX в. правители Афганистана, имевшие имидж патриотов с интеллектуальным (преимущественно теологическим) багажом.

Приход к власти в Афганистане движения талибан (1996–2001 гг.) резко изменил даже традиционные формы управления и самоуправления в этой стране – на местах власть уже с 1980-х гг. была сосредоточена в руках многочисленных полевых командиров, а на общенациональном уровне она предстала в виде двух центров (кабульского и кандагарского), в значительной степени виртуализированных и мифологизированных по персональному составу, стилю и имиджу. В качестве первых лиц Исламского эмирата Афганистан назывались мулла М. Омар, организатор всемирной террористической сети Усама бен Ладен и др., которые не являлись публичными фигурами в обычном смысле, но претендовали при этом на роль борцов против гегемонии Запада и «неверных». Слабостью структур власти талибов было отсутствие у них, даже по сравнению с «исламскими революционерами» 1980-х – начала 1990-х гг., минимального числа образованных менеджеров среднего и низшего уровня, репутация репрессивной, основывающейся на самых реакционных догматах мусульманской религии силы, от которой отреклись даже влиятельные духовные лидеры фундаменталистской «Деобандской школы» ислама.

В течение первого десятилетия XXI в. у власти в Афганистане находятся пестрые силы, опирающиеся на потенциал международной коалиции во главе с США. Их позиции легализованы общенациональными выборами, базовыми политико-правовыми документами (конституцией 2004 г. и др.), они располагают опытом государственного управления, предпринимательской деятельности, имеют современное образование (в основном западное), но, ассоциируясь с иностранными силами, не пользуются поддержкой внутри страны. Персонифицирует нынешний режим представитель этнического большинства Афганистана – пуштунов, опытный политик Х. Карзай, но он не обладает должной харизмой и многие годы вынужден лавировать между различными внутренними и зарубежными игроками афганской политики. При этом Карзай неизменно эксплуатирует внешние атрибуты национального лидера и представителя своего народа.

Характерной особенностью политического процесса начала 2000-х гг. является существование региональных центров власти и ее альтернативных (оппозиционных) структур, в том числе управляемых представителями движения талибан. Это заставляет нынешний режим идти на диалог с оппозицией, пока не дающий ощутимых результатов. Соответственно, на политической сцене Афганистана сохраняется конфликтная многолюдность, затрудняющая формирование лидерских групп и персон нового поколения.

Если вывести некий знаменатель политического лидерства в современном Афганистане, в том числе в его персональном наполнении и имиджевом выражении, то его формула будет выглядеть следующим образом: король Аманулла-хан – герой третьей англо-афганской войны, приведший страну к независимости, но едва не погубивший ее непродуманными реформами и закончивший жизнь отщепенцем на чужбине, Мухаммад Захир-шах – король-либерал, подаривший стране конституцию 1964 г., но не сумевший предотвратить раскол общества, изгнанник, но закончивший свои дни на родине в качестве «отца нации», Мухаммад Дауд – диктатор, но и реформатор, павший от рук радикалов, но посмертно мифологизированный соотечественниками в условиях дефицита политических лидеров нового поколения, усугубляемого и затянувшимся кризисом афганской государственности. Однако именно Мухаммад Дауд выглядит победителем в историческом соревновании политических элит Афганистана, хотя в имиджевом отношении самой знаковой фигурой политического Олимпа оказывается Ахмад-шах Масуд, предводитель военно-повстанческих (преимущественно таджикских) движений, занимавший в 1990-е гг. высокие посты в Исламском Государстве Афганистан (ИГА) и погибший в результате теракта в сентябре 2001 г. Это обстоятельство свидетельствует об особой роли и значении имиджа в политической истории переходных обществ – на уровне политического лидерства он может превалировать над базовыми социальными характеристиками элит и стать элементом стратегии умиротворения, столь необходимой Афганистану в XXI веке¹.

Ю.Б. Бочаров

Имидж российских политиков и бизнесменов в Израиле

Энциклопедический словарь трактует слово «имидж» как искусственный образ, формируемый в общественном или индивидуальном сознании средствами массовой коммуникации и психологического воздействия. Имидж создается (пропагандой, рекламой) с целью формирования в массовом сознании определённого отношения к объекту.

Чтобы понять, как и почему в Израиле формируется именно такой, а не другой имидж России, надо сначала ответить на вопрос, каковы эти СМИ, которые его формируют.

Имидж создается пропагандой или рекламой. Поэтому возникает сразу вопрос: кто и как ведёт пропаганду по формированию образа

¹ Данный материал базируется на многолетних (в том числе архивных и полевых) исследованиях автора в 1995–2009 гг. в Великобритании, США, Афганистане, Пакистане, Индии и др.

России в Израиле и есть ли возможности для ведения рекламной компании, исходя из местных реалий?

И, наконец, имидж – это мнения, возникающие в сознании группы людей, на основании их восприятия тех или иных характеристик объекта. Естественно, что в каждой группе людей свое восприятие. Общая численность населения Израиля составляет 7,4 млн. жителей. Из них 5,585 млн. (75,5%) – евреи, 1,495 млн. (20,2%) – арабы и 320 тыс. (4,3%) – представители других национальных меньшинств. Среди евреев – 3,1 млн. (56%) родились в Израиле и 2,39 млн. (44%) – репатрианты. Из репатриантов около 1,1 млн. – выходцы из стран СНГ, 500 тыс. – выходцы из Марокко, 240 тыс. – из Ирака, 230 тыс. – из Румынии, 210 тыс. – из Польши, 105 тыс. – из Эфиопии.

Кроме деления групп населения по географическому принципу, есть градация по социальным категориям, уровню культуры, вероисповеданию и т.д. В итоге мы имеем несколько групп коренных жителей, выходцев из стран СНГ, представителей ультра – ортодоксальной общины, также делящейся на категории в зависимости от страны исхода, и еще одну группу – арабских жителей. И у каждой из групп – своё восприятие мира, свои моральные и культурные ценности и чаще всего свои СМИ.

Для израильской прессы фактически не существует «запретных» тем. В отличие от России, в Израиле нет государственных газет, хотя выходит как минимум 3 центральных и порядка 20 региональных издания. Из более чем 20 каналов ТВ только один государственный, и еще пара имеют субсидии. Из примерно 30 радиостанций как местного, так и общеизраильского масштаба только 3 можно назвать государственными. Интернет-издания, за исключением сайтов государственных структур, частные, ведущие собственную политику, ориентированную только на свое руководство.

Стоит отметить, что израильские СМИ не всегда «играют» за деньги или на стороне денег, но всегда на стороне собственных интересов. Поэтому ни одно благое дело не будет отражено на страницах СМИ, если это не отвечает интересам, либо если этот «интерес» не обеспечен.

Понимая ситуацию, кто и как формирует общественное мнение в Израиле, можно переходить непосредственно к анализу того, что собой представляет имидж России в Израиле. В устоявшемся сознании израильтян Россия – «проарабская» страна, с монархическим режимом, с олигархами-бандитами. В представлении большинства – Израиль вне сферы государственных интересов России. А подтверждения этим постулатам жители Израиля видят в том, что Россию здесь в основном представляют

олигархи, беглые и правящие. Олигархические интересы, естественно, вызывают определенное напряжение в деловых кругах (никто не хочет конкуренции). А это напряжение с помощью прессы находит свое отражение в создании новых «негативных» стереотипов. Хотя стоит отметить, что в последнее время имидж русского бизнесмена начал расти в глазах израильтян. Но именно имидж бизнесменов, а не страны.

Российские интересы в Израиле практически никогда не рассматривались как государственные интересы. К примеру, Америка в Израиле ассоциируется с Белым Домом, Конгрессом, «Сохнудом», но не с экономическими интересами отдельных американских магнатов.

Для обоснования выводов нами была проанализирована частота упоминаний имен российских политиков и олигархов. Для анализа взято по 8 фамилий, представляющих как российскую политическую элиту, так и «русских», в израильском понимании, олигархов. Ведь в сформировавшемся мнении израильтян Березовский и Гусинский – такие же «русские» олигархи, как Абрамович и Дерипаска.

Для подсчета взята информация с четырех ведущих русскоязычных израильских сайтов – «izrus.co.il», «newsru.co.il», «israelinfo.co.il», «kyrsor.co.il».

Таблица 1
Рейтинг упоминаний имен политиков и олигархов
на интернет-сайтах в 2007–2009 гг.

		Сайт 1	Сайт 2	Сайт 3	Сайт 4	сумма
	Россия	1890	210	927	144	3171
1	Путин В.В.	82	53	164	86	385
2	Медведев Д.А.	50	12	126	46	234
3	Лавров С.В.	53	29	71	14	167
4	Стегний П.В.	18	28	12	10	68
5	Жириновский В.В.	11	8	5	11	35
6	Миронов С.М.	2	3	1	4	10
7	Зюганов Г.А.	2	1	4	1	8
8	Грызлов Б.В.	0	1	3	0	4
	Итого					898
	Олигархи	394	93	295	83	865
1	Гайдамак А.	649	320	129	376	1474
2	Невзлин Л.	65	25	41	35	166

		Сайт 1	Сайт 2	Сайт 3	Сайт 4	сумма
3	Абрамович Р.	65	13	41	32	151
4	Черной М.	38	19	9	35	101
5	Шпигель Б.	39	4	8	28	79
6	Березовский Б.	19	3	21	29	72
7	Гусинский М.	25	5	9	10	49
8	Дерипаска О.	8	5	6	7	26
	Итого					2122

За последние два года имена ведущих российских политиков упоминались суммарно 898 раз, а фамилии олигархов, ассоциируемых в Израиле с Россией, в два с половиной раза больше – 2122 раза. Естественный фаворит рейтинга среди политиков Путин В.В. – 385 упоминаний (43% всех упоминаний политиков). Естественный фаворит среди олигархов А. Гайдамак – 1474 упоминания. Стоит отметить, что А. Гайдамак целый год пытался войти в израильскую политику, вкладывая огромные деньги в свой имидж.

К Путину В.В. в Израиле особое отношение, как к жесткому руководителю, могущему решить любую проблему, при необходимости и силовым методом. К данному «образу» Путина неоднократно обращаются израильские политики во времена своих избирательных кампаний. Выражения «мочить в сортире», «однозначно решить проблему», «на вас Путина нет, он бы вам показал» неоднократно звучат в устах как политиков, так и избирателей.

Стоит также отметить, что фамилии Путина и Медведева в среднем упоминаются немного чаще, чем фамилии олигархов (без учета А. Гайдамака). Однако если при упоминании имени Путина В.В. в основном используются глаголы «решил, указал, принял, проигнорировал и т.д.», то при упоминании имени Медведева Д.А. в основном глаголы «выразил озабоченность, инициировал встречу, поздравил, высоко оценил». То есть, Путина в прессе продолжают воспринимать как руководителя.

К министру иностранных дел С. Лаврову (пятая часть всех упоминаний) двойственное отношение. О нем чаще всего пишут не во время его визитов в Израиль, а во время его встреч с арабскими лидерами в соседних, в основном враждебных по отношению к Израилю, государствах. Именно его высказывания на различных арабских форумах

формируют мнение об официальной позиции России по отношению к Израилю.

Посол РФ в Израиле П. Стегний хотя и упоминается всего 68 раз (8%), но это фигура известная в израильских политических кругах и пользующая большим уважением в русскоязычной общине страны. И хотя имидж Посольства довольно высокий, все понимают, что это не сама Россия, а скорее ее инструмент.

На остальных, основных политических руководителей думских фракций и партий, приходится не более 6% всех упоминаний. За два года их имена упоминались только 57 раз, при этом половина статей о В. Жириновском. То есть, о внутренней российской политике почти ничего не пишется. Суммарно, все четверо в Израиле менее интересны, чем тот же М. Гусинский (49 упоминаний), Б. Березовский (72), Б. Шпигель (79). Не говоря уж, конечно, об именах лидеров рейтинга упоминаний – М. Черного (101), Л. Невзлина (151) и Р. Абрамовича (166). Два последних упоминаются даже чаще, чем С. Лавров.

Естественно, что, по представлениям израильской прессы, жизнь олигархов более «привлекательна», чем жизнь политиков. При этом надо учесть, что многие из олигархов в основном заботятся о своем имидже и вкладывают в его формирование определенные средства. Имидж же России формируется в основном «самотеком».

Итак, к понятию «имидж России в Израиле» надо относиться как к мозаичной картине, состоящей из отдельных восприятий отдельных фактов отдельными группами людей. С одной стороны – импонирующая многим «слабым и угнетенным» жесткая позиция Путина в вопросах борьбы с «врагами», с другой стороны – его «заигрывание» с нашими «врагами» и желание поставлять оружие каждому, кто на его стороне. С одной стороны, «приятное» впечатление о деятельности посольства РФ в Израиле, с другой – «негатив» по отношению к проарабской позиции и риторике МИДа. С одной стороны, практически каждый израильтянин может назвать десяток «русских» олигархов, а с другой – с трудом вспомнит более двух-трех «русских» политиков. Этот счет можно продолжать до бесконечности. Вывод здесь один: в мозаике российского имиджа есть много белых и черных пятен. Вопрос в другом: кто сложит из них нужную картину? По мнению многих, в России сегодня нет тех, кто был бы заинтересован (кроме тех, кому это «положено по должности») в создании нужного имиджа, потому что Израиль просто не в сфере приоритетных интересов России. И это тоже устоявшееся мнение.

А.Б. Бушев

Дискурс американских политиков после 9/11: стереотипии

Предметом нашего постоянного интереса являются исследования теоретических и практических основ риторико-герменевтического подхода к речевым произведениям масс-медиа, разработка требований к понимающей языковой личности. Объектом исследования является политическая риторика американских лидеров в СМИ после 11 сентября 2001 г. Материалом исследования являются тексты публицистики и тексты масс-медиа по военно-политическим вопросам, тексты пресс-служб государственных органов, предоставляемые при помощи новых информационных технологий (сети Интернет), образцы публичного речетворчества.

Под риторическим (дискурсивным) анализом нами вслед за Ю.В. Рождественским понимается анализ выражения – словесного воплощения замысла, осуществляемого в речевой коммуникации: «средства языкового выражения, изучаемые в риторике – это особенности применения языка и стиля в конкретном высказывании» [1, с. 201]. Исследуя речевое выражение, риторика стремится выделить то, что может характеризовать данную речь и только ее. Выбор слова в риторике диктуется образуемой им нозмой. Риторический анализ соприкасается с традиционными стилистическими интерпретациями, с анализом дискурса, с широко понимаемым семиотическим анализом. Он – воплощение лингвоинтерпретационной риторико-герменевтической парадигмы исследований [2, с. 1–25; 3, р. 11–52].

Всем нам известны теории о том, что язык и является той моделирующей средой, задающей наши оценки, суждения, представления о мире вокруг нас – социальный конструкционизм. Особенно четко это положение применимо к суждению о языке публицистического и газетного функционального стиля, являющего, наряду с языком социальной науки и управленческо-правовых документов, основы социально-политического дискурса. Современная информационная культура характеризуется двумя особенностями: 1) освещение события в средствах массовой информации является вариантом коммуникативной технологии – т.е. такой технологии, которая направлена прежде всего на массовое сознание; 2) гражданин сталкивается не с самим событием, а с освещением в средствах массовой информации. Оценим риторике «доктрины Буша» (State of the Union Address 2002 г.):

«The civilized world faces unprecedented dangers

We captured, arrested and rid the world of thousands of terrorists and freed a country from brutal oppression.

America and Afganistan are now allies against terror.

We will be partners in rebuilding that country.

Thousands of dangerous killers schooled in the methods of murder often supported by outlaw regimes, are now spread throughout the world like ticking time bombs set to go off without warning».

Невозможно не заметить, что частые повторения определенных слов и сем (counterterrorism, global campaign) сами по себе создают картину приемлемости информации, способствуют некритическому восприятию предлагаемой картины мира. Это мощная риторическая техника воздействия оратора на аудиторию.

WASHINGTON, May 21, 2002 v While the lethal threat terrorism casts on the world is not new, «the world's resolve to defeat it has never been greater», said Secretary of State Colin Powell May 21.

Powell, introducing the State Department's annual Patterns of Global Terrorism, said the world has answered President Bush's call for a coalition against global terrorism.

The report, mandated by Congress, puts the global campaign against terrorism in perspective. The 2001 version features a country-by-country listing of what these nations have done to support the campaign against global terrorism.

«For some nations this means new counterterrorism laws, tighter border security and increased financial controls», said Ambassador Francis X. Taylor, the State Department's Coordinator for Counterterrorism who wrote the report. «For others, it means contributing military assets to operations in Afghanistan. For others still, it is an aggressive sanctioning of terrorist groups in order to curtail their criminal activities».

Powell said the United States and its coalition allies have destroyed the al Qaeda sanctuary in Afghanistan and ended the oppressive Taliban regime. «But the continuing campaign against terrorism isn't only about Afghanistan and bringing the perpetrators, planners and abettors of the Sept. 11 attacks to account», he said. «It is also about bringing the international community's combined strengths to bear against the scourge of terrorism and its many manifestations throughout the world».

Taylor said the report lists successes to date in the war on terrorism and charts the way ahead. «By the end of last year 1,000 al Qaeda operatives had been arrested in more than 60 countries», Taylor said. «Today, that figure stands at 1,600 operatives in 95 countries. But al Qaeda has not been defeated and operatives from other terrorist groups still pose an equally deadly threat».

Other nations need help in fighting the cancer of terrorism, Powell said. The United States has launched a train and equip program with Georgia to develop that country's counterterrorism capabilities. Other U.S. forces are

working with the government of Yemen «to root out al Qaeda cells and to ensure that Yemen is not used as a base for terrorist organizations».

В исследовании языкового конструирования социальных представлений в СМИ особенно нас привлекают два момента:

1) изучение автоматизмов выражения – клише, штампов, стандартов стиля и жанра;

2) сознательное «риторическое» переименовывание и формирование другого отношения (тоже массового, тоже стандартного), основные языковые тактики пропаганды. Сюда же – на более высоком уровне – риторическом – относятся стратегии управления корпоративным имиджем, опора на авторитеты, автоматизация и деавтоматизация в масс-медиа и имиджелогии.

Редко пропаганда может осуществляться сообщением фактической информации. Убеждение вообще редко идет только при помощи логики, как бы парадоксально ни прозвучало такое заявление. В риторико-герменевтической традиции исследования речи такой постулат находит своих многочисленных сторонников, от весьма древних и авторитетных – до современных исследователей. Так, еще Аристотель пишет о том, что риторика изучает не только убедительное, но и кажущееся убедительным, этим она противопоставлена логике и диалектике. Обсуждая судебные речи, ряд современных теоретиков и практиков красноречия подчеркивают, что они вообще не нацелены на логический поиск истины, а ставят своей задачей убеждение слушателя и склонение его в свою пользу.

Часто сама личность становится коммуникацией – знаковая личность С. Хусейна: перед нами сообщение пресс-службы о поимке С. Хусейна. Клишированные техники коммуникации выделены в текстах и обсуждаются нами ниже.

«By Jim Garamone

American Forces Press Service

WASHINGTON, Dec. 14, 2003 v With three words – «We got him» Ambassador L. Paul Bremer III [[http:// www.cpa – iraq.org/bios/index.html](http://www.cpa-iraq.org/bios/index.html)] announced at a press briefing in Baghdad today that U.S. forces had captured Iraqi dictator Saddam Hussein near his hometown of Tikrit.

Bremer, the coalition [[http:// www.cpa-iraq.org](http://www.cpa-iraq.org)] administrator, said it was a «great day» in Iraq's history. «For decades, hundreds of thousands of you suffered at the hands of this cruel man», he said. «For decades, Saddam Hussein divided citizens against each other. For decades, he threatened and attacked your neighbors. Those days are over forever. The ambassador called on Iraqis to look to the future. He urged those who supported Saddam

to reexamine their views and cooperate to build a new Iraq. «Your future has never been more full of hope», he said.

The streets of Baghdad erupted with «celebratory gunfire», according to correspondents in the Iraqi capital. Officials said some Iraqi regime diehards may launch attacks, but that coalition forces are prepared».

Играют свою роль многие факторы коммуникации: монологическая коммуникация, авторитет государственных лиц, отдается приоритет эмоциональной составляющей над рациональной, пропаганда отсылает к апробированным риторическим схемам типа «друг–враг», «мы – они», не стремясь создать новые схемы. Используемая резонансная технология свою основную силу видит не в новизне вводимой информации, а в соответствии уже имеющимся в массовом сознании представлениям: моделью резонанса можно считать ситуацию, где информационный вход намного меньше информационного выхода. С этой целью работают когнитивные схемы – сами слова «заложники», «освободители», «бандформирования» – опираются на стереотипы, отражающие наше структурирование действий.

При их анализе выделяются клише и штампы политического дискурса, аксиологическая лексика. Роль стереотипии (клише, штампы) и оценочности (аксиологическая лексика) в реализации воздействия неоспорима. Предвзятость суждений, штампы и стереотипы мышления и речи, эмоциональная вербовка на стандарт – существенные риторические результаты работы этих стилиобразующих факторов. Нельзя не заметить, что частые повторы и варьирование определенных слов и сем сами по себе создают стойкую картину приемлемости информации, отождествляются с определенным автоматизмом восприятия. С автоматизацией сближаются представления о словесном камуфляже цинизма в политическом дискурсе, процессах эвфемизации и перифразирования в дискурсе о власти: «prisoners», «captives», «hostages», «rebels», «terrorists», «bandits» – слова применяются в отношении одних и тех же, но далеко не взаимозаменяемы. Вспомним замечательные эвфемизмы: «принять меры», «план мероприятий», «чрезвычайный меры», «elimination of unreliable elements», «transfer of population», «rectification of frontiers», «pacification», «гуманитарное вмешательство», «ограниченный контингент», «зачистка». Многочисленные примеры эвфемизмов и недомолвок в военно–публицистическом дискурсе: «peace enforcement operation», «peacekeeping effort», «ethnic cleansing», «prisoners», «hostilities», «collateral damage», «scenario-dependent action». Характерна сложность дефинитивности терминов в политическом дискурсе: «гуманитарная катастрофа», «этнический геноцид», «демократические институты», «санитарный кордон», «мироустанов-

ливающие операции», «постконфликтное урегулирование». Семантика, толкование терминов оставляют возможность наполнения явления своими смыслами. Банальность метафоризации – феномен из ряда обсуждаемых: «государство-изгой», «ось зла».

Необходимой становится выработка оптики по прочтению подобного, столь нужной науке и социальной действительности.

Литература

1. Рождественский Ю.В. Теория риторики. – М., 1997.
2. Богин Г.И. Субстанциальная сторона понимания текста. – Тверь, 1993.
3. Rastier F. On Signs and Texts: Cognitive Science and Interpretation // *Intellectica*. 1996. Vol. 2. №23.

Н.А. Заусаева

Роль интеллектуалов в формировании имиджа страны

Позитивный имидж государства создается разными путями, но, пожалуй, самым древним и проверенным временем является путь из добрых дел. Известно, что политика и добро, по крайней мере, в теории, со времен Макиавелли разошлись. Если учесть, что Макиавелли в своих выводах опирался на изучение действительности, то приходится признать, что в реальной жизни политика и добро давно «не дружат», свидетельством чего являются меткие фразы о политике как грязном деле и т.п. Но так было не всегда и не везде. У древних греков, напротив, добро и политика выступали в единой связке. Добро, благо, добродетель, справедливое и наилучшим образом устроенное общество выступали целями политики вообще и деятельности политиков, в частности. Имеют ли место «пережитки» (в хорошем смысле) тех времен в современной общественной жизни? Современная политика, несмотря на предвыборные обещания всевозможных кандидатов способствовать общему благу и творить добро, у вдумчивых избирателей вызывает лишь улыбку. Куда разуверившемуся гражданину обратить свой взор в поисках современных производителей и устроителей добрых дел? Какая из современных социальных групп имеет отношение к «производству добра»? Представляется, что в этой номинации далеко не на последнем месте могут оказаться интеллектуалы. Анализ их деятельности свидетельствует о том, что порою интеллектуалы, как особая социальная группа, способны сделать для своей страны гораздо больше, чем легионы революционеров.

Не углубляясь в терминологический анализ этого понятия, отметим его отличие от хорошо известного в нашей стране понятия «интеллигенция». Интеллектуалу не присуще стремление выражать интересы народа, в то время как для интеллигенции это стремление являет-

ся ее сущностной характеристикой и позволяет видеть в ней политического субъекта, а в отдельных ее представителях «политического человека», несущего в себе конфликтный потенциал по отношению к власти. Социологи выделяют интеллектуала чаще всего по уровню образованности, а философы обращают внимание на его сущностные свойства, специфические функции, в частности, производство ими нового знания, идей, картин мира и т.п. Для тех и других характерен высокий уровень нравственности, по крайней мере, выше среднего в данном обществе. При неоднозначной оценке деятельности интеллектуалов, многие исследователи этого явления акцентируют внимание на их позитивном значении для общества в целом и своей страны в частности. Пожалуй, более точно это значение выразил известный немецкий философ Ю. Хабермас в речи по случаю награждения премией Шолль 1985 г.: «Да здравствует страна, которой нужны интеллектуаль» [1, с.98]. Его соотечественник Р. Дарендорф в этом же ключе подчеркнул, что общества, где немые интеллектуалы, лишены будущего [2, с.5].

Примеров участия интеллектуалов в модернизационных процессах своего общества история знает много. Наиболее впечатляющий из них относится к периоду социального кризиса Шотландии XVIII века, когда благодаря инициативам интеллектуалов (Д. Юм, А. Смит, А. Фергюсон, В. Скотт и др.) шотландское отсталое провинциальное общество за несколько десятилетий превратилось в современное. Основной институциональной формой проявления их активности выступали клубы и творческие сообщества. Многие из них носили закрытый характер, т.е. предусматривали определенную и ограничивающую численность процедуру вступления, что повышало их престиж. В эти общества принимались (часто на основе конкурса) и представители других слоев, которые обеспечивали связь интеллектуалов с практикой, а также способствовали материальной поддержке при разработке проектов совершенствования различных сторон жизни. Цели многих обществ заключались в улучшении знаний в различных областях науки, однако результаты деятельности имели не только просветительские, но и практические последствия. Например, члены Общества улучшения нравов патрулировали улицы Эдинбурга в сопровождении официального лица, пресекая сквернословие и другие пороки. Пользовавшееся большой популярностью, Избранное общество определило цель как стремление к философским исследованиям и к совершенствованию ораторского искусства, а результатом деятельности одного из его подразделений стали предложения по улучшению законов о дорогах, мостах и переправах, а также план ремонта дорог, успешно реализованный на волне этого движения. «Улучшение» стало ключевым словом, ха-

рактизирующим бурную деятельность интеллектуалов, сознательно сторонящихся политики, но, тем не менее, способствовавших укреплению имиджа своей страны как центра Просвещения, литературы, промышленности, теоретических и практических идей Нового времени [3, с.115–129].

Исторический опыт показывает, что и один интеллектуал способен сделать очень много полезного и необходимого для процветания своей страны, если обладает большим авторитетом, а его деятельность осуществляется в рамках значимого института. Не просто создать самостоятельное государство, но вывести его на передовые рубежи удалось известному философу-интеллектуалу, первому президенту Чехословацкой республики Т.Г. Масарику – «Президенту-Освободителю». По мнению многих, он стал воплощением в XX веке философа-правителя из «Государства» Платона. Современники считали его «львом» в политике и одновременно «философом на троне». Несмотря на обширный опыт философской деятельности, в своей общественной деятельности, как до президентства, так и в течение его, Масарик проводил курс политического реализма, который способствовал интегрированию всех конструктивных сил общества [4, с.112–113]. В проведении своей политической линии он опирался как на знание структуры и закономерностей развития общества, которыми он овладел как социолог, так и на этические постулаты, почерпнутые им из философии и русской литературы. Имидж укрепляющего свою мощь государства формировался им не за счет мобилизации населения на производство оружия, как это характерно, например, сегодня для Северной Кореи, а посредством социальной педагогики. Суть ее заключалась в обучении населения: изменении в образовании, начиная с начальных ступеней школьного образования до обучения правителей: депутатов, министров, включая самого Масарика. Главным средством при этом он считал честную пропаганду. «Честность – лучшая политика» – важнейший постулат его политической деятельности. Десятилетиями позже американский философ Дж. Ролз напишет книгу «Теория справедливости» о значении этого принципа в политике. Для реализации «честной политики», по мнению Масарика, необходимо непрестанное повышение уровня всеобщей политической образованности и сознательности. Примечательно, что Масарик жил во время, когда еще не были разработаны теории модернизации и демократизации, но уже тогда он уяснил, что важным условием движения к добру и процветанию государства и граждан в государстве является повышение уровня политического образования. Сегодня тезис о том, что демократизация начинается с реформы образования, является исходным пунктом современной

транзитологии. Другими важными атрибутами его деятельности, принесшими славу ему и его государству, были самокритичность, терпимость, скромность, гуманность, поэтому правило «власть портит человека» на него практически не распространялось, «железный закон олигархии» в его случае дал сбой. Президент-философ Масарик стал исключением из указанного правила и закона. Он был не только инициатором становления Чехословацкой республики, укрепления ее авторитета на международной арене, вхождения ее в семью европейских народов, но и очевидцем воплощения своих идей, знаний и гуманистических идеалов на практике.

Десятилетия фигура Масарика по идеологическим причинам отодвигалась на задний план с ярлыком реакционного буржуазного философа и контрреволюционера. Сегодня памятник Т.Г. Масарику стоит в центре Праги, его книги издаются и переводятся на разные языки, будем надеяться, не забудутся и принципы его политической деятельности. Для современной России фигура Масарика важна не только опытом интеллектуального и весьма плодотворного президентства в славянской стране. При его участии в рамках «Русской акции» в Праге была оказана существенная помощь (моральная и материальная) нашим соотечественникам после революции. Книги Масарика о русской философии и литературе, российском либерализме, извечных проблемах России уже находят и будут находить благодарных читателей в нашей стране.

Изучая подобный опыт деятельности интеллектуалов, важно констатировать, что главными средствами социальных преобразований для них во все времена являлись авторитет (научный и моральный), рациональное сознание, активная социальная позиция, неприятие радикализма.

Литература

1. Производительная сила коммуникации. Юрген Хабермас отвечает на вопросы Ханса-Петера Крюгера // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. – М., 1995.
2. Дарендорф Р. Гражданская ответственность интеллектуалов: против нового страха перед просвещением // Полис. 1997. №6.
3. Микешин М.И. Интеллектуалы и их среда. Клубы и общества в Шотландии в XVIII веке // Человек. 2004. №1.
4. Лаврик Э.Г. Социологическая теория и политическая практика Т.Г. Масарика // Социс. 1998. №4.

Н.И. Кругова

**Трактовка роли выдающейся личности в истории:
от Просвещения до наших дней**

Проблема выдающейся личности в истории возникает в гуманитарном знании как самостоятельная тема исследования не ранее XIX в., и сама эта ситуация в очередной раз доказывает нам, как познание идет вслед за жизнью. Ни античность, когда ход событий мыслился как движимый «судьбой», «роком», ни средневековье, когда история мыслилась как реализация «промысла божьего», не могли сформулировать подобной проблемы. XVIII в., век Просвещения, выдвинув разум человеческий как способ достижения цели, казалось, был близок к проблеме, которая вскоре станет одной из главных в познании истории, но именно только приблизился к ней. Поскольку ценность человека соизмерялась с его способностью к разумному действию, а разум есть отличительное свойство любого человека, то во главе истории, как представлялось, оказываются люди, сознательно развившие в себе эту способность к разумному действию. Гениальность, особые способности не могли стать объектом специального интереса для просветителей. В «Энциклопедии» Дидро статья «Человек» весьма показательна в этом плане. Абстрактные, общие рассуждения. «Люди станут способными, если они свободны» [1, с.87]. Просвещение не случайно упрекают в морализаторстве. «Соблюдение законов, охрана свободы и любовь к родине – вот плодотворные источники всех великих деяний и всех прекрасных поступков» [1, с.91]. Конечно, в позднем Просвещении, например, у Гердера можно найти гениальные догадки о роли выдающейся личности, о природном свойстве отдельных людей оказаться во главе событий, однако разум главенствует и у Гердера.

Великая Французская революция, а затем Наполеон развенчали это восхваление разума, поскольку стало очевидно, что в истории действуют силы, имеющие к разуму мало отношения. Гётевская «демоническая личность» завладела умами, а поклонник и почитатель Гёте Т. Карлейль, известный своей теорией «героев и толпы», прямо говорит о природной *гениальности*, не только не обусловленной воспитанием и образованием, но как о противостоящем им свойстве человеческой природы. «Редко бывает, чтобы какой-нибудь Фридрих или Наполеон воспитывались с целью подготовить их к последующей деятельности, чаще всего даже их подготовка осуществляется совсем иным путем, в одиночестве и страдании, в нужде и при неблагоприятных обстоятельствах» [2, с.332].

Карлейль сформулировал в своих работах многие положения, остающиеся в арсенале современной науки о психологии масс и психо-

логии толпы. Он первым обратил внимание на *психологические закономерности* развития революции и объяснил неизбежность смены главных действующих лиц в условиях нерешительности действий лиц, в чьих руках на данный момент находится власть. Так, он проследил движение Робеспьера к вершине государственной власти и отметил *непонимание* жирондистами угрозы, исходившей от якобинцев в обстоятельствах, когда Франция пережила такое потрясение, как казнь короля: «...движение, по самой природе своей лишенное порядка, возникшее вне и ниже пределов порядка, не должно ли оно действовать и развиваться не как нечто упорядоченное, а как хаос, разрушительно и самоистребительно, до тех пор, пока не появится нечто, заключающее в себе порядок и достаточно сильное, чтобы снова подчинить себе это движение? Можно также предположить, что это нечто будет не формой с философскими предложениями и судебным красноречием, а действительностью, и, быть может, с мечом в руке!» [3, с.431]. Робеспьер, а затем Наполеон – не случайные фигуры в истории, сама история выдвинула на авансцену эти фигуры, но тот факт, что это были конкретные люди, сумевшие подчинить себе обстоятельства, требовал дополнительного объяснения. Карлейль такое объяснение дает: *героями* становятся люди, наделенные *природой* особыми качествами, сильные духом, живущие эмоциями, *страстями*, обращающиеся к сердцу, а не к разуму, возбуждающие народ, могущие страстною речью убедить и конвент. Так началось развенчание разума.

Удивительно, но, пожалуй, ни одно из положений Карлейля не было опровергнуто позднейшей наукой, этих положений оказалось просто недостаточно, и гуманитарное знание идет, конечно, дальше, развивая, но не отрицая Карлейля.

Развитие идей Карлейля шло по пути сближения его установок с рациональным знанием. Если английский исследователь человеческой природы полагал, что эмоциональная сторона и познается эмоционально, то собственно научное знание в лице, например, французского исследователя И. Тэна поставило проблему создания своего рода инструментария, который позволил бы вскрыть истоки, найти пружины движения к власти выдающейся личности. *Раса, судьба и момент* – вот три рычага этого движения, обнаруженные И. Тэнном. Если перевести этот постулат на более привычные для нас понятия, то это будет *происхождение, условия воспитания* и тот же конкретно-исторический *момент*. О Наполеоне И. Тэн писал: «Не знающий меры ни в чем и до конца своеобразный, он стоит не только выше обычного уровня, но и вне всяких условных рамок; по своему темпераменту, своим инстинктам, способностям, страстям, воображению и по своему нравственному

складу, он кажется человеком, отлитым в какую-то особую форму, созданным не из такого материала, как все его сограждане и современники. Он, прежде всего, не француз и не дитя XVIII века, это человек другой народности и другого времени» [4, с.4]. Придавая решающее значение корсиканскому происхождению Наполеона и тому обстоятельству, что Корсика во времена детства будущего императора была покорена Францией, Тэн и всю дальнейшую судьбу и деяния Наполеона выводит из этих условий формирования личности и характера покорителя Европы. Тэн опирался на многочисленные свидетельства людей, имевших возможность близко соприкоснуться с Наполеоном, но не находившихся в его непосредственном подчинении. «Среди сменяющихся проявлений фанатизма и столкновений партий, он остается неизменно холоден, замкнут и безразличен ко всяким положениям и занят только своей собственной судьбой» [4, с.20]. *Момент*, который был использован Наполеоном – закатное время Французской революции.

Вслед за Т. Карлейлем И. Тэн неоднократно подчеркивает, что гениальность и блестящие успехи Наполеона не связаны с образованием и культурой: «...научная литература и беллетристика, философия, как кабинетная, так и салонная, которой так упивались его современники, тоже скользнули по его уму точно по каменистому утесу; одни только математические истины, да положительные исторические и географические сведения, проникли в него и врезались глубоко. Все остальное он приобретает, как и его предки XV века, через непосредственное и самобытное применение своих способностей в общении с людьми и предметами, через применение своего быстрого и верного чутья, неутомимого и кропотливого внимания и, наконец, выводов, до бесконечности проверяемых в долгие часы уединения и молчания» [4, с.43]. Так интересным образом идеи романтика Карлейля и позитивиста Тэна не только не противоречили друг другу, но оказались абсолютно согласованными. Познание вообще идет не в борьбе мнений и направлений, а в обогащении и движении вперед. Следует признать, что возникшая в начале XIX в. проблема роли выдающейся личности в истории была так фундаментально обоснована в трудах Карлейля и Тэна, что в дальнейшем сам факт особой роли такой личности уже не только не подвергался сомнению, но и рассмотрение ее перешло в иные плоскости.

Не удивительно, что XIX в. с его блестящим развитием наук о природе и человеке, о природе человека дал очень многое в понимании причин, мотивов, способов движения к власти людей, оставивших свой след в истории. Особую роль сыграла в этом процессе психология. К концу XIX в. возникла психологизирующая философия – Ф. Ницше,

В. Дильтей. При этом изменилась, конечно, трактовка самого понятия *выдающаяся личность*. Для Ницше это сверхчеловек, но реализующий себя вовсе не в политике, а в области *духа*. Наиболее вероятной сферой проявления духа выступает, прежде всего, музыка. Для Ницше это была музыка Вагнера. Характерно, что представление об особой роли музыки как способе восприятия мира в первой половине XX в. выступили и создатели известной своими «левыми» взглядами Франкфуртской школы в социологии М. Хоркхаймер и Т. Адорно, но для них выразителем трагизма человеческого бытия был Бетховен, и это весьма симптоматично: если Ницше подчеркивал *аристократизм духа*, то Адорно и Хоркхаймер обращались к проблемам общечеловеческим; проблема сверхчеловека у них совершенно не звучит. У Дильтея понятие *духа* более связано с культурой, а выдающаяся личность выступает выразителем *духа эпохи* – такими выразителями духа эпохи были Сократ, Платон, Августин, Шекспир, Гёте. Очевидно, что представление о выдающейся личности только как о политическом деятеле осталось в прошлом.

Историческая наука XX в. своеобразно отразила все наметившиеся тенденции изучения роли выдающейся личности в истории. В разных национальных историографических школах возобладали различные направления в изучении феномена «великой личности». Так, в немецкой исторической науке наиболее значительными оказались работы так называемых «социальных историков» (И. Фест, Г. Моммзен, К. Хильдебранд и др.). В рамках этого направления подчеркивалось значение социальных условий возникновения, в частности, «случая Гитлера», но также в изучении биографии Бисмарка, Фридриха Великого и других фигур политической истории Германии. Но и немецкие историки не могли не обратиться к психологическим подходам в изучении причин прихода Гитлера к власти, способов формирования и поддержания положительного отношения к фюреру и созданному им режиму. В других же странах психологизация истории была еще явственней. В американской историографии заметным явлением стало развитие такого направления, как психоистория. Возникновение этого направления связывают с именем Э. Эриксона. В частности, он плодотворно использует идею поиска *кризиса идентичности*, сформулированную психоанализом. Главное внимание в изучении стиля мышления, действий, мотивов и поступков политических лидеров становится изучение их детства, воспитания и ранних впечатлений. В отечественной науке одним из первых близких психоистории методы были использованы М.А. Баргом при воссоздании политической биографии Кромвеля.

В связи с общим ростом интереса в исторической науке к проблемам массового сознания наибольшее внимание уделяется сейчас исследованию методов достижения успеха, в частности, наиболее характерным является практически общее признание того обстоятельства, что успех в массах обеспечивается обращением к глубинным основам сознания, «рационализация бессознательного в поведении лидера», как формулирует это томский медиевист И.Ю. Николаева [5, с.127]. Исследователи выделяют такие черты в поведении властителя, которые являются общими для всех стран и эпох. В частности, характерна для власти «демонстрация доступности», но одновременно и «блестящая изоляция», «холодное достоинство или блестящая публичность». Однако социокультурные особенности массового сознания очень существенны, и успех лидера, эффективность властвования могут быть достигнуты только с учетом этих особенностей. Это обстоятельство отмечают все современные исследователи. «Политики в не-западных обществах не выигрывают на выборах, демонстрируя, насколько они западные. Предвыборная гонка, напротив, заставляет их апеллировать к тем вещам, которые они считают наиболее популярными, и эти темы обычно связаны с этническими, национальными и религиозными вопросами», – пишет С. Хантингтон [6, с.137]. Анализ социокультурных особенностей восприятия власти будет, очевидно, одной из центральных тем как различных гуманитарных наук, так и политтехнологий.

Уже сегодня многие исследователи отмечают, что западные и восточные общества выработали различные типы представлений о *легитимности власти*. Восточные цивилизации и все тоталитарные режимы опираются на такие архаические пласты сознания, как необходимость *любви и страха* по отношению к власти. Даже Дж. Лукач, в целом скептически относящийся к поискам бессознательных мотивов в анализе власти, замечает, что Сталин предпочитал видеть возле себя людей, «глубинные свойства характера которых заставляли бы их быть полностью и униженно ему преданными» [7, с.26]. Тоталитарные, как и архаические режимы, необходимо требуют *сакрализации власти*, для чего используются различные методы воздействия на массовое сознание, долженствующие вызвать ликование и радость подданных – пышные шествия с факелами и знаменами, публичное и зафиксированное на фотографиях общение с детьми т.д. Смерть властителя должна вызывать глубочайшую скорбь, для чего его похороны также организуются по строго продуманному сценарию. Нельзя не вспомнить исследования французских историков П. Шоню и Ж. Ле Гоффа, доказавших на материалах французских источников VIII–XIII вв., что королевская власть не всегда осознавала возможность использовать похороны ко-

роля как средство усиления королевской власти, но начиная с X в. этот «канал» воздействия на массовое сознание используется все более эффективно. Но для Европы характерно, что способы взаимодействия власти и народа меняются. Да и утвердить идею сакральности королевской власти не удалось. Обычай исцеления от экземы, который удостоверял сакральность короля, угасает к концу XVII в. (М. Блок). И.Ю. Николаева отмечает, что в Европе в эпоху средневековья в период карнавала существовал обычай обязательного осмеяния шутовского короля, а на Руси таковой традиции не возникло. Можно добавить, что не только на Руси, но и ни в одной восточной цивилизации.

В целом историческая наука в последние десятилетия наметила новые подходы в изучении власти, в границах которых способы достижения и реализации политического лидерства выступают как одна из специфических черт цивилизации, но исследования в этом направлении еще только начаты.

Литература

1. Статьи из Энциклопедии / отв. ред. А.Д. Люблинская. – М., 1978.
2. Карлейль Т. Теперь и прежде. – М., 1994.
3. Карлейль Т. Французская революция. История. – М., 1991.
4. Тэн И. Наполеон Бонапарт // Ипполит Тэн. Наполеон Бонапарт. Ральф Эмерсон. Наполеон или деятель мира. – М., 1997.
5. Николаева И.Ю. Образ власти в современной историографии: новые подходы и методологии (по материалам медиевистики) // Историческая наука и историческое сознание / под ред. Б.Г. Могильницкого. – Томск, 2000.
6. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М., 2003.
7. Лукач Дж. Конец двадцатого века и конец эпохи модерна. – СПб., 2003.

Н.Ю. Кузьминых

Сильвио Берлускони как воплощение современной Италии

В современной Европе не так уж легко найти политиков, которые бы были как яркими личностями, так и представляли и воплощали собой целую эпоху в развитии страны. Одним из таких политиков является Сильвио Берлускони – фигура несколько яркая, настолько же и неоднозначная. С одной стороны, Берлускони является одним из самых успешных европейских политиков, чья звезда взошла на небосклоне итальянской и европейской политики в начале 90-х гг. и не заходит по сей день, с другой же стороны – на протяжении всего периода политической деятельности Сильвио Берлускони обвинялся в коррумпированности, монополизации некоторых сфер итальянского бизнеса и

связях с криминальными кругами. Так каков же он, и какова Италия Сильвио Берлускони?

Сильвио Берлускони происходит из семьи банковского служащего и домохозяйки. Родившись в предвоенном 1936 г., он на себе познал послевоенные годы, когда Италию раздирали распри коммунистов и христианских демократов, а правительства менялись, как перчатки. Уже в университете он стал заниматься мелким бизнесом – продажей пылесосов, а после его окончания в 1962 г. запустил свой первый крупный финансовый проект – фирму Edilnord, которая через семь лет принесла ему первый миллион. К середине 80-х гг. Берлускони становится одним из самых влиятельных людей Италии, владеющим сетью кабельных телеканалов, супермаркетов, рекламных агентств, а также футбольного клуба «Милан». В дальнейшем Берлускони в одной из своих предвыборных кампаний скажет, что он представляет из себя «человека из народа, добившегося всего в жизни собственным трудом и свободным от связей со старой коррумпированной элитой».

Внутри Италии стиль поведения и манера общения и взаимодействия Берлускони с итальянским обществом и финансово-промышленными кругами получили название «берлусконизм». «Берлусконизм» – новый образ жизни, стиль поведения и манера ведения бизнеса от Il Cavaliere (джентльмена) Сильвио – покорила многих. Для простых граждан «жить как Берлускони» – значит жить в «Милане-2» или «Милане-3» (современных жилых комплексах в окрестностях Милана), пользоваться услугами компаний, принадлежащих премьеру, болеть за его команды и смотреть новости и фильмы на его телеканалах. Для элиты «берлусконизм» – это прежде всего харизматичность, популизм и, как ни странно это звучит применительно к политике, честность. Берлускони может говорить и убеждать, обращаясь не к оппонентам, а к телевизионным камерам – он постоянно «флиртует» с общественным мнением (как, например, в зале суда при рассмотрении многочисленных обвинений премьера в коррумпированности и монополизации). Или он может предложить избирателям «контракт» (как было накануне выборов 2001 г.), заявляя, что если не выполнит данных обещаний, то не будет переизбираться на второй срок – джентльмен Сильвио. Кроме того, «берлусконизм» – это атрибут принадлежности к власти и ее демонстрация, как, например, для Роберто Бенини. Знаменитого режиссера, получившего в 1999 г. «Оскар» за фильм «Жизнь прекрасна», называют «берлускониоподобным» за то, что он отдает предпочтение журналистам из газет, принадлежащих ему, Бенини, компании, и, точь-в-точь как премьер-министр, чрезмерно заботится о своем кармане. Берлускони пришел к власти в 1993 г., когда в разгаре

была операция «Чистые руки». Премьерский иммунитет помог ему избежать судебного преследования, но в дальнейшем все же предпринимались попытки привести Берлускони к ответственности по некоторым делам. Как говорил в своей первой предвыборной кампании Берлускони, «ради блага Италии и ради того, чтобы к власти не пришли коммунисты», он идет в политику. Его коалиция «Дом свободы», представлявшая собой коалицию «Северной Лиги» и националистов, одержала во многом неожиданную победу на парламентских выборах. В обществе Берлускони виделся как представитель новой сильной Италии, как успешный бизнесмен и зачастую талантливый шоумен. Ведя борьбу на протяжении всей своей политической карьеры с социалистами Романо Проди, Берлускони всегда использовал всю мощь своей медиаимперии для достижения цели, проводя многомиллионные предвыборные кампании. И даже минимальное поражение на выборах 2006 г. Берлускони смог использовать в свою пользу, в чем ему во многом помогли социалисты. Более чем невнятная внутренняя политика Романо Проди, приведшая к экономическому спаду по большинству показателей, а также «серость» самого Романо Проди, который, в отличие от Берлускони, не мог похвастать ни харизмой, ни обаянием, ни успешной карьерой в бизнесе, привели к тому, что выбор Италии в скором времени вновь был сделан в пользу Берлускони. Сильвио Берлускони никогда не делал секрета из своей личной жизни, или, по крайней мере, не препятствовал прессе публиковать ее подробности – как о его взаимоотношении с женой, так и о пластических операциях, сделанных Берлускони для поддержания своего имиджа. Скандальность и харизматичность, эпатажность и успех являются неотъемлемыми элементами образа Берлускони как премьер-министра и успешного медиамагната, который может любое обвинение в свой адрес превратить в очередную игру на публику к своей же пользе.

Манера поведения Берлускони внутри Италии зачастую переносится и на международную арену, что иногда приводит к дипломатическим скандалам. Характерным является случай, произошедший во время одного из заседаний Европарламента. Немецкий социалист Мартин Шульц, назвав премьера Италии мафиози, незамедлительно вызвал ответную реакцию со стороны Берлускони, причем в самой обидной и вызывающей для Германии форме: «Я знаю, что сейчас в Италии снимают фильм о нацистских концлагерях. Я хотел бы предложить вам роль охранника. Вы бы прекрасно смотрелись», что закончилось последующими взаимными дипломатическими выпадами Италии и Германии. Некоторые действия Берлускони на международной арене сформировали у Италии имидж «своенравного» члена Европейского

Союза. Так, визит Берлускони в Белоруссию и его встреча с президентом Белоруссии Лукашенко фактически прорвали дипломатическую блокаду Белоруссии в Европе и встретили неоднозначную оценку в высших кругах Европейского Союза. Полностью поддержав военные действия США в Афганистане и особенно в Ираке, Берлускони вновь проявил свою экстравагантность, соорудив неприличный жест над головой испанского премьер-министра, противника военных действий в Ираке, во время фотографирования на одной из встреч глав европейских стран. Объявленная цель итальянского премьера – создание «большой Европы», строить которую следует кнутом и пряником, точнее, по Берлускони, резкими выражениями и одновременно заверениями в вечной дружбе. Строить под неустанным присмотром Италии, которая претендует сейчас на звание главного архитектора единого европейского пространства. Главное в планах Берлускони – это «Наш дом Европа» (*Casa Nostra Europa*), «большая Европа» – «от Владивостока до Израиля». Вице-премьер Джанфранко Фини сказал: «Я не могу помыслить Европу без Турции». Сам премьер продолжает: «Украина – ключевая страна для стабильности на континенте». Однако еще важнее заявление о том, что «вступление в Евросоюз России позволит сообществу стать могущественным военным и политическим субъектом и разделить с США роль защитника и стража мира во всем мире». Но тут же Берлускони добавляет: «Это инновационные идеи, которые пока не могут быть приняты многими людьми или многими странами». И совсем уж героически заключает, что он, «как и все новаторы», обречен на противостояние с поборниками статус-кво. И хотя в руководстве «стран-претендентов», в том числе на Украине и в России, его слова воспринимают в основном как лестную, но пустую риторiku, Берлускони твердо стоит на своем, высказывая «инновационные идеи» снова и снова уже не первый год.

В заключение стоит привести одно из высказываний премьера во время предвыборной кампании 2001 г.: «Мне нужна революция. В масштабе страны я стану своего рода Юстинианом или Наполеоном». Имидж Берлускони как внутри Италии, так и на международной арене – это имидж «лидера-шоумена», а имидж Италии при его правлении – это имидж своенравной и иногда непредсказуемой страны. Чувство собственного достоинства и игра на публику, скандальность и популизм, связи с теневыми кругами и бескомпромиссная борьба со своими конкурентами с использованием всей мощи имеющейся в его руках медиаимперии, стремление видеть Италию сильной и ведущей страной, нестандартные подходы к международной политике с примесью собственной экстравагантности и эпатажности являются неотъем-

лемыми чертами Сильвио Берлускони, который, в свою очередь, сам является порождением и воплощением послевоенной Италии.

Литература

1. Бенси Д. Пять аномалий Сильвио Берлускони // Независимая газета. 2006. 20 февраля.
2. Berlusconi: The Power of Personality [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/1298864.stm>.
3. The World's Billionaires: #90 Silvio Berlusconi & family // Forbes. 2008. October, 1.
4. Белускони, Сильвио [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lenta.ru/lib/14163336/full.htm>.
5. Черных А. Берлускони и Италия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://compromat.ru/page_24631.htm.
6. Сильвио Берлускони [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.peoples.ru/state/king/italy/silvio_berluskoni.
7. Куликов А. Вперед, император! [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://supernew.ej.ru/077/life/profile/01/index.html>.

В.А. Козлов

Ф. Рузвельт и Новый курс: специфика двуединого имиджа

Личность тридцать второго президента США и возглавленное им переустройство американского общества в рамках «New Deal» практически с самого начала воспринимались слитно, как некий двуединый символ Обновления. Факты спонтанного отождествления того или иного выдающегося деятеля и особенностей их политической линии не столь уж редки (Горбачёв и «перестройка», «рейганомика» и т.п.). Однако, как правило, аналитическое обоснование и эмоциональное восприятие таких символов претерпевают весьма существенные изменения часто за относительно небольшие промежутки времени. В данном же случае аргументация поклонников (да и критиков) рузвельтовских действий за прошедшие десятилетия практически не изменилась. Выстроенный во многом самим Франклином Делано Рузвельтом (ФДР, как его за глаза именовали подопечные) имидж президента-реформатора, выведшего США из «великой депрессии» и создавшего новую парадигму развития капитализма («с человеческим лицом»), прочно укоренился в глубинах массового сознания. Настолько прочно, что все попытки внести коррективы в сложившийся образ с учётом «вновь открывшихся», а то и давно известных обстоятельств, в лучшем случае оказывались малоэффективными, а в худшем – вели к противоположному результату, экстраполируя спонтанную реакцию отторжения на всю концепцию или личность «критикана».

Так было при жизни президента, когда беспрестанные заказные нападки прессы на ФДР и «New Deal» раз за разом обесценивались его очередным электоральным триумфом. Во многом так же обстоит дело и сейчас. Относительно недавний пример – негативная в целом реакция на книгу Пола Джонсона [1], осмелившегося, в частности, подвергнуть деятельность Рузвельта не слишком почтительному к его памяти анализу. Тем самым он явно не потрафил запросам «прогрессивной» широкой и узкой (научно-исторической) общественности, сразу опознавшей в авторе реликт от уже сгинувшего ландшафта «дикого капитализма». Однако означенная общественность всегда оставалась в принципе благосклонной к «философии свободы» Л. фон Мизеса, Э. Хайека и др., которые развивали в принципе аналогичное классически-либеральное мировидение, но, в отличие от Джонсона, «священных коров» старались не затрагивать, «на личности не переходить» (если переходить – то лучше сразу на Муссолини или на Гитлера). ФДР, прекрасно сознававший свою популярность и нередко обламывавший несговорчивых политических партнёров открытой или слегка завуалированной угрозой прямого «обращения к массам», несомненно, был бы доволен. Его прижизненный призыв «судите обо мне по врагам моим» после смерти получил ещё и обратную тягу.

С другой стороны, нетленность сложившегося образа делает беспроектным его иллюстративное применение (паразитирующее на иррациональной потребности людей верить в саму возможность бытия непорочных политиков, если не в переживаемые времена – то в прошлом). Разумеется – чаще всего для усиления оценки любой высокопоставленной реформаторской деятельности, независимо от того, насколько корректно проведены сравнения. Неважно и то, с каким знаком они проводятся. Так, например, с началом 2000-х гг., судя по Интернету, вузовские преподаватели благоволят к «напрашивающемуся» сопоставлению Ф. Рузвельта и В. Путина в студенческих сочинениях. А ещё раньше (в июле 1998 г.) заокеанский дух «самого человеческого человека» материализовался на страницах «Независимой газеты» [2]. Нарисовался он якобы сам по себе (заявленный герой публикации – Ф. Рузвельт), а на самом деле – чтобы послужить укором бесчеловечным и догматичным отечественным реформаторам. Возможно «духи» (имиджи) и «гуляют сами по себе», но призываются они, конечно тогда, «когда это кому-нибудь нужно».

Примечательно, что на сей раз иконописный образ заокеанского реформатора оживил не дилетант, а один из наших авторитетнейших историков-международников А.И. Уткин, не понаслышке сведущий, что на американской (и не только) политической кухне святым не ме-

сто. Легко понять его желание утяжелить вес камня, брошенного через популярное издание в уже давно непопулярный ельцинский режим. Сложней уразуметь, почему Анатолий Иванович сохранил всё высказанное на газетной полосе в предисловии к заведомо пристрастной выборке президентского наследия, составленной сыном Рузвельта [3]. Данная книга изначально не предназначалась стать предметом массового потребления, и при её презентации уместней было бы вбросить энную толику здорового скептицизма, помогающего читателю отделить «зёрна от плевел». А «плевел» в деятельности ФДР было немало.

Начнём с того, что распространённое убеждение о благотворности Нового курса Рузвельта для быстрого и не слишком болезненного выхода США из экономической депрессии не соответствует общепризнанным фактам. Гитлер в Германии, столь же сильно пострадавшей от мирового кризиса, как и США, добился успеха схожими нетрадиционными методами куда быстрее. «Твердолобые» консерваторы на Альбионе, опираясь на традиционный опыт «затягивания поясов» также спасли страну от катастрофы. В сравнении с этими ближайшими по силе конкурентами выздоровление Америки шло и медленней, и болезненней. Удельный вес США в мировом хозяйстве в конце 1930-х гг. заметно снизился по сравнению с их началом. По большому счёту, американскую экономику решительно вылечила только начавшаяся мировая война. Но стоит ли благодарным почитателям Рузвельта упирать на личные заслуги президента в её развязывании? Отметим вдобавок, что помимо всего хорошего, Рузвельт завещал грядущим поколениям американцев просто восхитительную лёгкость в денежном регулировании: ставшей перманентной инфляцией, огромный дефицит госбюджета и растущий внутренний долг федеральной власти.

Теперь что касается создания новой парадигмы либерального капиталистического развития. Практически никто из исследователей не отрицает тот факт, что Ф. Рузвельт стал во главе переживающей пик «великой депрессии» страны, не имея сколько-нибудь внятной и последовательной программы спасения американского капитализма. И сам он, естественно, понимал это яснее, чем кто-либо. Но ещё ясней для Рузвельта было другое: если Америке суждено выжить, то только под его руководством. А не получится у него, то тогда он, скорей всего, станет последним президентом США. Отсюда внутренняя готовность ФДР апробировать все возможные средства лечения, невзирая ни на их происхождение (и правильно), ни на опасность побочных последствий.

Не нужно микроскопа, чтобы увидеть сходство в деятельности санкционированной им Администрации общественных работ с уже

действовавшими аналогичными структурами в нацистской Германии. Закон о восстановлении национальной промышленности (NIRA) как будто скалькулирован с корпоративного законодательства фашистской Италии. В 1933 г. ФДР удостоился похвалы Гитлера: «Мне нравится президент Рузвельт, ибо он прямо идёт к своей цели, не считаясь с Конгрессом, лобби и упрямыми бюрократами». «Рузвельт со сдержанным восхищением относился к Муссолини, и диктатор отвечал добрыми словами в адрес президента и Нового курса» – свидетельствовал Дж. Барнс [4, р.256]. Броскую характеристику Нового курса писателя-прогрессиста Р. Шоу как попытки «фашистскими методами достичь либеральных целей» оставим на совести её автора. В отличие от общеизвестных «фашистских методов», понятие «либеральные цели» допускает весьма вариативную интерпретацию. Остаётся только догадываться, как выглядели бы США, если бы конституционные структуры и гражданское общество Соединённых Штатов не породили мощной оппозиции президентской «чрезвычайщине», в том числе и внутри его собственной Демократической партии.

Вместе с тем есть основания полагать, что «встроенный стабилизатор», не позволивший превратить Америку в аналог тогдашних европейских диктатур, следует искать не только в демократических институтах и традициях США, но и в самой личности президента. Рузвельт не считал себя противником американской либеральной традиции. Он верил как раз в необходимость её освобождения от «удушающего гнёта монополистического капитала» и для этого был готов использовать все возможные средства, в том числе чрезвычайные и, если необходимо - не дозволенные законом (к примеру, Рузвельт не создал, как «положено» уважающему себя узурпатору, тайной полиции, однако шеф ФБР Э. Гувер, не отрываясь от борьбы с преступностью, поставлял президенту досье на неблагонадёжных). Но и предосудительные средства у Рузвельта, в отличие от ряда других защитников тех или иных идеалов, не привели к непоправимой деформации цели. Во времена сильнейшего кризиса всей капиталистической системы, в эпоху торжества тоталитаризма, с кровью выгрызавшего исторически отжившие структуры и «правила игры», он не мог не перенять внушительную часть рецептов, выработанных европейскими диктаторами. Но только его непримиримые политические конкуренты внутри США могли дойти до вывода о диктатуре рузвельтовского то ли фашизма, то ли коммунизма.

Непреодолимой заслугой президента стало то, что он в труднейших условиях смог в целом удержаться на тонкой грани, отделяющей твёрдую, подчас жёсткую, но демократическую власть от наклонной плоскости, по которой скатываются к тоталитаризму. Несгибаемая воля

президента, его неустанно декларируемое желание помочь выжить «забытым американцам», не считаясь ни с какими постулатами тогдашней экономической науки, его открытость и доброжелательность по отношению к ним намного перевесили в глазах абсолютного большинства его современников конкретные издержки и ошибки Нового курса. Видимо, и на чаше весов Истории надежда на лучшее, которую он сумел внушить соотечественникам, навсегда перевесила то конкретное, что у него получилось плохо или не получилось совсем.

Во всяком случае, имидж США в послевоенном мире определялся не выросшей при Рузвельте системой государственного регулирования жизни страны, а, напротив (несмотря на все его усилия) – лучше, чем в Европе, сохранившимися остатками былой свободы бизнеса. Если многие осевшие на Восточном побережье американцы не расстались с представлениями о «диком Западе», раскинувшимся сразу за Аппалачами, то для европейцев «диким Западом», т.е. заповедником максимальных свобод и минимальной социальной ответственности, оставалась вся Северная Америка. Даже в послевоенные годы доминанта европейского представления о США вытекала скорее из бизнес-классики времён «золотой лихорадки» и эпохи «просперити», нежели из кульминационных передряг Нового курса. Тем более что инновационный потенциал рузвельтовского реформирования почти иссяк уже ко второй половине 1930-х гг., а в послевоенный период западноевропейские страны вновь ушли значительно дальше США по пути социализации экономики, государственного регулирования общественной жизни.

Литература

1. Джонсон П. Современность: Мир с двадцатых по девяностые годы. Ч.1. – М., 1995.
2. Независимая газета. 1998. 29 июля.
3. Рузвельт Э. Его глазами. – М., 2003.
4. Burns J. Roosevelt: the Lion and the Fox. – N.Y., 1956.

Обсуждение в Интернете

8 Май, 2009 07:43 (UTC)

Реплика. И еще раз о Ф.Рузвельте

ФД Рузвельт в очередной, астрономически исчисляемый, раз стал объектом исследовательского внимания. Если удалось правильно понять авторский замысел В.А. Козлова, то через несколько претенциозный стиль и весьма вольные сравнения проступает попытка разобраться в природе рузвельтовского мифа. Что ж, и такая попытка, если иметь ввиду «трудно постижимую индивидуальность» Рузвельта (Б. Майроф), имеет право на существование. Тем более, что рузвельтовский миф (имидж, символ, в авторской терминологии, что, понятно, не

совсем одно и то же) скорее всего ждет участь, постигшая политических преемников президента – оставаться «в тени его личности», по образному выражению самого известного из современных рузвельтовских историографов У. Лейхтенберга.

Чтобы ссылки на авторитеты не выглядели навязчивыми, перехожу к возражениям по существу. И первый вопрос автору – к кому обращен предложенный текст? Если речь идет об академической аудитории, то уместно ожидать более системного использования источников и, как минимум, более пристального внимания к предшественникам. Можно не ссылаться на работы классиков жанра (от А. Шлезингера до У. Лейхтенберга), но подготовленный читатель вправе ожидать от автора знака, что ему хотя бы известны эти имена. Это еще в большей степени относится к работам отечественных американистов, каковым изначально был и А.И. Уткин (кстати, в написанной им биографии Ф.Д. Рузвельта есть очень внятный и не отмеченный конъюнктурой раздел, посвященный политическому стилю президента). Отсюда логично вытекает вопрос, как и почему расходятся его научная и популярная версии политического портрета ФДР, и в поисках ответа на него «уразуметь» его мотивы было бы легче. Смею предположить, что более близкое знакомство автора с работами уважаемого в профессиональных кругах В.В. Согрина (см., например, его статью «Три ключевые проблемы в исследовании истории нового курса Ф.Д. Рузвельта» в журнале «Новая и новейшая история», №5, 2007) удержало бы его от довольно смелых (мягко говоря) параллелей между «схожими нетрадиционными методами» антикризисной политики Рузвельта и Гитлера. Куда деть это сравнение? Может быть, поступить так же, как сам автор в другом месте предлагает поступить с очень похожей на его собственную оценкой Нового курса, высказанной Р. Шоу, – оставить на его совести. Чтобы не сводить возражения к частностям (хотя они напрашиваются), сформулирую еще один, более принципиальный вопрос по существу авторской позиции – в чем эта «специфика двуединого имиджа» состоит? Из самого текста, на наш взгляд, не следует какой-либо более или менее очевидный ответ. Поэтому остаются только предположения: балансирование на грани между демократией и тоталитаризмом, между эмпирическим новаторством и законностью, благими целями и реальными возможностями, свободой и регламентацией, достижениями и издержками, мужеством льва и хитростью лисы – можно продолжать, как подскажет воображение, вкус или эрудиция. Смею предположить, что столь спешно сотворенный рузвельтовский миф с акцентами на сплав демократических и авторитарных (не тоталитарных)

литарных!) начал в иной политической культуре путинской России скорее выглядит диагнозом наших отечественных болезней.

Суммируем впечатления от исторической составляющей текста: каждый имеет право на собственное «открытие» Америки, но в таком случае надо быть готовым к тому, что биографы Колумба могут оспорить первенство.

14 Май, 2009 03:07 (UTC)

Модераторское

Уважаемый коллега!

Спасибо, что высказали Ваше мнение. Однако просим на будущее учесть следующее: желательно подписывать свои тексты; если Вы по каким-то причинам опасаетесь указать Ваше подлинное имя (хотя опасаться тут нечего), напишите хотя бы псевдоним.

19 Май, 2009 03:38 (UTC)

В.А. Козлов

Ответ В. Козлова (в дальнейшем – Автора) анонимному критику (в дальнейшем – Оппоненту)

К сожалению, содержание и стиль реплики Оппонента исключают возможность плодотворного обсуждения заявленной Автором темы. Однако не ответить вовсе было бы неприличным. Итак:

1. «Уместно было ожидать более системного использования источников» («можно не ссылаться на работы классиков жанра») от А. Шлезингера до А.И. Уткина, «потому что подготовленный читатель вправе ожидать от автора, что ему хотя бы известны эти имена».

Это квинтэссенция подхода Оппонента, который по всем правилам академической игры продемонстрировал пользователям Интернета, что он-то, в отличие от Автора, на короткой ноге с «классиками жанра». Автор же не хочет жонглировать широко известными именами, чтобы обозначить свою принадлежность к кругу «посвященных» или приближенность к оному, и ссылки на них не считает контраргументами.

2. Далее уже частности: «более близкое знакомство автора с работами уважаемого в профессиональных кругах В.В. Согрина» удержало бы его от «смелых параллелей».

Чтение трудов высокоуважаемого В.В. Согрина доставило Автору немалое удовольствие, но, увы, не перевернуло всё его мировоззрение и не удержало, каюсь, от «смелых параллелей». А что Оппонент подразумевает под «более близким знакомством» – не знаю, не знаю...

Словом, Автора действительно интересуют затронутые им вопросы в контексте его собственного направления, связанного с изучением драматических путей трансформации классического капитализма. Автор рад любому конструктивному отклику, от кого бы он ни исходил и

какой бы оборот ни принял. Автор не претендует на титул «американиста» и, тем более, на то, чтобы стать ещё одним биографом Рузвельта. Вместе с тем ему глубоко неприятен корпоративный снобизм «взаимоуважающих» друг друга «взаимоуважательных», сделавших иерархию основным принципом организации своей деятельности и успешно уродующих язык Пушкина для упрочения эксклюзива «академической среды».

Столь разное понимание Автором и Оппонентом ремесла историка само по себе исключает перспективный диалог. Кроме того, отдельные мысли Оппонента остались не полностью оцененными в силу особенностей стиля Реплики, который трудно идентифицировать. К примеру: «рузвельтовский миф» ждёт участь, постигшая политических преемников президента, – «оставаться в тени его личности». Здесь чувствуется что-то от «Феноменологии Духа», что-то от «Нибелунгов», (возможно влияние Сальвадора Дали), но ещё виден исходный посыл: Рузвельт был Великий Президент. Правда, по мнению самих американцев (сомневаюсь насчёт всех «классиков жанра» – биографов ФДР) – не он один. А вот суждение в конце Реплики – то, что с оборотом о «сплаве демократических и авторитарных (не тоталитарных начал!) в путинской России» – до сих пор держит в глубоком раздумье, не поддаваясь никакой интерпретации.

21 Май, 2009 09:39 (UTC)

Re: В.А. Козлов

К сожалению, дискуссия с В.А. Козловым приобрела не столько смысловой, сколько стилистический характер. Возможно потому, что мне не удалось точно выразить претензии к тексту и позиции автора. Рискую вновь навлечь на себя обвинения в «академическом снобизме», все же хочу уточнить, что в ряду классиков рузвельтовской историографии вместе с А. Шлезингером мною был назван (понятно, почему) не А. Уткин, а У. Лейхтенберг (см., например, W.E. Leuchtenberg Franklin D. Roosevelt: The First Modern President // FDR and the Modern Presidency. Leadership and Legacy./ Ed. by M.J. Rozell and W.D. Pederson. NY, 1997. P.1–34). При этом охотно признаю, что спорить с авторитетами можно и нужно, но не посредством тиражирования банальностей, пусть даже облаченных в «оригинальную» упаковку.

И ещё одно, терминологическое, уточнение. Слово «миф» употребляется в данном случае не для обозначения формы традиционного мировосприятия (исторически отраженного в эпосах), а как способ преломления реальности современным массовым сознанием, который функционирует в виде сложной системы стереотипов (Соловьев Э.Г.,

Смирнов А.Н. Международный имидж современной России: дефицит привлекательности или дефицит идей?// Полис. 2008. №5. С. 26).

7 Июн, 2009 13:40 (UTC)

Оппоненту от В. Козлова

Потрясён скоростью, с которой идеи Автора утверждаются в академической среде. Ещё вчера масштаб и новизну творческого поиска Автора сопоставляли с открытием Колумба, а сегодня его основные положения смотрятся уже как «тиражирование банальностей».

7 Июн, 2009 13:51 (UTC)

Модераторское – анониму

Вынуждены еще раз обратить Ваше внимание: вряд ли нормально в научной дискуссии, когда один из оппонентов не скрывает свое имя, а другой скрывает. А если бы это была не виртуальная конференция – неужели, чтобы высказать критику, Вы надели бы плащ и маску?

О.Ю. Курныкин

М.К. Ганди и С.Ч. Бос: образы индийских политических лидеров

Функции национального лидера (в идеале совмещающего властные полномочия и морально-политический авторитет среди сограждан) многообразны и могут быть разделены, в частности, на внутренние и внешние. Первостепенное значение имеют, несомненно, внутренние функции, связанные с определением основных параметров жизнедеятельности данного общества и консолидацией последнего ради достижения общенациональных целей. Внешние функции, помимо первостепенной задачи отстаивания национальных интересов в условиях всё более жесткой конкуренции на мировой арене, включают в себя формирование имиджевых представлений о той или иной стране, подчас лично окрашенных в силу представительных функций национального лидера. При этом неизбежна определенная «шаблонизация» образа политического деятеля в массовом сознании. Существенным аспектом при определении роли и значимости национального лидера является своеобразие политической культуры того или иного общества.

Эти предварительные замечания попробуем проиллюстрировать на индийском материале, используя фигуры двух «знаковых» (как сейчас принято говорить) политических лидеров Индии 1920–1940-х гг. – М.К. Ганди и С.Ч. Боса. Хотя масштабы личности и известность этих индийских политиков за пределами страны несопоставимы, деятельность их, направленная на освобождение Индии от колониальной зависимости, развивалась параллельно и взаимно дополняла друг друга. При этом нас будет интересовать прежде всего восприятие этих «культовых» фигур в Индии и за ее рубежами.

Грандиозность и нетрадиционность (с позиций канонов классической европейской политики) фигуры Махатмы Ганди порождала и до сих пор порождает трудности в трактовках и оценках его деятельности. Не случайно его облик и его действия воспринимались как «беспримерное поприще традиций мировой политики» [1, с.109]. Если Вивекананда впервые в современной истории приоткрыл для западной интеллектуальной элиты глубины индийской религиозной традиции, то Ганди стал не только и не столько политическим лидером Индии, но и символом ее культурного облика, ее столь непривычного для западного человека мировосприятия. Эта непривычность обуславливалась, прежде всего, далеко зашедшей секуляризацией и рационализацией политической сферы в западных обществах, не свойственных общественному сознанию восточных обществ. Глубокая и искренняя религиозность Ганди, нерасчлененность морально-нравственных доминант и политических деяний, непритязательный, аскетический образ жизни идеально вписывали Ганди в контекст политического процесса в полутрадиционном индийском социуме.

Вместе с тем политическому мышлению и политической практике Ганди присущи были синкретичность и многослойность, удивительная смесь идеализма и прагматизма, твердости и готовности к компромиссам, что делало его хотя и трудным, но приемлемым партнером на переговорах с представителями британской администрации. Органичность личностных и лидерских качеств Махатмы, соответствие его облика представлениям индийских масс о праведности, святости и мудрости делали его недостижимым для других индийских политиков с точки зрения популярности и способности воздействия на общество. И напротив, нестандартность, «имиджевая особость» Ганди притягивали внимание к нему интеллектуальной элиты и общественности европейских стран. Для представителей западной культуры он олицетворял влекущий и непостижимый «дух Востока», для европейских политиков его имя ассоциировалось, прежде всего, с оригинальностью, непривычностью методов политической борьбы (ненасильственные массовые акции, голодовки, пешие походы и т.п.). Впрочем, это не мешало сопоставлять его и даже ставить в один ряд с европейскими гуманистами XIX века (Д. Раскин, Г.Ч. Торо, Дж. Милль, Л. Толстой), что позволяло вписать гандистский феномен в контекст европейской либеральной традиции.

Иначе говоря, Ганди оборачивался к разным социальным, культурно-религиозным, образовательным стратам, а также цивилизационным общностям различными гранями, что придает его облику национального и политического лидера многомерность, возможно даже рас-

плывчатость и нечеткость. Любые попытки охарактеризовать личностные качества Ганди как политика и духовного авторитета наталкиваются на эффект «ускользающей реальности», ибо политологический понятийный аппарат и аналитический инструментарий вырабатывались в условиях иной историко-культурной среды, в значительной мере преодолевшей комплекс традиционализма в политической сфере и массовом сознании.

Отталкиваясь от типологии политического лидерства Макса Вебера (традиционный, рациональный, харизматический), есть основания говорить о том, что Ганди были присущи черты всех этих типов. Выяснение же соотношения этих черт затруднено не только комплексностью «феномена Ганди», но и субъективностью его восприятия, неизбежно избирательного и эмоционально окрашенного.

Вместе с тем при всей многогранности и феноменальной популярности Ганди среди индийцев он не мог вобрать в себя все запросы весьма широкого спектра индийской политической жизни. В Индии в первой половине XX века были сторонники более радикальных действий в антиколониальной борьбе и ускоренной технологической модернизации страны. Им не был близок облик Ганди «политика–святого», постоянно апеллирующего к религиозным и этическим ценностям. Они скептически относились к гандистскому ненасилию как к методу политической борьбы (полностью его не отвергая, но рассматривая его как недостаточный для победы над британским колониализмом), им казалось глубоко ошибочным в эпоху технологических новаций акцентирование Ганди на развитии традиционных ремесел и в целом антимодернистский пафос гандизма, воспринимавшийся ими как призыв вернуться назад, «к временам воловьей повозки». Среди индийских радикалов существовал запрос на политическое лидерство иного, вождистского типа. Не случайным стало выдвижение на индийской политической сцене такой альтернативной Махатме Ганди фигуры как С.Ч. Бос (1897–1945).

Если Ганди одинаково известен как в Индии, так и за ее пределами («политик планетарного масштаба»), то Бос остался политиком внутринационального масштаба. Однако «феномен Боса» весьма значим для понимания политических процессов и массового политического сознания в этой стране. Следует также учитывать общемировой политический контекст 1930-х гг., ознаменовавшийся усилением авторитарных тенденций и возникновением тоталитарных режимов. Очевидно, нацистская и сталинская модификации тоталитаризма обладали привлекательностью для части общества и формирующегося политического класса стран Востока как, казалось бы, эффективный способ

выхода из кризисного состояния и решения национальных проблем. Наконец, вождизм в его мистическом, героико-мифологическом, патерналистском или иных проявлениях вполне адекватен политической культуре восточных обществ с присущим им акцентированием на эмоционально-психологическом комплексе и традиционных формах социальных связей.

Бос стал олицетворением тех политических активных слоев индийского общества, преимущественно из числа образованной молодежи, для которых гандизм ассоциировался с патриархальностью, отсталостью и бессилием. Бос позиционировал себя как лидер нового, современного типа, не как духовный авторитет, а скорее военный руководитель и твердый, бескомпромиссный политик. Он тяготел к военизированным формам политической активности (дисциплинированные отряды волонтеров, организация военных парадов, создание национальных военных формирований). Впрочем, отдавая отчет в значимости традиционных институтов для индийского общества, был готов в ряде случаев апеллировать к своему происхождению из высших индуистских каст или к индуистским символам.

Бос вызывал среди соотечественников как восхищение, так и категорическое неприятие. Для одних он был страстным патриотом, мучеником, прошедшим в тюрьмах в общей сложности 8 лет; для других – амбициозным, импульсивным и эгоистичным политиком, постоянно создававшим вокруг себя поле напряжений.

И Ганди, и Босу было свойственно убеждение в собственном мессианском предназначении для Индии, однако если в первом случае мессианство было пронизано религиозно-мистической мотивацией, то Бос в своем понимании роли национального лидера ориентировался на такие «сильные личности» того времени как Муссолини, Гитлер, Сталин, Ататюрк. Предпочитая появляться на публике в полувойенной форме, он осознанно лепил свой образ решительного вождя, соответствуя данному ему по индийской традиции прозвищу Нетаджи (полководец). Именно такой образ закрепился за ним в массовом сознании индийцев. Более того, его посмертная слава в Индии оказалась не меньшей, а возможно, даже больше прижизненной.

Если в Индии Бос является популярной и даже «культовой» фигурой (к столетнему его юбилею в здании индийского парламента была установлена его статуя), то за пределами Индии о нем знают значительно меньше. Это было обусловлено не только меньшей привлекательностью этой фигуры для иностранцев (на фоне Махатмы Бос терялся, превращаясь в одного из «обычных» индийских политиков), но и «пятном», непростительной ошибкой в политической биографии Боса. Речь идет о

его сотрудничестве в годы Второй мировой войны со странами фашистского блока. Этот сюжет выводит на крайне болезненную для общественного сознания проблему коллаборационизма, заслуживающую отдельного рассмотрения. Отметим лишь, что сотрудничество Боса с Германией и Японией в годы войны не смогло сбить вокруг него ореол героя в глазах индийцев, напротив, лишь укрепил его.

По сути, Ганди и Бос, столь различные и даже противоположные фигуры на политической сцене Индии, взаимно дополняли друг друга. Если Ганди воспринимался соотечественниками, прежде всего, как духовный и нравственный авторитет, Махатма, то Бос, призвавший индийцев к оружию, к решительной модернизации страны, к превращению ее в сильную индустриальную и военную державу, представлял собой как бы иную ипостась индийского лидера – политического и военного вождя, полководца, Нетаджи. В глазах соотечественников за ним прочно закрепился статус «национального героя», причем этот образ со временем подвергся мифологизации в массовом сознании, приобрел черты полулегендарности (многие в Индии не верили в его гибель в авиационной катастрофе на Тайване в августе 1945 г., полагая, что он попал в плен к русским и оказался в одном из лагерей ГУЛАГА; другие верили в то, что он негласно вернулся в Индию и превратился в садху – странствующего аскета). Бос, потерпевший жестокое поражение в попытках оттеснить Ганди от руководства национальным движением, в известном смысле взял реванш после своей гибели, ибо прагматичная политическая элита Индии, оставаясь на словах верной заветам Ганди, взяла курс на технологическую, социальную, военную модернизацию страны, на превращение её в великую державу, обладающую ядерным оружием, что вполне вписывается в программные установки Боса.

Таким образом, Ганди и Бос, при всем различии масштаба и значимости их в индийской истории, олицетворяли разные стороны, разные устремления индийского общественного сознания. Эти политические конкуренты были «обречены» на особый статус в представлениях соотечественников, являясь блестящими выразителями определенных политических настроений в индийском обществе. Представления же об Индии «вовне» определялись, прежде всего, фигурой Махатмы Ганди, ставшей символичной, благодаря которой создавался благоприятный образ Индии среди других народов.

Литература

1. Силванян Г.Г. Апостол ненасилия // Философские науки. 1991. №8.

И.В. Макарьев
Политика Мао Цзэдуна и его имидж
в Советском Союзе в 1949–1976 гг.

Лидер государства играет определяющую роль в процессе формирования образа страны. При формировании образа страны большое значение имеет личностное восприятие лидера государства, а также политика, осуществляемая лидером государства. Период правления Мао Цзэдуна в истории советско-китайских отношений характеризуется весьма яркими событиями: тесным сотрудничеством и разногласиями между китайским и советским руководствами, антисоветской направленностью политики Пекина, пограничной конфронтацией, закончившейся вооруженным столкновением на острове Даманский.

Мао был весьма и весьма незаурядной личностью. Он был основателем Китайской Народной Республики и одним из основателей Китайской Коммунистической партии, теоретиком «маоизма». Он был подвержен влиянию быстрых политических и культурных изменений, охвативших в то время страну. Мао некоторое время служил в республиканской армии, а затем самостоятельно обучался в провинциальной библиотеке, что помогло ему взять в привычку самообразование. В студенческие годы он быстрее сходился с интеллектуальными радикалами. Его не относили к космополитическим буржуазным интеллектуалам, которые доминировали в китайской студенческой жизни. Мао активно участвовал в радикальной политической деятельности, организовывал группы единомышленников, издавал политические обзоры.

Если характеризовать Мао как лидера, то можно сказать следующее: одной из наиболее современных и общераспространенных типологий лидеров является система М. Херманна, классифицирующая лидеров на основе их имиджа. Согласно данной классификации, Мао Цзэдуна можно отнести к собирательному образу лидера-знаменосца. Данный тип лидера имеет характерные отличительные особенности: собственный взгляд на реальность, наличие образа желаемого будущего и знание средств его достижения. Такой лидер определяет характер происходящего, темпы и способы преобразований. Если классифицировать Мао Цзэдуна по стилю поведения, то здесь наиболее приемлемым можно считать соответствующий тип лидера, который можно обозначить термином «хозяин», которому свойственны подозрительность, недоверие к другим, непредсказуемость поведения, сверхчувствительность к скрытым угрозам и мотивам, постоянная жажда власти, контроля над другими людьми.

Кроме того, стили политического поведения могут различаться по технологии выработки и принятия лидером решений. В данном случае Мао Цзэдун ближе к авторитарному стилю лидерства.

А.В. Лукин пишет, что с приходом к власти Мао Цзэдуна в 1949 г. КНР стала для СССР официально считаться братским социалистическим государством, «нуждающимся в помощи для борьбы с остатками полуфеодального общества» [1, с. 215]. В средствах массовой информации в 1950-е гг. массированно пропагандировали вечную и нерушимую советско-китайскую дружбу, Китай был объявлен наиболее важным из всех советских союзников. В Советском Союзе создавался образ Мао как лидера главной страны – сподвижника коммунистического движения в мире, ведущего население Китая к новой счастливой жизни. В СССР была написана знаменитая песня того времени «Москва-Пекин» [1, с. 216]:

Русский с китайцем – братья навек,
Крепнет единство народов и рас.
Плечи расправил простой человек,
С песней шагает простой человек,
Сталин и Мао слушают нас!

Имидж Мао как нового союзника в борьбе за победу мировой революции в Советском Союзе просуществовал недолго. Китай рассматривался советским руководством, главным образом И.В. Сталиным, как отсталая аграрная страна, которой в советско-китайских отношениях отводилась роль «младшего брата». Все, что можно было извлечь полезного из фактора «коммунистический Китай», это только пиар-кампания для общемирового коммунистического движения. С.Н. Гончаров подчеркивает, что в Москве считали Мао продолжателем дела строительства коммунизма в Азии и поощряли его на «более активные и агрессивные действия в Азии» [2, р.72].

Во времена правления Н.С. Хрущева имидж Мао претерпевает существенные изменения. Хрущев, с характерной для него политикой, бросился строить более открытые отношения с Китаем. Новая политика принесла плоды, 1953–1955 гг. стали периодом самого тесного сближения Москвы и Пекина как в идеологии, так и в политике [3, с.637]. Несмотря на это, в Китае оставались нерешенные проблемы и имели место медленные темпы развития экономики. Предоставляемая Советским Союзом помощь, включая командирование специалистов и передачу технологий, не удовлетворяла потребности Китая. Мао все настойчивее требовал более существенной поддержки от Советского Союза, что в дальнейшем привело к осложнению советско-китайских отношений. Изначально разногласия проявились в несогласии Мао с

критикой Н.С. Хрущевым «культа личности» И.В. Сталина, впервые озвученной на XX съезде КПСС в феврале 1956 г. Далее разрыв между двумя партиями в начале 1960-х гг. стал началом кампании легальной критики Мао Цзэдуна. В Советском Союзе развязалась кампания осуждения Мао Цзэдуна и КПК за «левацкий» уклон и отход от истинной (советской) модели социализма. Критика «гегемонистского», «шовинистического» маоистского режима превратилась в индустрию. Именно в это время был создан в Академии наук СССР новый Институт Дальнего Востока. Сотрудники института, советские журналисты и политологи начали издавать многочисленные статьи и обзоры, посвященные критике политики Мао. Так, О.В. Борисов подчеркивал патологический антисоветизм и национализм Мао. «Маоизм – это антимарксистская идеология, являющаяся националистическим и мелкобуржуазным уклоном в КПК2» [4, с.152].

Развернутая Мао Цзэдуном 5 августа 1966 г. кампания «культурная революция» продлилась до 1976 г. «Культурная революция» главным образом была направлена против «скрытых врагов» в высших командных постах партии. В советской печати публиковались сообщения о решении китайского руководства продолжать особый курс, противопоставляя его марксистско-ленинской линии. Советское руководство квалифицировало это как «отказ от борьбы против империализма и реакции, попытки расколоть коммунистическое движение и ослабить антиимпериалистический фронт» [5]. «Культурная революция» расценивалась как широкая антидемократическая кампания, первоочередной задачей которой было «устранение всех сторонников социалистической генеральной линии Коммунистической партии Китая, а затем всех других оппозиционных сил» [6, с.127].

О.В. Борисов описывает события того времени как последовательное действие в политике Мао Цзэдуна, приведшее «в полный хаос и внутреннюю жизнь, и внешнюю политику, тотальным репрессиям подверглись партийные и хозяйственные кадры» [7, с.349].

Стоит сказать, что создаваемые отряды хунвейбинов, «красных охранников», а чуть позднее цзаофаней, «бунтарей» – направлялись заниматься разгромом культурных и научных центров и местных партийных ячеек, не согласных с политикой Мао.

«Красные охранники» – хунвейбины представлялись в Советском Союзе как агрессивная и малограмотная студенческая молодежь. Цзаофани состояли из молодых рабочих и чиновников. «При расправе с недовольными хунвейбины применяли жестокие пытки и казни, устранившие народ. Страна постепенно погружалась в хаос террора и ситуация выходила из-под контроля [8]. Хунвейбинами были уничто-

жены бесчисленные произведения искусства, сожжены миллионы книг, тысячи монастырей, храмов, библиотек [9]. В ходе «культурной революции» возвеличивался культ личности Мао Цзэдуна. Тогда впервые опубликовали цитатник Мао, известный еще как «красная книжка», ставшая «Библией» «культурной революции».

Не обходилось без инцидентов и в самом Советском Союзе. 25 января 1967 г. в Москве китайские студенты перепрыгнули через ограду мавзолея В.И. Ленина, после чего в очереди в мавзолей произошла драка [10].

В советской публицистике описывали «культурную революцию» как инструмент Мао Цзэдуна, применяемый для устранения из руководящих органов партии всех несогласных с его политикой, для того чтобы «навязать партии и народу свою схему развития Китая в духе левацких концепций «казарменного коммунизма», ускоренного строительства социализма, отказа от методов экономического стимулирования» [11, с.157].

Советская пресса описывала расправы хунвейбинов над классовыми врагами – интеллигенцией и чиновниками, Мао сделали символом «китайской угрозы», а самих китайцев стали называть «маоцзэдунами». У Владимира Высоцкого есть несколько иронических песен про Мао и хунвейбинов: «Возле города Пекина ходят-бродят хунвейбины», «...я сослуживца недавно назвал Мао, простите, Цзэдуном» [12].

Итак, в Советском Союзе отношение к Мао менялось вместе с политической линией. Изначально Мао позиционировался в советских СМИ верным и главным советским союзником, лидером страны – носителя новой пролетарской идеологии, новой культуры, новых нравов и новых обычаев. Из-за разногласий с советским руководством, инцидентов на советско-китайской границе имидж Мао резко поменялся. Он предстал антисоветчиком, националистом, агрессором, «раскольниковом» международного коммунистического движения. Несмотря на критику и высмеивания, остались следующие черты его имиджа: харизматичный лидер, приверженец своему делу, продолжатель классовой борьбы во имя социализма, борец за счастье угнетенных.

Литература

1. Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI вв. – М., 2007.
2. Цит. Goncharov S.N. Uncertain Partners: Stalin, Mao and the Korean War. – Standford, 1993.
3. Меликсетов А.В. История Китая. – М., 1998.
4. Борисов О.Б. Из истории советско-китайских отношений в 50-х годах. – М., 1982.

5. Правда. 1966. 1 сентября.
6. Сладковский М.И. Китай: основные проблемы истории, экономики, идеологии. – М., 1978.
7. Борисов О.Б. Советско-китайские отношения, 1945–1980. – М., 1980.
8. Морозов И.Л. Азиатский регион во второй половине XX века [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://poisk.vlz.ru/work/m05.htm>.
9. Мао Цзэдун [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rudata.ru/wiki/Mao>.
10. Чэн и (Маршал) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Чэнь_И_\(НОАК\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Чэнь_И_(НОАК)).
11. Китай: история в лицах и событиях. – М., 1991.
12. Огонь по самим себе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kamsha.ru/journal/portrets/stat/mao.html>

Н.С. Малышева

Поль-Анри Спаак – «проамериканский» политик Бельгии

Одним из влиятельных политиков и дипломатов, немало сделавших для восстановления своих государств после окончания Второй мировой войны, считается бельгийский министр иностранных дел и премьер-министр Поль-Анри Спаак. Являясь убежденным социалистом и отстаивая идею «Объединенных штатов Европы», он, тем не менее, среди многих современников, а также исследователей истории международных отношений воспринимался как дипломат, принимавший решения в интересах США.

Упоминание о П.-А. Спааке как американофиле является неизменным, главным образом, для отечественных исследователей. Это вполне объяснимо в контексте «холодной войны», поскольку бельгийский политик в отдельных случаях проявил инициативу в деле создания различных организаций, обеспечивающих европейскую и евроатлантическую солидарность. Западный союз (1948 г.), НАТО и Совет Европы (1949 г.), Европейское объединение угля и стали (1951 г.), Евратом и Европейское экономическое сообщество (1957 г.) – в их формировании бельгиец сыграл далеко не последнюю роль. Впрочем, и сейчас встречаются публикации, в которых начальный этап европейской интеграции преподносится как часть антикоммунистического заговора США, а европейские политики, поддерживавшие эту идею, как агенты американской разведки [1, 2]. Сам бельгийский политик здесь фигурирует уже как непосредственный создатель НАТО, при этом причастный к семье Ротшильдов. В вину Спааку вменяется также то, что с декабря 1944 г. бельгийское правительство в эмиграции обеспечивало

США крупными поставками урана из своей колонии Конго, содействуя, таким образом, развитию американской ядерной программы.

Несомненно, что основой для подобных выводов стало известное выступление Спаака с эмоциональной речью на 3-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1948 г., когда он потребовал от СССР извлечь Европу от страха перед его военной мощью. Стоит отметить, что до этого момента Спаак как глава Социалистической партии Бельгии ориентировался на то, что после окончания войны между СССР и западными союзниками сохранится сотрудничество и Советский Союз станет одним из партнеров Европейской федерации [3, p.284].

В то же время, в самой Бельгии, современники Спаака критиковали и упрекали его в невнимании к национальным интересам и стремлении угодить американцам. При этом любопытно, что критика исходила не только от левых (что было предсказуемо), но и от правых сил. Среди последних непримиримым врагом политика стала газета Католической церкви *La Libre Belgique* («Свободная Бельгия»). Одним из поводов для критики стала безоговорочная поддержка Спааком плана Шумана. Наиболее глубокие подозрения в отношении идеи слияния угольной и сталелитейной промышленности стран Западной Европы испытывали коммунисты. Бельгийское издание «Красный флаг» утверждало, что идея Шумана навязана американцами, в действительности должна упростить перевооружение ФРГ и передачу контроля над европейской экономикой корпорациям США, действующим через немецкие компании [4, p.1]. 4 июля 1950 г. итальянская газета *«L'Unità»* опубликовала совместную декларацию коммунистических партий Великобритании, ФРГ, Италии, Франции, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга с призывом к населению этих стран выступить против создания ЕОУС: «План Шумана, навязанный американскими империалистами, – это важный шаг к началу войны против СССР и народной демократии». Полагая, что принятие плана имеет целью завершить интеграцию Западной Германии в Атлантический блок и начать ее перевооружение, коммунисты не обошли вниманием и тех политиков, которые выступали за участие своих государств в «американском» проекте. Так, в адрес П.-А. Спаака прозвучало мнение, что «лидеры правого крыла социалистов являются агентами не только национальной буржуазии, но и американского империализма» [5]. Социалистическая партия как оппозиционная в парламенте сила, по мнению левой прессы, должна была отстаивать интересы работников угольной и сталелитейной промышленности, которых ожидали неизбежные сокращения и снижение заработной платы. Тем не менее, Спааку удалось убедить БСП принять резолюцию, одобряющую план, а парламент – проголо-

совать за договор большинством в 102 голоса (но при этом число воздержавшихся было больше, чем в других пяти странах – 58).

В дальнейшем критиковались и усилия Спаака любой ценой ускорить процесс европейской интеграции, поскольку, опять-таки, это соответствовало интересам США. К примеру, в январе 1957 г. газета католической церкви уже прямо советовала Спааку уйти в отставку с поста министра иностранных дел, поскольку он, совмещая эту должность с местом генерального секретаря НАТО, не может адекватно представлять страну в международных делах [6]. Возникновению мнения о П.-А. Спааке как о «друге» американской дипломатии действительно соответствовало наличие приятельских отношений со многими чиновниками Госдепартамента, (среди которых были госсекретарь Д. Ачесон, Р. Мерфи и др.), а также то, что США неизменно поддерживали кандидатуру бельгийского политика на высшие должности в международных организациях. Так, покинув кабинет министров в 1949 г., Спаак стал председателем Парламентской ассамблеи Совета Европы, в 1952 г. – президентом Европейского парламента, а в 1957 г. получил кресло генсека НАТО, одновременно сохранив за собой пост главы Социалистической партии.

Признавая тесные связи П.-А. Спаака с американскими деловыми и политическими кругами, стоит отметить, что зарубежные исследователи оценивают его деятельность с несколько иной точки зрения [7–9]. Они полагают, что самой яркой чертой П.-А. Спаака был прагматизм (об этом говорили и те американские дипломаты, которым довелось общаться с политиком, правда, при этом они отмечали, что это вообще характерно для бельгийцев). У него не было иного выбора, кроме как связать послевоенное восстановление Бельгии с получением финансовой помощи из США. Западные исследователи предпочитают рассматривать Спаака не как «проамериканского» политика, а как делового и практичного государственного деятеля, четко разделяющего идеологические и прагматические соображения. Действительно, в том, что касается политических взглядов, Спаак как социалист представлял исключение в ряду таких, в общем-то, тоже «проамериканских» политиков, как К. Аденауэр, А. де Гаспери, Р. Шуман, принадлежащих к лагерю правых.

Сам политик неоднократно подчеркивал, что отстаивает интересы не США, а Европы в целом, а его идеология отличается от того, что присуще чиновникам Госдепартамента. Его связи с США носили прагматический, а не идеологический характер. «Бельгиец смеется над американцами, которые видят коммунистов за каждым кустом», указывал посол США в Конго Д. Роуз. Кроме того, Спаак имел непосред-

ственное отношение к банковской группе Ламберта, связанной деловыми интересами с некоторыми концернами США, возможно, это также заставляло его быть более лояльным во многих вопросах. Можно назвать, пожалуй, лишь один пример, когда Спаак не мог выполнить в полном объеме то, чего ожидали от него американцы. После предоставления Бельгией независимости Конго в 1960 г. в стране началась гражданская война, и в 1964 г. США поставили перед Спааком вопрос о необходимости ввести войска. Идеальным для них было бы участие бельгийских ВС при техническом обеспечении со стороны США. Однако Спаак не только ответил отказом, но и не приложил никаких усилий для того, чтобы убедить другие европейские страны оказать помощь США. При этом он воспользовался возможностью ответить по поводу обвинений в свой адрес: «Люди всегда говорят, что я делаю то, что хотят американцы, что я всегда разделяю их взгляды, но в случае с Конго это совсем не так». В данном случае премьеру было невозможно игнорировать общественное мнение, так как подавляющее большинство бельгийцев было против вмешательства правительства в дела бывшей колонии. Были и материальные соображения – финансовая группировка, к которой принадлежал Спаак, была готова выстраивать экономические отношения с любым правительством Конго, неважно, являлось бы оно коммунистическим или нет.

Подобное восприятие П.-А. Спаака как «проамериканца» несколько не мешало его карьере, хотя для него самого образ политика, обеспечивающего интересы США, нередко был тягостен. По его мнению, это дискредитировало саму идею европейского единства, которую он отстаивал все послевоенные годы. «Я – европеец!» – доказывал он в многочисленных газетных публикациях и в своих мемуарах (под красноречивым названием «Продолжающаяся битва: воспоминания европейца»), опубликованных в 1971 г.

В целом, стремление Бельгии к более тесному союзу с США не являлось исключением для послевоенной Западной Европы. Однако большинство этих стран являлись пассивной стороной американо-европейских отношений, принимающей инициативы США как должное. В случае с П.-А. Спааком очевидно, что возникновение его образа как проамериканского политика было основано не только на фактах его тесного сотрудничества с деловыми и политическими кругами США, но и на выдвижении таких проектов, которые отвечали интересам внешней политики Соединенных Штатов.

Литература

1. Тайная история Европейского Союза: от Совета по международным отношениям до Бильдеберга // <http://www.otechestvo.org.ua/main/200711/735.htm>.
2. Лебедева И. С подачи Берлина и Лондона // <http://www.odnarydyna.ru/articles/15/132.html>.
3. Victory Congress of PSB, June 9–11, 1945 // Documents on the History of European Integration: The Struggle for the European Union by Political Parties and Pressure Groups in Western European Countries, 1945–1950. – New York, 1988.
4. Towards the Signing of the Schuman Plan. Our Coal Mines under Threat // Le Drapeau Rouge. 1951. № 29.
5. Contro il piano Schuman di schiavitù e di guerra: Dichiarazione comune dei partiti comunisti di Francia, Germania, Italia, Gran Bretagna, Olanda, Belgio e Lussemburgo // L'Unità. 1950. Luglio, 4.
6. The Common Market Treaty // La Libre Belgique. Le 30 Janvier 1957.
7. Gibbs D. The Political Economy of Third World Intervention: Mines, Money and US Policy in the Congo Crisis. – Chicago, 1991.
8. Helmreich J. United States Relations with Belgium and the Congo, 1940–1960. – Delaware, 1998.
9. Paterson T. Kennedy's Quest for Victory: American Foreign Policy, 1961–1963. – Oxford, 1989.

А.Ю. Полтораков

Украинско-российские отношения в фокусе международно-политического имиджа (на примере «газового конфликта» января 2009 г.)

С самого начала украинско-российский газовый конфликт (январь 2009 г.), имеющий политико-экономический характер, обрел «имиджевое измерение» – начиная с имиджа государства (России или Украины) и заканчивая имиджем отдельной политической силы (ветви власти, партии или политика).

Стороны и участники конфликта, используя газовую проблематику, стремились с одной стороны, улучшить свой имидж, а с другой – подорвать имидж оппонента. В украинском контексте ситуация (так называемый «Газават», или «Холодомор») обострялась постепенным приближением очередной избирательной кампании (очередных выборов Президента) – политические игроки старались разыграть «газовую карту» еще и в электоральных целях.

Исходя из этого, ключевыми вопросами политического характера во многом стали «внутренние» проблемы имиджа украинских политиче-

ских сил (ветвей власти и политических партий) – с одной стороны, и обострившиеся «внешние» проблемы имиджа государства – с другой.

Одним из существенных «внутренних» результатов «газового кризиса» стало существенное ослабление общественной и международной поддержки нынешней украинской власти: «Украинское руководство окончательно потеряло бонус доверия, который оно имело в Европе после «оранжевой революции». В ходе газового спора стало очевидно, какой внутриполитический хаос господствует в Украине» («Der Standard», 20 января).

Наиболее негативно это сказалось на рейтинге Президента В. Ющенко (и без того невысоком). С самого начала «газового кризиса» лично В. Ющенко и его окружение (прежде всего Секретариат Президента) заняли критическую позицию по отношению к Правительству Ю. Тимошенко и агрессивно-наступательную – по отношению к российской стороне (настаивая на низкой цене, но не подкрепляя требования достаточно вескими аргументами или расчетами).

Намереваясь использовать очередной этап «газового вопроса» в чисто политических целях, В. Ющенко занял достаточно жесткую позицию по «газовому вопросу», рассчитывая заработать дополнительную популярность – поднять свой политический имидж «патриота», не боящегося идти на серьезную конфронтацию для «спасения Украины от газового шантажа». «Апеллируя к мифу о славянском единстве, цинично эксплуатируя тему многовековых исторических связей, Кремль последовательно осуществляет нескрываемое давление на Украину за ее независимую внешнюю и внутреннюю политику. Ярким свидетельством такого давления послужил спланированный характер газовой атаки России с целью дестабилизировать внутреннюю ситуацию в Украине, разрушить ее газотранспортную систему» (Заявление МИД Украины, 20 января).

«Бонусами» должны были стать дополнительная привязка Украины к Европе (путем ее втягивания в конфликт) и, косвенно, политико-идеологическая дискредитация премьер-министра Ю. Тимошенко, которая якобы «не справляется с задачей» обеспечения поставок газа. Показательно, что в самый разгар конфликта из Секретариата президента регулярно раздавались обвинения в адрес премьер-министра – якобы, Тимошенко «просто не хочет лишний раз нервировать Путина – своего коллегу и негласного патрона» (Р. Бессмертный, замглавы Секретариата, 10 января).

Европа в конфликте заняла нейтрально-выжидательную позицию, возлагая ответственность на обе стороны – не только российскую (как ожидалось), но и украинскую. Практическим проявлением общевро-

пейской позиции «скепсиса» по отношению к Украине стали результаты украинского «газового саммита», запланированного как противовес российскому «газовому саммиту».

В свою очередь, позиция основной части населения (ожидающего очередного повышения цены на газ) была выражена оппозиционером В. Киселевым: «кто виновен в «газовой войне» – правительство Ю. Тимошенко и В. Ющенко. Они сцепились между собой за пост Президента, забыли о стране и даже о том, что нужно было своевременно заключить договор по газу. Их заявления о том, что в Украине есть газ – это издевательство над здравым смыслом, ведь в школах, больницах и на предприятиях газ отключили» («siteUA.org», 20 января).

В результате «...в то время, как Путин теперь может заявить российскому народу, что он «выбил» из Украины переход на мировые цены на газ, украинский Президент вынужден оправдываться» («Sud-deutsche Zeitung», 20 января).

Ситуация «газового противостояния» была достаточно эффективно использована антипрезидентскими силами. Так, на президента посыпались обвинения в личной причастности (на уровне т.н. «семьи» и, в частности, брата – П. Ющенко) к «газовым схемам». В частности, лидер КПУ П. Симоненко с трибуны Рады заявил, что одной из главных внутренних причин газового кризиса является «борьба кланов за газовую трубу и финансовые интересы «семьи» Ющенко».

В результате В. Ющенко вынужден был оправдываться: «Что касается заявлений, которые связаны с якобы участием президента в этих газовых, извините, вонючих схемах, то я хочу сказать одно: никогда ни я, ни моя семья, не имели никакого отношения к тому, что называется газовыми делами».

В отличие от имиджа Президента, имидж Премьер-министра во время газового конфликта существенно не страдал – хотя результаты конфликта негативно отразились и на нем. Этому способствовало то, что на первых стадиях конфликта (начало января) Ю. Тимошенко дистанцировалась от противостояния (поставив себя «выше критики») – и тем самым способствовала позитивному восприятию собственной позиции как достаточно сдержанной и последовательной.

Основным фактором, негативно повлиявшим на имидж премьера, стала массированная кампания критики подписанных премьерами РФ и Украины «газовых договоренностей». Осложняющим обстоятельством, в частности, стало то, что от общественности (политиков, экспертов и т.п.) якобы «утаивались» конкретные детали этих договоренностей.

Даже на факторе так называемой «20%-ной скидки от Путина» Ю. Тимошенко не удалось эффективно сыграть – оттяжка с обнародованием конкретики документа была эффективно использована ее оппонентами – как со стороны Президента, так и со стороны оппозиции (прежде всего Партии регионов).

В целом же можно согласиться с мнением спикера ВРУ В. Литвина, что Украина «полностью проиграла информационную войну с Россией в теме газа» – имидж Украины (и в первую очередь – власти) пострадал как в глазах ЕС, так и в глазах граждан.

В отличие от европейского имиджа Украины, существенно подорванного газовым конфликтом (проявившим целый спектр серьезных проблем – от непрозрачности и коррупционности экономики до разбалансированности политики), имидж России в Украине пострадал не особо. Этот парадокс объясняется, в частности, тем, что «репутация» украинской верховной власти уже давно (со времен президентства Л. Кучмы) была подорвана небезосновательными обвинениями в «несанкционированном отборе» (то есть «воровстве») российского транзитного газа.

Аналитики (обозреватель The Washington Times А. Коэн и др.) указывали, что Украина поставила себя в уязвимое положение сама: ей давно следовало диверсифицировать источники энергоносителей, «разобраться» с высоким уровнем коррумпированности в энергетической сфере и модернизировать собственную энергетику.

В подобных условиях поставки газа по ценам существенно ниже европейских воспринимались населением как проявление «российской дружбы», от которой «помаранчевая власть» постепенно отказывалась в пользу углубления геостратегического сотрудничества с Западом (прежде всего США). Соответственно, повышение «Газпромом» Украине цены на газ до «европейского» уровня было воспринято как нормальный рыночный шаг, вдвойне объяснимый в условиях масштабного геоэкономического кризиса.

В целом же, «газовый конфликт», помимо осложнения социально-экономической ситуации, также обострил социально-политическое напряжение в Украине. Так, существенно подорванным оказался имидж Президента Украины, а также (хотя и не столь существенно) – имидж Премьера также оказался «под ударом».

Вместе с тем, на фоне газового противостояния открылись дополнительные имиджевые перспективы для оппозиционных и им подобных политических сил. Основным из них удалось эффективно сыграть на проблематике конфликта – не только подорвать позиции власти, но и усилить свои.

Помимо этого, «газовый конфликт» в очередной раз обострил проблему внешнеполитического «имиджмейкерства»:

1) доминирующие у нынешней политической власти настроения конфронтации с Россией не нашли поддержки у большинства населения, воспринимающего конфликт с Россией как фактор ухудшения и без того непростой социально-экономической ситуации;

2) недостаточно эффективными оказываются существующие ныне информационно-коммуникационные механизмы. Так, во время «газового конфликта» в Украине наблюдался своеобразный «информационный вакуум» – позиция России в конфликте преподносилась и трактовалась несколько однобоко. Лишь отдельные украинские медиа (прежде всего телеканалы) привлекали к обсуждению проблематики российских политиков и экспертов. Например, позиция «Газпрома» преподносилась преимущественно на новостном, а не на аналитическом уровне;

3) «газовый конфликт» в очередной раз проявил неэффективность таких существующих официальных структур, как Российско-украинская межгосударственная комиссия (РУМК) или Рабочая группа высокого уровня. Данные структуры, одной из задач которых является «продвижение» позитивных «имиджей» сторон, практически не были задействованы в процессе его регулирования и совершенно не влияли на его имиджевую составляющую.

Обсуждение в Интернете

ledyukova

25 Июнь, 2009 05:50 (UTC)

«Апеллируя к мифу о славянском единстве, цинично эксплуатируя тему многовековых исторических связей, Кремль последовательно осуществляет нескрываемое давление на Украину за ее независимую внешнюю и внутреннюю политику."

Так все-таки цинично это или нет, апеллировать к общей истории? Я вот тоже думаю об этом.

Анонимно

25 Июнь, 2009 13:48 (UTC)

Апеллируя к мифу о славянском единстве, цинично эксплуатируя –

Апеллировать (даже к мифу) и эксплуатировать (даже цинично) – это, увы, разные категории. Да и использовал их официально МИД Украины, которому «по должности положено» отвечать за сказанное (боюсь, этим авторша коммента – при всем уважении к ней – не может надлежащим образом похвастать)...

О.Ч. Реут
Чёрный, женский, цифровой. Востребованный
политический лидер в США

Большинство политологов и международников справедливо отмечают, что закончившаяся в ноябре прошлого года президентская кампания в Соединённых Штатах по многим критериям была уникальной. Это определялось не только фигурами (персонами) основных кандидатов и их заместителей, но и теми внутривнутриполитическими условиями, в которых проходило противостояние, выявившее победителя в сложной и неоднозначно протекающей борьбе. Это были не первые «большие» американские выборы, в которых принимал участие афроамериканец. Это была не первая кампания, в которой женщины-политики демонстрировали высокие потенциал и амбиции. Это были не первые выборы, в которых значительная роль отводилась передовым достижениям информационного общества и технологическому применению установленных закономерностей поведения аудитории в массово-коммуникационных процессах. Но именно сочетание, совокупность структурообразующих факторов, определяющих интригу выборной борьбы, была исключительной и во многом по праву инновационной.

В предлагаемом материале автор постарается обратить внимание читателя как на условия среды, в которой оказалось возможным демократическое обновление, так и на ситуацию в собственно политической системе, зафиксировавшей уникальную и пока неповторимую востребованность национального лидера. Системно-средовой подход, в рамках использования которого внешняя среда выступает частью системы, позволит нам спроецировать рассматриваемые процессы и феномены на ход и результат кампании.

Чёрный, женский и цифровой. Именно таковым выступает образ (имидж) современного кандидата в американские политические лидеры. Без сомнений, результат имиджевой политики является во многом исторически обусловленным. Последовательно рассмотрим перечисленные «слагаемые» успеха. Но сперва зафиксируем, что актуальная триада «раса-гендер-класс» формирует в последние годы своеобразный мейнстрим в художественном дискурсе выявления политического (общественного) лидера.

Такой дискурс воспринимается как совокупность текстов, создаваемых для коммуникации в сфере политической деятельности, направленной на уточнение пределов востребованности лидерства во внутренней политике государства. Автор полагает, что правильнее говорить не об одном, неделимом и монолитном дискурсе, а о совокупности дискурсов. Не претендуя на завершенность и универсаль-

ность классификации, можно выделить художественный, медиа, политический и экспертный (академический) дискурсы.

Справедливости ради, необходимо отметить, что дискурс востребованности лидера органично дополняется дискурсивными практиками одиночества, лузерства, пораженчества и маргинализации, т.е. гетерогенными множествами детерминированных во времени и пространстве правил, которые в свою очередь определяют «условия осуществления функции высказывания» по поводу отсутствия перспектив стать и быть политическим (общественным) лидером.

Избрание сенатора от Иллинойса Барака Обамы сорок четвёртым президентом США иллюстрирует тезис, заключающийся в том, что ни одна страна в мире не может сравниться со Штатами в способности обновляться. Кандидат от демократической партии Б. Обама, пройдя этап внутрипартийных праймериз, выиграв дуэльное противостояние с кандидатом-республиканцем и став первым чернокожим президентом Америки, окончательно положил конец двухсотлетнему запрету на вхождение афроамериканцев в большую политику, в элиту политкласса.

Известно, что иммиграция сформировала стойкую веру в то, что человек может влиять на обстоятельства и порой предопределять их. В итоге население страны отличается высокой степенью предприимчивости. Америка последовательно становилась экспериментальной лабораторией для реализации инновационного потенциала и амбиций просвещенного индивидуализма. Сама идея индивидуализма и принцип автономности человеческого существования были доведены почти до аксиоматического постулата: где больше творческих индивидуалистов, там они и богаче.

Но индивидуализм не означает пренебрежения корнями. Осознание происхождения очень сильно среди американцев, оно рассматривается скорее как ступень, с которой начинается движение социальных лифтов вверх, а не как непроходимая преграда на пути. Система образования и патриотического воспитания выплавляют индивидуализм и этническое своеобразие каждого в общий «американизм».

С другой стороны, возрастающая степень разнообразия – характеристика современной американской нации. Всё труднее и труднее любому и каждому политику следовать правилу «быть больше похожим на Америку». Губернатор Калифорнии – Арнольд Шварценеггер, родившийся не в Америке. Губернатор Нью-Йорка – Дэвид Пэтерсон, слепой афроамериканец. Первые месяцы кампании фаворитом избирательной гонки у республиканцев являлся Рудольф Джулиани, выходец из итальянской общины, представители которой восемь-десять лет на-

зад едва ли могли рассчитывать на электоральный успех где-либо, кроме Нью-Йорка или Нью-Джерси.

Очевидно, что кампания-2008 в целом характеризовалась ситуацией «другие дискурсы, другие нормы, другие практики». Но главное – другие кандидаты. Разные. Как сама Америка. Хотя очевидно, что современная американская нация в сотни, тысячи и сотни тысяч раз многообразнее, чем основные кандидаты.

Социальные лифты относительно исправно работают. Вверх по ступеням политических лестниц маршируют многочисленные отряды из числа представителей меньшинств. Или тех социальных групп, которые меньшинствами считались ещё вчера. Границы нормы и отступления от неё постоянно и востребовано меняются. Самым естественным образом эти изменения в значительной степени отражают социодемографическую динамику.

Впервые в стане демократов на стадии предварительных выборов на победу реально претендовала г-жа Хиллари Клинтон. Впервые от республиканцев на должность вице-президента была номинирована г-жа Сара Пэйлин. Эти два момента оказали чувствительное влияние на ход кампании в разрезе электоральных предпочтений традиционных социальных страт.

В администрации президента Б. Обамы г-жа Х. Клинтон стала третьим государственным секретарём–женщиной. Ряд ключевых постов в посольском корпусе и собственно аппарате госдепа также оказались заняты женщинами. Появление дам в высших эшелонах американской политики, особенно по направлениям, считавшимся «исконно мужскими» – международные отношения, национальная безопасность и оборона – свидетельствует о той политической, информационной и культурно-просветительской роли, которую сыграло феминистское движение в трансформации социального порядка. Это, прежде всего, касалось преодоления гендерных разрывов в применении к внутриполитическим процессам.

Кампания-2008 продемонстрировала не просто очевидный запрос на новую медийность кандидатов; она стала формировать и классификационно формулировать новые стандарты и критерии эффективности как собственно предвыборной борьбы, так и составляющих электорального успеха.

Через Интернет, через дигитализованные медиа по-новому происходило сближение кандидатов и электората. Из традиционных «мест обитания» политическое перетекало в блогосферу, в социальные сети, в YouTube-площадки видеохостинга. Именно ситуации кроссмедийных переходов представляют несомненный интерес для: а) анализа

электоральной географии; б) исследования ожиданий различных электоральных групп; в) критического рассмотрения дискурсивных «мишеней», по которым велась электоральная «стрельба».

Еще перед августовским конвентом демократической партии прощательные наблюдатели вывели формулу «2.0 в пользу Обамы», фиксируя зависимость электорального успеха от положения кандидата в сфере индивидуальных масс-медиа (блогов) и средств индивидуальной информации, «заточенных» под рост политического влияния веб-два-точка-ноль-медиа. Некоторые торопливые политобозреватели даже решили определить YouTube как «главный медиаканал президентской кампании». Популярные ролики, например «Obama Girl», «Vain and Pretty» или «Dear Mr Obama», посмотрели более 10 млн. американцев.

Интересным примером инноваций стало использование рекламного пространства компьютерных игр. Специализированная внутриигровая реклама не могла быть открытием сама по себе. Но кампания-2008 запомнится тем, что агитационные предвыборные плакаты (и прочий product placement) были ориентированы именно на избирателей-геймеров с очевидной целью вовлечения большего количества молодежи в политическую и околополитическую жизнь страны. Впервые были зафиксированы случаи предельно корректного и удачного инкорпорирования массовой политрекламы в X360-игры.

В качестве заключения необходимо отметить, что избрание Б. Обамы демонстрирует силу демократии как инструмента политического обновления. Оно в значительной степени позволяет разрушать бытующее мифологическое представление о том, что американская демократия является такой же ширмой, как во многих других политических режимах. Тезисы, что Дж. Буш-мл. «украл» в 2000 г. голоса выборщиков Флориды, что американские толстосумы всегда поддерживают республиканцев, а «нормальный избиратель» вспомнит в нужный момент о расизме и сексизме, не нашли своего подтверждения. Преимущество в голосах, с которым выиграл Б. Обама, не оставляет камня на камне от предположения, что американская демократия чем-то похожа на её «управляемые» симулякры.

Мощный заряд стремления к переменам, который несет в себе избранный президент Соединенных Штатов, может оказаться серьезным фактором трансформации, но может и обернуться разочарованием. Ведь он не руководитель, а символ. Однако Америка обоснованно предъявляла к своему политическому лидеру именно такие критерии востребованности.

П.В. Рубцов
Позднеантичные образы императора и региона:
проблемы взаимовлияния

Эпоха поздней античности, к которой в той или иной степени восходят основы современных европейских государств, представляет интерес и как начальный этап формирования региональной (или протонациональной) идентичности в рамках, по крайней мере формально, единой Империи. Одним из аспектов этого процесса стало более тесное взаимодействие и взаимовлияние образов императора и региона его происхождения. Трансформация традиционного для Поздней республики и Ранней империи представления об имперском центре – Риме – и его отношении к периферии происходит постепенно и связана с целым рядом факторов. Необходимость в период борьбы за императорскую власть опираться на силы провинциалов заставляла претендентов использовать в своей пропаганде позитивные образы провинций, как это, например, демонстрирует монетная чеканка Гальбы 68 г. [1, р.203–204]. Данная тенденция закрепляется при Адриане (117–138 гг.), который выпускает серию монет, в которых предстает как восстановитель (*restitutor*) отдельных провинций. Но даже в этот период (по мнению исследователей – переломный во взаимоотношениях центра и периферии Римской империи), сохраняется доминирующий образ Рима как общей родины, как города, разросшегося до *orbis terrarum*. Императорская власть прочно ассоциировалась именно со столицей, и официальная пропаганда игнорировала факт происхождения императоров не из Рима. Так, в панегирике Плиния Младшего Траяну нет упоминания об испанском происхождении последнего, а если в политике Адриана можно проследить некое благоволение Испании (которая являлась и его родиной), то лишь сопоставимое по масштабам с благодеяниями, оказанными другим регионам.

Смещение акцентов в связке образов Рима и императора происходит с постепенной эмансипацией императорской власти от традиционных политических институтов и благодаря длительному отсутствию императоров в столице. Уже для историка III в. Геродиана естественным было утверждение, что «Рим там, где бы ни находился император» (Herodian. I. 6. 5). Тем самым Рим сохраняет значение символического центра Империи, «вечного города» [2] но теряется его актуальность как реального центра императорской власти. Соответственно, меняется роль формируемых пропагандой образов региона, в котором родился тот или иной император и намечается изменение политики в отношении таких регионов. При Септимии Севере (193–211 гг.), уроженце африканского городка Лептис Магна, фиксируется масштабное

строительство публичных зданий в римской Африке [3, p.35], а столетием позже Диоклетиан (284–305 гг.) строит дворец в Спалато, куда отправляется после отречения. Так называемые «солдатские императоры» зачастую были низкого происхождения, что отразилось на структуре речей, прославляющих носителей высшей власти. Задача была столь актуальной, что в известном и влиятельнейшем пособии по составлению эпидейктических речей, написанном в конце III в. Менандром Ритором, дается указание уделить в панегирике императору место для прославления его родины, если нет никакой возможности указать на достижения его рода (Men. Rhet. 369. 18 sqq.; ср. указания на затруднения, возникавшие в этом отношении: Lib. Or. XVIII. 7). Этот принцип панегиристы реализовывали разными путями. Так, Паннония, родина Максимиана (и Диоклетиана) восхваляется ораторами за доблесть ее жителей (Pan. Lat. II. 2. 10; III. 3. 8), а Симмах сразу несколько регионов делает «родиной» Валентиниана I, поскольку они повлияли на его становление как императора (Symm. Or.I. 1–2) [4, S. 63–68].

Но наибольший интерес вызывает взаимодействие образа императора и отдельного региона при Феодосии Великом (379–395 гг.). Его испанское происхождение послужило связующим звеном с образом «наилучшего принцепса» – Траяна, что, в свою очередь, наложило отпечаток и на позднеантичный образ самой Испании. Богатая ресурсами Испания в античной историко-географической традиции имела устойчивый образ изобильного региона (Strabo. III. 2; Plin. Hist. nat. XXXVII. 20. 1–2; Just. XLIV. 1. 7 etc.), что сохраняется и в поздней античности. Но в конце IV в., благодаря пропаганде Феодосия утверждается еще один атрибут этого образа – Испания предстает как регион, дающий императоров римскому миру. Так, уже у Паката Испания названа матерью императоров (*mater principum* – Pan. Lat. XII. 4. 5), и это обозначение было подхвачено последующими авторами, такими, как Клавдиан. У этого поэта, бывшего «официальным» пропагандистом западного двора в 396–404 гг., Испания (Иберия) восхваляется как «изобилующая благочестивыми императорами» (*principibus fecunda piis*) и приносящая Августов как «налог» империи (*Laus Ser.* 55; 63–64). При этом и Пакат, и Клавдиан при описании природных богатств Испании ориентируются не только на упоминавшуюся историко-географическую традицию, но и на топоним «золотого века» – образ, неразрывно связанный с прославлением императоров.

С другой стороны, факт испанского происхождения Феодосия давал ему возможность выгодно использовать образ своего «соотечественника» – Траяна. В отличие от другого испанца – Адриана, Траян в исторической памяти римлян безусловно выступал как один из лучших

императоров. Поэтому любые ассоциации с образом «наилучшего принцепса» способствовали легитимации власти самого Феодосия. То, что «христианнейший император» (эпитет, закрепленный за Феодосием в позднеантичной традиции) сознательно стилизовал отдельные свои действия под Траяна, ясно из его строительной программы в Константинополе, призванной повторить наиболее известные, символические для Империи монументы этого принцепса [5, p.146]. Вероятно, к официальной пропаганде восходит и мнение, выраженное в одной из наиболее ранних биографий Феодосия, что он вел свой род от императора Траяна (*Epit. de Caes.* 48. 1). Сама по себе выдуманная генеалогия являлась, скорее, правилом в императорской пропаганде, по крайней мере, с Севера. Новым здесь являлось то, что в качестве принципа выстраивания такой генеалогии становится общий регион происхождения. Совмещение образов Феодосия и Траяна выразилось в их сравнении в исторической литературе поздней античности. Причем и христианская традиция, и ориентированная на традиционные формы историописания, использовали схожие схемы сравнения, подчеркивая сходство доблестей двух испанцев и превосходство Феодосия в добродетели, в каком бы ключе она ни понималась (*Epit. de Caes.* 48. 8–10; *Oros.* VII. 34. 2–4). Подчеркивание пропагандой Феодосия его испанского происхождения, целью чего была ассоциация с Траяном, породило целый ряд мифов не только у древних авторов, но и в современной историографии. Так, до последнего времени было распространено мнение о занятии испанцами ведущих постов в имперском управлении и об особой приверженности испанцев никейскому символу веры, выражением чего стала религиозная политика Феодосия. Более пристальное изучение как региональной принадлежности высших должностных лиц в 379–395 гг., так и законодательства в сфере религии показали необоснованность такого мнения [6, p.77–120].

Возникшие в рассматриваемый период контаминации образов императора и региона сыграли значительную роль и в формировании идентичности в постримской, вестготской Испании. Так, в расширенной редакции своей «Истории Готов» Исидор Севильский (VII в.) особое место уделяет похвале Испании, где традиционные мотивы греко-римской традиции, включая образ Испании-матери императоров, соединяются с образом готов, воспринимающих «царственные символы» и охраняющих безопасность империи. Во многом благодаря такому соединению Исидор заслужил в испанской литературе первой половины двадцатого века эпитет «первого испанца» и прото-националиста [7, p.170–178].

Литература

1. Roman Imperial Coinage. Vol. I. – L., 1984.
2. Paschoud F. Roma Aeterna: Etudes sur le patriotisme romain dans l'occident latin a l'epoque des grandes invasions. – P., 1967.
3. Duncan-Jones R.P. Economic Change and the Transition to Late Antiquity // *Approaching Late Antiquity. The Transformation from Early to Late Empire* / Ed. by S. Swain and M. Edwards. – Oxford, 2004.
4. Mause M. Die Darstellung des Kaisers in der lateinischen Panegyrik. – Stuttgart, 1994.
5. Errington R.M. Roman Imperial Policy from Julian to Theodosius. – Chapel Hill, 2006.
6. McLynn N. «Genere Hispanus»: Theodosius, Spain and Nicene Orthodoxy // *Hispania in Late Antiquity. Current Perspectives* / Ed. by K. Bowes and M. Kulikowski. – Leiden, Boston, 2005.
7. Merrills A.H. History and Geography in Late Antiquity. – Cambridge, 2005.

А.В. Сковородников Образ Д. Михайловича в сознании британской политической элиты

Достаточно часто выдающиеся личности выходят на арену истории в периоды кризиса и надлома существующих институтов и порядков. Особенно отчетливо это проявляется во время войн. XX в. был насыщен всякого рода конфликтами, ставившими под сомнение существование целых народов и национальных культур. Вторая мировая война стала одним из самых серьезных и значительных испытаний для всего мира.

Огромную роль в определении курса, проводимого государством, играет руководитель страны. Политические лидеры могут быть повинны в самых тяжелых преступлениях и безответственных авантюрах, опозоривших человечество, или могут вдохновлять людей идеями свободы личности, социальной справедливости, религиозной и расовой терпимости [1, с.607]. В 30-е – 40-е гг. XX в. на международной арене было несколько политических лидеров, предопределивших дальнейшую историю на несколько десятилетий вперед. Такой фигурой был один из руководителей югославского движения Сопротивления Д. Михайлович.

Дух викторианской эпохи, бремя белого человека, ощущение причастности к общему делу Империи – эти положения накладывали неизгладимый отпечаток на национальное самосознание населения Великобритании и ее лидеров. Это имело неоднозначные последствия в процессе реализации внешнеполитической доктрины Лондона и при формировании взаимоотношений с руководителями других государств.

На протяжении всей Второй мировой войны Балканы представляли собой территорию, вызывавшую чрезвычайный интерес Великобритании по престижным, военно-стратегическим и политическим причинам [2, с.167]. Британские лидеры отчетливо понимали важность данного региона и в течение войны обращали пристальное внимание на взаимоотношения с местными государствами и народами и их лидерами. Одной из крупнейших стран региона была Югославия.

В результате Апрельской войны 1941 г. против Германии Югославия прекратила свое существование. Король Петр эмигрировал из страны, вскоре найдя убежище в Лондоне. Фактически сразу же после этого на территории страны было развернуто движение Сопrotивления, поднятое сербскими монархистами: в Сербии, Черногории, Герцеговине начали формироваться отряды, не желавшие мириться с новым порядком на родной земле. По большей части они состояли из сербского населения. Многие из этих людей, различных по своей социальной принадлежности, связывали надежды на восстановление монархии с победой западных союзников и с деятельностью эмигрантского правительства [3, с.109].

Разрушение Югославии как государства после апрельской катастрофы стало еще одной вехой в ревизии Версаля. По интересам Великобритании был нанесен очередной существенный удар. Тем не менее, британские лидеры вправе были надеяться, что, несмотря на всю тяжесть поражения, уход из балканского региона – лишь временное явление, последствия которого в дальнейшем можно будет исправить, сотрудничая с силами Сопrotивления внутри Югославии. Одним из выразителей данных идей был Д. Михайлович.

Еще до начала мировой войны на территории Югославии были созданы четнические организации под руководством офицера Генерального штаба Д. Михайловича. Это были полуофициальные, военизированные подразделения сербских националистов, призванные верой и правдой служить королю [4, с.50].

В мае 1941 г. в Сербии зародилось Равногорское или четническое движение. Британские лидеры отнеслись к существованию подобных отрядов очень благосклонно. Премьер Черчилль неоднократно подчеркивал значимость «сербской революции» в общем деле победы над Гитлером. Долгое время британский премьер преподносил восстание четников в качестве замены второго фронта, на открытии которого настаивал Сталин. Советскому руководству он доказывал, что союзники англичан – сербы – по английскому требованию уже сковывают несколько десятков дивизий Германии, Италии, Венгрии и Болгарии на Балканском полуострове. Четники становились не более чем размен-

ной монетой в глобальной стратегии Великобритании. Английская пропаганда не скупилась в лестных характеристиках сербов, как основных носителей идеи свободной Югославии под руководством короля. Четники стали опорой не только короля в изгнании, но и британских военных и дипломатических миссий в этой стране. На протяжении всей войны существовала тесная связь между британскими спецслужбами (например, Special Operations Executive, Secret Intelligence Service) и движением Сопротивления по всей Европе, в том числе на Балканах и в Югославии.

Осенью-зимой 1941 г. Д. Михайлович в глазах западных политиков был символом Сопротивления нацизму по всей Европе. В свою очередь, Михайлович и идеолог четнического движения С. Мольевич провозгласили своей основной задачей создание однородной в этническом отношении Великой Сербии, а основными врагами выступали не только государства «Оси», но и коммунисты, а также хорваты, мусульмане, словенцы. Пока стратегические устремлениями Лондона совпадали с целями Михайловича, руководители Великобритании выступали с одобрением активности четников и оказывали им помощь. Но это был лишь тактический недолговечный союз.

1942 г. был ознаменован активным сотрудничеством британских военных миссий с отрядами Михайловича. Он по-прежнему рассматривался как непреклонный лидер Сопротивления, заинтересованный в сотрудничестве с западными союзниками [5, p.257–259]. В январе 1942 г. Михайлович был назначен военным министром югославского эмигрантского правительства, а в июле 1942 г. получил чин армейского генерала. В 1942 г. четники контролировали большие территории, на которых устанавливались довоенные органы власти. Черчилль долгое время положительно оценивал подобные действия четников, в том числе акции против партизан Тито. Но постепенно Михайлович начал терять авторитет в глазах англичан. Побеждая в военных сражениях, Михайлович терпел поражения в информационной войне, которую против него вели югославские коммунисты при поддержке СССР.

Черчилль исходил из целесообразности поддержки Михайловича лишь в том случае, если его намерения и конкретная деятельность совпадали с интересами Лондона в регионе. За показной риторикой и эмоциональными выступлениями о яростном и праведном сопротивлении сербского народа, скрывалось стремление к достижению исключительно собственной выгоды. Первоначально выпады и открытая критика действий четников исходили из околоофициальных кругов британских властных структур. Подчеркивалось, что их борьба представляет собой не более чем пропаганду. Британские СМИ с лета 1943 г.

все чаще стали именовать движение четников коллаборационистским. Появилась идея замены Михайловича, выступавшего за Великую Сербию, на более подходящую с точки зрения Лондона кандидатуру. Англичане хотели видеть Югославию федерацией, во многом зависимой от Британии. Хотя У. Черчилль и министр иностранных дел А. Иден никогда не отрицали личной честности самого Михайловича.

В 1944 г. от одобрения действий четников, информационной поддержки и непосредственной помощи Лондон постепенно переходил к сотрудничеству и координации усилий с югославскими коммунистами. Если Би-Би-Си в 1941–1942 гг. именovala Михайловича патриотом и героем, то уже в начале 1944 г. разоблачала югославских роялистов как коллаборационистов и предателей [6, р.9]. Михайлович был изолирован и вытолкнут из антифашистской коалиции. Осенью 1944 г. он предпринял последнюю попытку переломить ход событий. Генерал от имени Петра II издал приказ о «всеобщей мобилизации всей нации против всех врагов». Ряды четников увеличились до 150 тыс. человек [7, р.276]. Но уже 12 сентября король с подачи Черчилля по радио призывал югославов вступать в армию Тито. Для четников это фактически стало приговором. Сербские монархисты, потерявшие поддержку извне, постепенно превращались в разрозненные отряды, не имевшие возможности оказывать значимое влияние на развитие государства.

В 1945 г. новый политический режим в Югославии во главе с Тито жестко и без колебаний расправлялся со своими политическими противниками. Пропагандистская компания против сербских националистов, начатая коммунистами еще в 1941 г., сыграла важную роль в полной дискредитации некогда сильного и значимого движения Сопротивления в Югославии. Михайлович полностью уступил в информационном противостоянии и стремительно уходил с югославской политической арены. Преобладающей позицией британской дипломатии была точка зрения Черчилля, сделавшего ставку на углубление сотрудничества с Тито. В конечном счете, все это предопределило и судьбу генерала Д. Михайловича. Спустя год после окончания войны он был схвачен и казнён по приговору народного суда ФНРЮ как военный преступник.

Образ Михайловича в сознании британских политиков претерпел значительные изменения: от борца с фашизмом он стал его пособником. Во многом этому способствовала международная конъюнктура и конкретные тактические цели Лондона в Югославии. Так или иначе, до сих пор сам Михайлович воспринимается как фигура неоднозначная и противоречивая, а оценки его деятельности порой являются диаметрально противоположными.

Литература

1. Шлезингер А. Циклы американской истории. – М., 1992.
2. Тейхман М. Политика Великобритании на Балканах во время Второй мировой войны. (1943–1944 гг.) // България след. Освобождението. – София, 1988.
3. Славин Г.М. Народно-освободительная война и революция 1941–1945 гг. в югославской историографии // Антифашистское движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. – М., 1991.
4. Миличевич П. Шесть агрессий Запада против южных славян в XX столетии. – М., 1999.
5. Deakin S.W. British Military Mission in Serbia and Macedonia (1943–45) // Сборник на трудови посветени на академикот Михаило Апостолски по повод 75 г. ишнината од животот. – Скопје, 1986.
6. Lees M. The Rape of Serbia: The British Role in Tito's Grab for Power. – San Diego, 1990.
7. Milazzo M. The Chetnik Movement and the Yugoslav Resistance. – Baltimore, L., 1975.

Ю.Г. Чернышов

Имидж государства и национальные конкурсы «великих имен»

Тема формирования положительного имиджа России все чаще привлекает внимание органов власти, однако научно-экспертная разработка этой темы пока оставляет желать лучшего. Достаточно интересный материал для анализа дают разного рода теле – и интернет-конкурсы, призванные выявить «героев» (или, наоборот, «антигероев») отечественной истории. Имидж государства (как образ, конструируемый с определенными целями и оказывающий эмоционально-психологическое воздействие на сознание людей) во многом состоит из символов, в число которых входят и «великие имена». Олицетворяют ли эти имена развитие страны в «должном» направлении, или они в большей степени ассоциируются с качествами «героев» (их харизматичностью, характером их миссии и т.д.)?

Стремление определить пантеон своих «героев» издавна свойственно многим культурам, однако с появлением телевидения, телефонных голосований и особенно Интернета такого рода конкурсы превратились в массовые шоу и масштабные общественные дискуссии, позволяющие не только выявлять тенденции общественных настроений, но и в значительной степени способствовать кристаллизации новых идентичностей, корректировать имидж страны и государства. Особенно актуально это для тех стран, которые сравнительно недавно пере-

жили смену общественного строя, изменение границ и т.д. Эти страны, оглядываясь на историческое прошлое, пытаются найти в нем «традиционные» опоры для выстраивания новых идентичностей.

Каковы результаты подобных конкурсов в других странах? В конце 2002 г. Би-би-си предложила жителям Соединенного Королевства определить «самого великого британца в истории». Путем голосования было определено, что это Уинстон Черчилль, один из самых влиятельных политиков своего времени [1]. С некоторыми изменениями в правилах подобные проекты были проведены еще в двух десятках стран, где «великими» признавали также, как правило, известных политических лидеров. В США победил Рональд Рейган, во Франции – Шарль де Голль, в Германии – Конрад Аденауэр, в ЮАР – Нельсон Мандела, в Финляндии – Карл Густав Маннергейм, в Португалии – Антониу Салазар, в Израиле – Исхак Рабин, в Испании – нынешний король Хуан Карлос I де Бурбон. Как видим, на выбор могли влиять разные факторы – не только идеологический или политический вектор, олицетворяемый данным политическим лидером, но и его харизматичность, личные качества, достижения и т.д. Если говорить о функциональной классификации, то из четырех общеизвестных образов лидера («знаменосец», «служитель», «торговец» и «пожарный»), пожалуй, наиболее часто встречаются образы «служителя», ведущего страну в «должном направлении».

Стоит отметить, что немцы, в отличие от англичан, оказались не вполне свободны в выборе номинантов. По словам представителей немецкого телеканала ZDF, осуществлявшего проект в Германии, это было сделано, чтобы предотвратить выдвижение кандидатуры Адольфа Гитлера. Организаторы заявили, что в конкурсе должны были участвовать важные и значимые для немецкой истории или культуры персоны, но определенно не осужденные преступники или люди, совершившие преступления против человечества. Из этих соображений в число номинантов не попал, например, и бывший лидер бывшей ГДР Эрик Хонеккер. Данные ограничения в Германии понравились далеко не всем.

Интересно, что во многих странах Восточной Европы проявилась тенденция искать свои «великие имена» во глубине веков. У чехов избранником стал император Священной Римской империи и чешский король Карл IV Люксембургский, в Румынии – Стефан III Великий. В Украине выбор остановили на Ярославе Мудром [2], которому дали следующую характеристику: благодаря ему «Киевская Русь превратилась в могучее европейское государство»[3]. Это вполне соотносится с тем «желательным имиджем» государства, который культивируется в современной Украине.

В таком контексте вполне логично смотрится и победитель конкурса «Имя Россия» князь Александр Невский. Ему, однако, записаны несколько иные заслуги. В риторике сторонников Александра Невского зачастую проявляется не столько «европейская» идентичность, сколько «антизападный» настрой, оправдывающий сотрудничество с монголо-татарскими завоевателями и подчеркивающий особую роль православной церкви: «Князь Новгородский, князь Тверской, великий князь Владимирский с 1252. Сын князя Ярослава Всеволодовича. Одержал блистательные победы над шведами в Невской битве (1240) и над ливонскими крестоносцами в Ледовом побоище на Чудском озере (1242), тем самым обезопасив западные границы Руси. Умелой политикой ослабил тяготы монголо-татарского ига. Был канонизирован Русской православной церковью»[4]. Разумеется, героический миф об Александре Невском (во многом навеянный известным фильмом С. Эйзенштейна) имеет мало общего с реальной историей [5], однако в этом конкурсе соревновались между собой действительно разные мифы.

Сторонники «сталинского мифа» на раннем этапе конкурса едва не одержали победу, однако результаты этого голосования были аннулированы. В итоге в первую тройку вошли Александр Невский, П.А. Столыпин и И.В. Сталин. Окончательный расклад получился следующим (первые двенадцать имен):

1. Александр Невский – 524 575	7. Ф.М. Достоевский – 348 634
2. П.А. Столыпин – 523 766	8. А.В. Суворов – 329 028
3. И.В. Сталин – 519 071	9. Д.И. Менделеев – 306 520
4. А.С. Пушкин – 516 608	10. Иван IV Грозный – 270 570
5. Петр I – 448 857	11. Екатерина II – 152 306
6. В.И. Ленин – 424 283	12. Александр II – 134 622

ВСЕГО ГОЛОСОВ: 4 498 840

Следует отметить, что проект «Имя Россия» породил много скандалов и упреков в недостоверном подсчете голосов. Не удивительно, что вскоре в Интернете параллельно появилось несколько альтернативных проектов – в частности, «Анти имя России» («анти-лидеры»: Б.Н. Ельцин, М.С. Горбачев и А.А. Собчак)[6], шутивно-неформальный конкурс «Имена России» (лидеры – Ф.Б. Киркоров и др.)[7], а также проект «Позор России», в котором по итогам электронного голосования с большим отрывом лидирует В.В. Путин, а за ним идут Б.Н. Ельцин и М.С. Горбачев [8].

Нужно отметить, что сами по себе теле – и интернет-голосования зачастую не вполне адекватно отражают реальный расклад общественных симпатий и антипатий. Весьма характерно, что Фонд общественное мнение делает следующий вывод по данным своего опроса, проведенно-

го в июле 2008 г.: «Первая тройка самых значимых исторических персонажей остается неизменной у всех поколений – это Петр I, Сталин и Ленин»[9]. Исследователи сравнили отношение к историческим деятелям представителей разных «поколений», среди которых выделены:

Сталинское поколение и самые пожилые – до 1936 г. рождения.

Хрущевское поколение – 1936–1943 гг. рождения.

Гагаринское поколение – 1944–1951 гг. рождения.

Брежневское поколение – 1952–1959 гг. рождения.

Суловское поколение – 1960–1967 гг. рождения.

Горбачевское поколение – 1968–1974 гг. рождения.

Ельцинское поколение – 1975–1982 гг. рождения.

Путинское поколение – 1983–1990 гг. рождения.

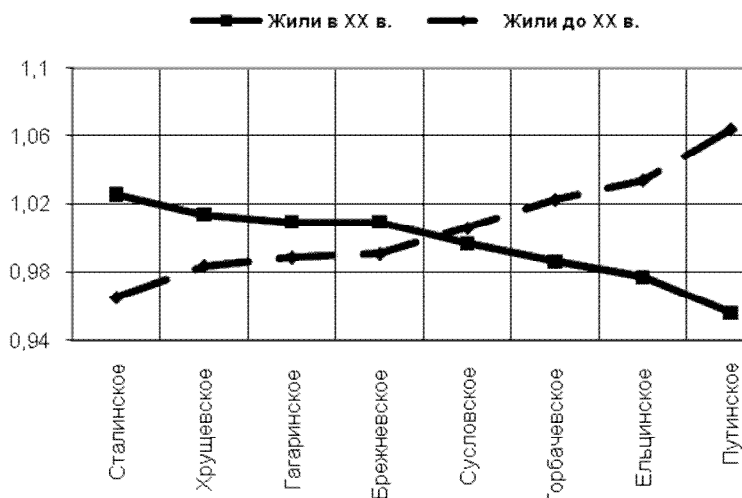

Рисунок 1. Средние рейтинги исторических деятелей, живших в разное время

По версии данного исследования, между «брежневским» и «суловским» поколениями происходит перелом: люди начинают все больше идеализировать представителей не советской, а досоветской эпохи. Возникает вопрос: неужели за Александра Невского на проекте «Имя Россия» проголосовало все «медведевское» поколение?

В «конкурсах имен» нет, как в серьезных социологических исследованиях, корректной «выборки», нет полной возможности исключить «накрутку рейтингов» теми или иными заинтересованными группами.

Данное замечание может относиться и к самим организаторам подобных конкурсов, пытающимся избежать «недопустимых» (с их точки зрения) результатов. Тем не менее, проведение подобных конкурсов дает немало интересных материалов для тех, кто исследуют эволюцию общественных настроений и влияние лидеров на имидж своего государства. В конечном итоге, в мифологизированном образе политического лидера, ставшего победителем, во многом находят отражение черты желаемого имиджа государства.

Литература

1. 100 Greatest Britons [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/100_Greatest_Britons.
2. А герои-то кто? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://top50.nameofrussia.ru/doc.html?id=2943>
3. Великие Украинцы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://greatukrainians.com.ua/ru>.
4. Имя Россия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nameofrussia.ru>.
5. Карацуба И. Митрополитика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.grani.ru/Society/Religion/m.131220.html>
6. Анти имя Россия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.antinameofrussia.ru/>
7. Имена России – исторический выбор 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nameofrussia.ru/rating.html>.
8. Позор России – всеобщее голосование [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.badnameofrussia.ru>.
9. Галицкий Е., Рапопорт А. История России в лицах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bd.fom.ru/report/map/istd2>.

Ren Jianhua, Zhang Guoqing, Ding Hui The Role of Mao Zedong's «Military Power» Strategy in Boosting China's Image

Military strategy is the overall and long-term plan or execution of the contest between very large groups of armed adversaries. It is a principal tool to secure national interests and regional peace and security. The well development of military strength can provide sound assurance for a harmonious development of society and economy.

After the establishment of New China, a thousand things waited to be done and full-scale construction was under way. What's worse, the new country was imposed a blockade by some hostile countries, and the international climate was extremely bad. After coping with the four foreign wars, Chairman Mao's «military power» strategy has not only built up China's

image, but established a real independent socialistic state on the ruins, which made the Chinese Nation stand towering in world nation community.

In conclusion, under the historical condition at that time, the validity and feasibility of «military power» strategy has been examined, and its important role in building up the national and regional image has also been presented. War to Resist US Aggression and Aid Korea militarily declared the establishment of new China; the Sino-Indian boundary war militarily guaranteed the safety of land border areas; the Xisha Island war in self-defense militarily ensured the safety of sea boundary; Zhenbao Island war of counterattack in self-defense militarily established independent plans of the national reconstruction.

The War to Resist US Aggression and Aid Korea militarily declared the establishment of new China

The War to Resist US Aggression and Aid Korea happened in the early 1950's. The war was launched to aid Korea, keep china's safety and oppose U.S. imperialism by Chinese People's Liberation Army.

On Jun 25, 1950, the Korean War broke out. In order to keep its role in Asia, American government put forward a proposal and the UN Security Council passed it without the Soviet Union. The proposal required its members to provide Korea «necessary military assistance». Meanwhile, the 3 rd morning after the war, President Truman declared the armed intervention against Korea. Meanwhile, Truman declared neutralization of Taiwan and sent the 7 th Fleet to the Taiwan Straits to prevent the PLA from liberating Taiwan. The U.S. navy undermined the normal navigation of Chinese commercial vessels on the high seas and attacked Chinese fishing boats.

The Chinese Government and people resolutely opposed the U.S. armed intervention in Korea and armed aggression against China's Taiwan Province. Chairman Mao Zedong solemnly pointed out on 28 June 1950 that the affairs of each country in the world should be administered by the people of that particular country, and the affairs of Asia should be administered by the Asian people and not by the United States. He called upon the people all over the world to unite, be fully prepared and defeat the provocation by the U.S. imperialism. On 30 September 1950, Premier Zhou Enlai solemnly declared that the Chinese People could neither tolerate foreign aggression against China, nor would stand by idly when the people of their neighboring country are subjected to wanton aggression by the imperialists. And he warned the United States that if U.S. troops crossed the 38th parallel, we would not sit idly by, we would definitely intervene. But the U.S. had ignored China's warning and the U.S. troops landed in Inch on 15 September, crossed the 38th parallel on 7 October and pressed on towards the Sino-Korea border.

At a time when its security was under a most serious threat and after receiving Kim Il Sung's urgently had requested for aid, the Chinese Government made the momentous decision of sending Chinese People's Volunteers to fight in Korea in order to aid Korean people and to protect New China.

Led by Commander-in-chief Peng Dehuai, the Chinese People's Volunteers crossed the Yalu River on 19 October 1950 and this marked the beginning of the Chinese people's efforts to aid Korea and resist U.S. aggression. After entering Korea, the Chinese People's Volunteers worked alongside the Korean People's Army, quickly drove the U.S. troops from the Sino-Korean border back to the south of the 38th parallel. After 5 campaigns, the two opposing sides found themselves locked in a stalemate roughly along the 38th parallel. The U.S. Administration saw no hope in unifying Korea by armed force and proposed talks on a cease-fire. The Korean Armistice talks formally got underway on 10 July 1951. The U.S. could not come to terms with the prospect of the Korean War becoming the first war in U.S. history it failed to win.

The War to Resist US Aggression and Aid Korea was a large scale hot war in Asia. After three years we have won a great victory in the war to resist U.S. aggression and aid Korea. It has now come to a halt. It can be said that on the one hand, Korean War has drawn China into a war which was unwilling to do. What's worse, objectively Chinese economy recovery and development has seriously influenced, and to a certain extent it has affected Chinese unification. On the other hand, it has crushed the international anti-Chinese influence to North Korean and China's scheme.

Korean War happened in 20th century which was the Chinese people aid North Korea against the U.S. aggression to defend the independence and security of China and North Korea and oppose the U.S. imperialistic policies of aggression. The war had broken the myth of invincibility which had greatly encouraged the people of the world, defended the peace against the aggression, provided confidence in the international situation and left a profound impact to China to establish a more modern air, naval and land forces and other arms of the IDF, and had made the experience of combat against the United States. Also it had risen the political consciousness of people across the country, inspired the revolutionary spirit, which greatly aroused the entire people's spirit of patriotism and internationalism. The War has greatly increased China's international status, the United Kingdom Martin White, a famous writer once said: Throughout human history, a country only defeat on the battlefield than the other big powers in order to prove its own strength, will be in other countries recognized as a great power. War in China with inferior weapons to defeat the United States, the world's most powerful and the most modern weapons and equipment of the number one

power, forcing a truce in the peace agreement was signed, which fully demonstrates the Chinese people cannot overcome the tremendous strength. Won the oppressed nations and the world peace-loving people of all countries of the praise, but also greatly enhanced the new China in the international arena. To lay a new world power China, as its rightful place, opened a new chapter in Chinese history.

The Sino-Indian boundary conflict militarily guaranteed the safety of land border areas

The Sino-Indian Border Conflict was a war between China and India. Fighting began in June, 1962, between the People's Liberation Army of China and the Armed Forces of India. The offensive coincided closely with the Cuban Missile Crisis, which began in 1960 and had reached its peak during 1962. The first heavy engagement of the war was a Chinese attack on an Indian patrol north of the McMahon Line. The conflict eventually widened to include the region of Aksai Chin which the PRC regarded as a part of China. It is considered as a strategic link, via the China National Highway route G219, between the Chinese-administered territories of Tibet and Xinjiang. The war has ended when the Chinese captured the disputed area and unilaterally declared a ceasefire on 20 November 1962, which went into effect at midnight.

The Sino-Indian War is notable for the harsh conditions under which much of the fighting took place, entailing large-scale combat at altitudes of over 4,250 metres (14,000 feet). This presented enormous logistical problems for both sides. The Sino-Indian War was also noted for the non-deployment of navy or air force by either the Chinese and Indian sides. Even though the border disputes continued, both countries renewed efforts to improve relations. Since 1981, many rounds of border negotiations have been held at high political levels on border disputes.

Counterattack in Self-Defence in Xisha Islands militarily ensured the safety of sea boundary

Xisha Islands, located in the southeast of China's Hainan Island about 330 kilometers of sea area, Xuande, LO Islands and the other two islands, reefs formed. It Tungsha and Nansha, China and Saudi Arabia with the island group of four islands, one of China's territory since ancient times. a total area of about 10 square kilometers, May 26, 1956, the South Vietnamese government on the Chinese territory, claims of the Xisha Islands, has sovereignty over the Nansha Islands and the occupation troops of the Xisha Islands LO islands. On August 21, 1958, the South Vietnamese Island Ganquan send more troops and send troops invaded North Island routes. To the end of August 1973, the South Vietnamese army had invaded China's Nansha and Xisha Islands of six islands. On January 11, 1974, the Chinese For-

eign Ministry issued a statement, reiterated Nansha, Xisha China and Saudi Arabia Dongsha Islands is part of the Chinese territory, the People's Republic of China has sovereignty over these islands. South Hainan authorities have ignored the Chinese government's warning ignored, in the 15 to 18 January were flagrantly navigation Lee Chang-jie, heavy Chen, and Chen-yu, frigates Nutao LO have penetrated the Xisha Islands waters to engage in the production of the South China Sea fishing companies the fishing vessel No. 402, No. 407 frenzied provocation, to fly the flag of the People's Republic of China with the island Ganquan fired, killing and injuring Chinese fishermen and militia people, flagrant removed our flag, successively occupied the Treasure Island, Ganquan Island.

According to the CMC's orders, a decision by the Guangzhou Military Region, the South China Sea Fleet base in Guangzhou minesweepers 10 Battalion of the 396, 389, 396 ship formation, Yulin base submarine chasers 73 Battalion of the 271, 274 of 271 boats sailed in on the 17 th to the 18 th Progressive to the Xisha Islands patrol near LO, early experience also hidden in the south where Fleet, including a destroyer, two frigates and a patrol ship. Chinese naval fleets in the South Vietnamese were four warships shelling of a sudden, rose WIS. The tonnage of small, small caliber guns with a range of close to the situation, taking nearly combat method, to 271, 396-2 fleet warships close to the south, each looking for the latest targets, and firmly bite enemy link, play to the small caliber artillery advantage of the faster speed, straightened South Vietnamese warships, a rapid suppression of the South Vietnamese warships firepower, changed the unfavorable situation.

The fighting lasted only 13 minutes or so defeated South Vietnamese Navy, was reinforced two submarine chasers catch up with the sinking of the south Nutao. Artifacts from the authorities not willing to admit failure, two destroyers deployed to Danang, sent six warships from Danang to the Xisha direction mobility, trying to launch a new aggression. Faced with China's large number of reinforcements, and finally dare to act rashly, in this war Xisha self-defense and counterattack, PLA troops have 18 Warriors sacrificed their young lives, sinking a frigate south, three injured appeasement with the enemy hundreds of people, while the enemy 49. For the South Vietnamese army to a heavy blow, and defended the South China Sea coast, a maritime self-defense combat experience.

Counterattack in self-defense in Zhenbao Island militarily established independent plans of national reconstruction

The Sino-Soviet dispute of the late 1950 s was the most important development in Chinese foreign relations. The Soviet Union had been China's principal benefactor and ally, but relations between the two were cooling.

The Soviet agreement in late 1957 to help China produce its own nuclear weapons and missiles was terminated by mid-1959. From that point until the mid-1960 s, the Soviets recalled all of their technicians and advisers from China and reduced or canceled economic and technical aid to China. The discord was occasioned by several factors. The two countries differed in their interpretation of the nature of «peaceful coexistence.» The Chinese took a more militant and unyielding position on the issue of anti-imperialist struggle, but the Soviets were unwilling, for example, to give their support on the Taiwan question. In addition, the two communist powers disagreed on doctrinal matters. The Chinese accused the Soviets of «revisionism»; the latter countered with charges of «dogmatism.» Rivalry within the international communist movement also exacerbated Sino-Soviet relations. An additional complication was the history of suspicion each side had toward the other, especially the Chinese, who had lost a substantial part of territory to tsarist Russia in the mid-nineteenth century. Whatever the causes of the dispute, the Soviet suspension of aid was a blow to the Chinese scheme for developing industrial and high-level (including nuclear) technology. Soviet and Chinese troops clash on the border at Zhenbao Island and Mao calls for peace. Zhenbao Island fighting is very shocked by the Soviet Union.

Judging from the four wars, we know Mao Zedong's national military strategy. The core of the strategy is «If people do not attack me, I do not fight him; if we are attacked, I will strike back.» That is to say, our country deals with international affairs in a peaceful way, but will give a forceful response to any country in any way to infringe the national sovereignty and territorial integrity. Under Mao Zedong's national military strategy, the new china which was born in danger is step-by-step growing to be the east giant standing towering in world nation community, which is concerned by the world, and has great influence to the world.

The new China is established in the military in Korean War. And since then, it defend the country's peripheral security; the new china is established the boundaries of national security in the military in Sino-Indian war, announced to the whole world that China is not the China before liberation, and do not allow any infringement; the new china is established the maritime boundaries security in the military in China-Vietnam war, that is announced to the whole world that every inch of land and territorial waters are sacred and inviolable; the new china is established the Independent Nation-building program in the military in Zhenbao Island war. from now on, China embarked on the road to full independence. Powerful countries and regions image is established under the Mao Zedong's national military strategy.

Литература

1. Godwin P.H.B. Development of the Chinese Armed Forces. – Alabama, 1988.
2. Sheng Lijun. China's View of the War Threat and its Foreign Policy // East Asia. 1992. Vol. 11. Nr. 3.
3. Yang Kuisong. The Sino-Soviet Border Clash of 1969: From Zhenbao Island to Sino-American Rapprochement // Cold War History. 2000. Vol. 1. Issue 1.
4. Fravel M.T. Regime Insecurity and International Cooperation: Explaining China's Compromises in Territorial Disputes // International Security. 2005. Vol.30, Nr. 2.
5. Goldstein L.J. Return to Zhenbao Island: Who Started Shooting and Why it Matters. Cambridge University Press // The China Quarterly. 2001. Vol.168.

Секция 2. ИМИДЖ РОССИИ (РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, СССР) И ВЛИЯНИЕ НА НЕГО ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ

Е.А. Горбелева

Эволюция восприятия образа В.В. Путина в Белоруссии в период с 2000 по 2008 гг.

Во внешнеполитической стратегии России Республика Беларусь занимает особое место. Сотрудничество в экономической, военной и культурной областях, а также разработка проектов в интеграционной сфере обуславливают взаимные интересы стран. Политические лидеры России и Белоруссии существенно влияют не только на характер отношений, складывающийся между странами, но и участвуют в формировании целостного образа государства и его народа на территории другой страны. Кроме того, отношение к В. Путину белорусских граждан отражает и отношение к политике представляемой им на международной арене страны. В виду вышесказанного нам представляется необходимым проследить трансформацию образа В.В. Путина в белорусском обществе в период его нахождения на президентском посту РФ (2000–2008 гг.).

Владимир Владимирович Путин – ключевая фигура не только в современной российской политике, но и на международной арене, которая все чаще приковывает к себе внимание со стороны СМИ. Образ Путина в Белоруссии достаточно многогранен и включает в себя порой противоположные ипостаси: начиная от царя-самодержца и заканчивая большевиком Лениным. Стоит отметить, что образ не находится в процессе стагнации и в ходе различных политических событий подвергается значительным изменениям.

В самом начале президентства Владимира Путина белорусское общество в своем большинстве восприняло его положительно, о чем свидетельствуют данные социологических опросов. Так, например, в период с августа 2001 по сентябрь 2003 гг. рейтинг В. Путина значительно опережал рейтинг А. Лукашенко [1]. Эта ситуация вполне объяснима новизной фигуры Путина в политической среде на тот момент, тогда как белорусский президент находился у власти уже около семи лет и его взгляды были достаточно хорошо известны обществу. Кроме того, вероятно, белорусов привлек и вектор путинской политики, который был обозначен еще в самом начале прихода к власти: ориентация России на укрепление и развитие связей со странами постсоветского пространства. Надежды на ускорение интеграционных процессов с РФ

и объединение в Союзное государство белорусы возлагали на нового российского лидера.

Переломным моментом в формировании образа В. Путина на белорусском пространстве можно считать 2004 г., когда в российско-белорусских отношениях разразился первый серьезный кризис. Информационная война, явившаяся следствием «газовой войны» и начатая белорусским СМИ против российского руководства, привела к стремительному росту рейтинга А. Лукашенко и резкому падению поддержки белорусами его российского «конкурента». С тех пор и до настоящего времени рейтинг А. Лукашенко всегда существенно выше. Таким образом, популярность лидера России с прежних 45,2% упала до 24,3% (с августа 2003 по ноябрь 2004 гг. соответственно)[1].

Предвыборная кампания, развернувшаяся в России в 2004 г., также вызвала заметное оживление в белорусских кругах. Белорусские газеты, в том числе и представляющие официальную позицию Минска (например, газета совета министров Республики Беларусь – «Рэспубліка»), обрушились с критикой на кандидата в президенты на второй срок. Президентскую кампанию в России не только успели окрестить «выборами без выбора», фактически называя процедуру голосования искусственной [2], но и затронули отношения Путина с высшими кругами и должностными лицами: «Но А. Лукашенко, увы, не Б. Ельцин и даже не В. Путин. Не дает разгуляться «деловой и неделовой элите», ухватить свободно кусок пожирнее от общенародного пирога, <...> быть защитником и опорой беднейших слоев населения всегда гораздо сложнее, чем выражать волю «олигархов»[3].

Несмотря на то, что снижение популярности В. Путина произошло после его максимального пика, отмеченного в ноябре 2004 г. (как нами уже было сказано выше), резкое падение популярности В. Путина в Белоруссии приходится на сентябрь-декабрь 2005 г. Очевидно, снижение рейтингов было связано с кризисом, произошедшим осенью 2005 г., когда был сорван очередной шаг Союзных государств на пути к интеграции, а именно – не был представлен проект Конституционно-го акта Союзного государства.

Следует заметить, что жесткая критика политического курса и самого В. Путина присуща большинству газет Белоруссии. Конечно, такое неприглядное представление Путина снижает его рейтинг в Белоруссии и в глазах белорусов не делает его привлекательным политиком. Опрос, проведенный среди жителей Беларуси, показал, что выбрать Путина в качестве возможного президента Беларуси и России готовы лишь 22,5%, в то время, как в пользу А. Лукашенко высказы-

ваются 43,5% белорусов. Хотя, как ни странно, в том же августе 2006 г., 47,7% населения назвали его идеальным политиком [1]. Интересен также и тот факт, что положительно о В.В. Путине высказались 74,1% респондентов, в то время как о Лукашенко хорошо отозвались лишь 62,6%. Экс-президент США вызывает благоприятные эмоции у 27,3% граждан Белоруссии [4]. Такие прямо противоположные данные опросов социологи объясняют исходя из постановки самих вопросов. Если в первом случае вопрос предполагает выбор, то два последующих носят оценочный характер.

В последнее время в СМИ Белоруссии, вслед за Западом, В. Путин все чаще наделяется эпитетом «царь», сравниваясь с Иваном Грозным. «Беларусь сегодня», подразумевая возможность возвращения Путина на третий срок, приводит характерный исторический пример с Иваном IV и Симеоном Бекбулатовичем – татарским ханом, которого Иван Грозный посадил на престол во время опричнины (сроком на один год), отбивая ему поклоны и повелевая считать царем [5].

Таким образом, нам удалось установить, что формирование негативного образа российского премьера идет на медиаполе белорусских газет, затрагивающих внешнеполитические аспекты. Однако, каждая сторона придерживается своих интересов. В результате такой целенаправленной травли российского премьер-министра изменяется и образ России в «братской» стране.

Резюмируя данную статью, выделим несколько причин ухудшения образа В. Путина в Белоруссии:

Пожалуй, самой главной причиной здесь следует назвать изменение ориентационного вектора Кремля. Стремление российского руководства к расширению своего политического влияния и экономической выгоде, а также амбиции политиков способствуют усилению давления на «менее могущественные» страны. Причем рычаги в таких случаях могут быть совершенно разными: начиная от «экономической блокады», взятия под покровительство, и заканчивая фактическим поглощением страны. Беларусь в этом отношении выбрана отнюдь не случайно: страна с советским прошлым, едиными историческими и культурными корнями, она идеально подходит для вхождения в состав России, т.к. это будет достаточно легко обыграть под прикрытием строительства Союзного государства. И в свете такого положения дел является вполне закономерным уход Лукашенко «на Запад».

Одной из важнейших причин, оказывающих негативное воздействие на трансформацию образа Путина в Республике, является ухудшение отношений между двумя странами, выражающееся в регулярно повторяющихся кризисах. Дело в том, что обострения отношений Рос-

сии и Белоруссии в энергетической или политической сферах вызывают снижение доверия к государству.

Кроме того, большую роль в ухудшении как образов страны и президента, так и самих отношений на межгосударственном уровне играют СМИ, способные создавать на своем информационном поле образы, далекие от реальности, или придавать событиям не совсем реальный оттенок, преувеличивая или преуменьшая их. Актуализирование официальными и неофициальными белорусскими СМИ ряда «страхов», связанных с Россией и интеграционными процессами с ней оказывает существенное влияние на формирование образа страны и президента России в белорусском обществе. Среди подобных «страшилок» можно назвать следующие:

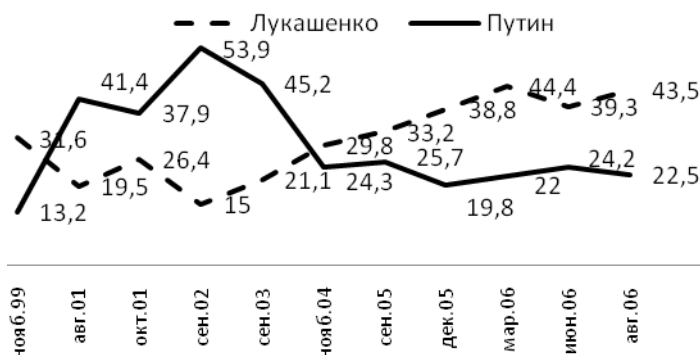
- белорусским призывникам придется служить в Чечне;
- наиболее привлекательные предприятия Беларуси захватят предприимчивые «олигархи»;
- на Беларусь распространится большая криминальность российского общества, беспорядок и нестабильность и т.д. [6].

Белорусская оппозиция также накладывает свой отпечаток на взаимоотношения стран, подвергая их действия критике. Белорусская оппозиция еще в 2003 г. обозначила свое отношение к В. Путину, приурочив тогда акцию протеста к его приезду. Сторонники националистического крыла белорусской оппозиции растоптали российский флаг и уничтожили несколько российских денежных купюр мелкого достоинства.

Стоит отметить, что на протяжении уже нескольких лет белорусская оппозиция обвиняет Путина в стремлении раздробить Беларусь, и видит в его действиях угрозу для суверенитета страны. Сама оппозиция, тем не менее, выступает скорее не против Путина, а против объединения как такового, призывая к сохранению независимости и процветанию Республики.

В свете последних событий, обостривших и без того натянутые отношения между Россией и Белоруссией, вряд ли можно ожидать, что образ Путина приобретет ряд положительных качеств и сможет «реабилитировать» себя в глазах белорусских граждан. Таким образом, снижение интереса и доверия к российскому премьер-министру в Белоруссии в дальнейшем может повлечь за собой очередной удар по российско-белорусским отношениям и международному статусу самой России.

Диаграмма 1. Динамика ответов на вопрос «Если бы был учрежден пост президента Беларуси и России, за кого бы Вы проголосовали на выборах на эту должность?», в % (открытый вопрос)

Источник: [6].

Диаграмма 2. Взаимосвязь российско-белорусских отношений с отношениями А. Лукашенко и В. Путина в представлении белорусов, в %

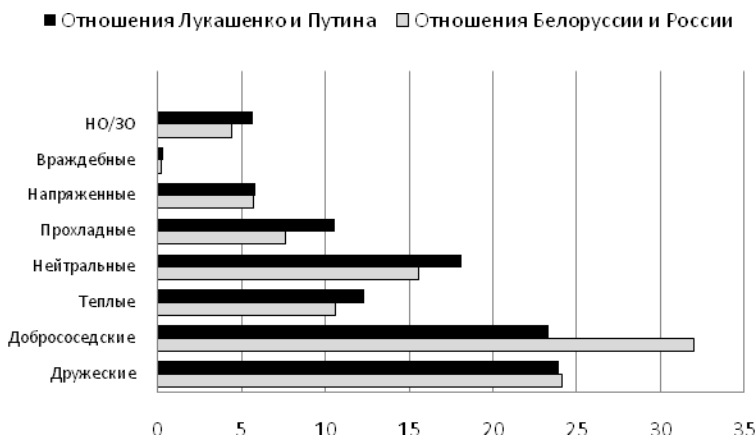
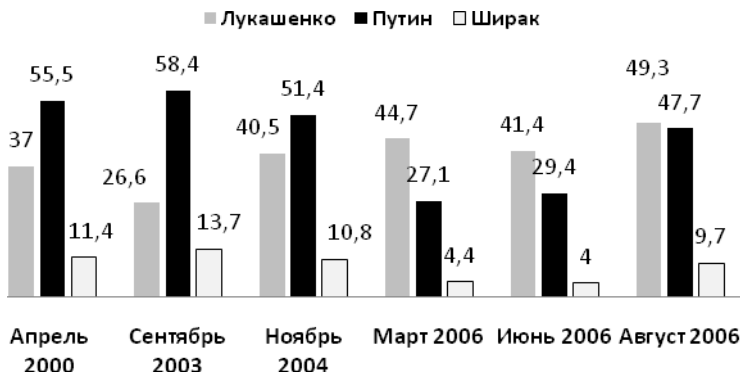

Диаграмма 3. Динамика ответов на вопрос «Кто из нижеперечисленных современных государственных деятелей высшего ранга соответствует Вашему идеалу политика?», в %

Источник: [1].

Литература

1. Россия и В. Путин / Независимый институт социально-экономических и политических исследований Белоруссии (НИСЭПИ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iisepts.org/8-06-10.html>.
2. Шелдышева Н. Две альтернативы безальтернативному Путину // Рэспубліка. 2004. 22 января.
3. Козлович А. Элитные изыскания, или почему оппозиция стабильно проигрывает на выборах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.respublika.info/3558/politics/article4519>.
4. Социологи узнали мнение белорусов о Буше, Лукашенко и Путине [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.tut.by/politics/71908.html>.
5. В плену обстоятельств [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sb.by/post/31587>.
6. Вите О. Новая российская интеграционная политика в белорусских СМИ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nlvp.ru/print/38.html>.
7. А. Лукашенко vs. В. Путин: кто кого? / НИСЭПИ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iisepts.org/6-06-11.html>.

Г.П. Григорян

Россия и мир: взаимное познание

Россия становится не новым, но по-новому вступающим в борьбу игроком, который еще должен завоевать себе надлежащий имидж и постоянное место в основном составе.

Сегодня очень актуальна поговорка о встрече по одежке и провожании по уму. В этой мудрости сконцентрирована нынешняя характерная черта поведения многих, если не всех, стран, государственных и политических лидеров. Имидж и рейтинг – вот самые распространенные и немаловажные политические инструменты. Они налаживают путь, по которому, так или иначе, продвигается лидер, политическая организация, страна и т.д. Но не всегда имидж является обязательной предпосылкой, по которому можно будет определить возможное поведение объекта в определенных случаях.

Официальный имидж России

С избранием Медведева в президенты РФ началось создание для России правового имиджа: президент высказывается с правовой точки зрения, всегда подчеркивалось его юридическое образование, в провозглашенных принципах внешней политики Медведева превалируют правовые элементы (Россия признает первенство основополагающих принципов международного права; мир должен быть многополярным; Россия не хочет конфронтации ни с кем, не хочет изоляции; безусловный приоритет – защита жизни и достоинства граждан, где бы они ни находились; есть дружественные регионы, которые являются первичными для интересов России), в связи с решениями конфликтных ситуаций Москва публично основывается на правовой почве.

Это является еще одним притягательным обстоятельством для обществ и политических элит тех признанных и пока не признанных стран, которые добываются признания своих прав. С другой стороны, это запугивает всех других, у которых есть проблемы с добивающимися независимости регионами.

Другой чертой России является сильный и имеющий довольно высокий рейтинг в обществе лидирующий тандем президента и премьера. У этих деятелей достаточно высокие рейтинги и имидж сильных правителей и лидеров. Соответственно, Россия воспринимается как сильная и большая страна, с лидерами, которые могут самостоятельно принять геополитические и стратегические решения и действовать соответственно. Наглядным примером этому является август 2008 г. и последующие события на этом «фронте». С другой стороны, нельзя сказать то же самое об администрации и государственном аппарате Российской Федерации, что является ее не самой сильной стороной. Но

эта проблема – не сугубо российское явление, а постсоциалистическое, постсоветское, для решения которого необходимо появление нового поколения в политике и административном деле. Новое поколение может породить новых сильных лидеров не только в центре и только для центра, а также и в регионах. Конечно, сегодняшняя политика Кремля способствует выявлению таких лиц, которые могут стать возможными претендентами на соответствующие посты.

Параллельно с появлением нового поколения для укрепления статуса России необходима диверсификация экономики, создание новых перерабатывающих единиц в нефтяной отрасли, усиление регионов и другие реформы, которые будут способствовать равномерному и стабильному развитию России, несмотря на капризы того или другого рынка.

Антироссиянизм

Антироссиянизм стал в некотором роде пассивным имиджем России, для достижения которого не обязательна активность Москвы. Это явление таит в себе два элемента. Первый из них проявляется в построении внешнеполитических ориентации, стратегий некоторых стран не на «про...» принципе, а на именно антироссийской базе. Примерами этому могут служить Грузия, Украина, время от времени некоторые партнеры из среднеазиатских стран, иногда – Беларусь, в общем числе и постсоциалистические страны, которые поменяли социально-политическую оболочку. Для этих стран экзаменом по приверженности к «западным» ценностям и по лояльности к некоторым геополитическим центрам считается антироссиянизм – антироссийское поведение и соответствующая политика, или кратковременные сигналы с соответствующей окраской. Это лишь показатель пока что не совсем состоявшейся политической ориентации, самостоятельности и самоувержденности, а антироссиянизм является методом и полем самореализации и проявления самооценки.

Второй составляющей антироссиянизма является опосредованное поведение, то есть когда одно государство строит свою политику в отношении другого через призму его восприятия и отношений к третьему государству, здесь – России. Автору довелось при общении с некоторыми чиновниками Грузии задавать им вопрос: «В чем разница между армянами и грузинами?», на что однажды был получен удивительный и, одновременно, глубокий ответ: «Россия любит армян больше, чем грузин». Руководитель отдела Международных отношений Стамбульского университета Исик Бюлент Арас говорил, что в политических кругах Турции считают, что трудности Армении с Грузией являются результатом близких отношений Еревана с Москвой. Не раз чувствовалась эмоциональность некоторых западных коллег по

отношению к Армении из-за «российского фактора». Восприятие лидера Белоруссии на Западе стало значительно менее негативным после того, как он предпринял некоторые антироссийские или «не совсем пророссийские» шаги.

Таким образом, Россия в мире иногда воспринимается базисом сравнения и оценки. Стороны в своих оценках и построениях отношений с третьими странами исходят из отношений этой страны с Россией. Это не хорошо и не плохо, а просто это реальность, которая еще раз подчеркивает факторность России.

Москве необходимо...

Один итальянец – участник международного конкурса по танцам, который проходил недавно в России, говорил, что он привез с собой много одежды, поскольку они не знали, зима в России, или лето. Самая большая страна в мире, и о ней так мало знают? Конечно, здесь свою роль играет также и потенциал информированности данного человека вообще, но это очень наглядно говорит о существующих пробелах.

Все доступные по всему миру средства массовой информации освещают российские события недостаточно. К сожалению, не вся преподносящаяся информация констатирует реальность и ее позитивные стороны. Очень трудно найти человека, который не был бы информирован о США, Европе или некоторых ее отдельных странах в достаточной степени, или не имел бы возможности найти нужную информацию, которая, кстати, почти всегда освещает свой объект в позитивном свете. Всегда ли эта информация соответствует реальности или нет – вопрос второстепенный, потому что эта информация служит формированию позитивного имиджа и узнаваемости своих стран, своих брендов.

Помимо всего прочего, Москве необходимо задуматься об «информационном империализме». Во все шире и глубже глобализирующемся мире информационная доступность и узнаваемость является могучим инструментом.

Так или иначе, Россия – один из главных игроков в мире, у нее еще многое впереди: с развитием политико-административного сектора, усилением экономики, подъемом социально-экономических показателей в регионах и появлением новых сильных лидеров на местах государство усилится и повысит свое влияние в мире.

М.С. Золотарев

Эволюция личностного восприятия Л.И. Брежнева в США в период с 1964 по 1982 гг.

Традиционно лидер государства, как проводник национальной политики, играет важную роль в процессе формирования образа страны за ру-

бежом. Имеет большое значение личностное восприятие лидера государства, а также политика, которую он осуществляет в процессе своей деятельности. В данной статье мы постараемся выделить основные тенденции восприятия Л.И. Брежнева в Соединенных Штатах Америки, определить факторы, оказавшие влияние на их формирование, а также дать оценку тому, в какой мере образ главы советского государства соотносился с образом самого государства.

В США с большим интересом отнеслись к личности Л.И. Брежнева, и это легко поддается объяснению, так как устойчивые антипатии к персоне лидера советского государства, сформировавшиеся на протяжении правления Н.С. Хрущева, сделали свое дело. Интерес к новому лидеру, причем «сместившему» старого нелюбимого харизматичного лидера, был предопределен изначально. Первоначально банальный интерес к фигуре нового лидера Советского Союза сопровождался устойчивыми ремарками, что Л.И. Брежнев – это новый «аппаратчик», намеренный продолжить враждебный по отношению к США курс, целью которого является эскалация международной напряженности [1].

Но были на раннем этапе деятельности Л.И. Брежнева в качестве генерального секретаря ЦК КПСС публикации, посвященные личностным качествам Л.И. Брежнева, в которых он характеризовался как сильная личность, человек, который сумел из рабочей семьи пробиться в лидеры огромного государства. Как писала газета «Washington Post», в Советском Союзе господствует «культ личности», и первое лицо в государстве не выбирают и не назначают. Лидер в Советском Союзе «делает себя сам». По отношению к Брежневу применялось популярное на Западе понятие «self made man» – человек, сделавший себя сам [2].

Учитывая особенности американского менталитета, данная характеристика открывала большие перспективы для дальнейшего роста популярности Л.И. Брежнева в США. Но на деле, как покажет дальнейшая деятельность Л.И. Брежнева на посту руководителя Советского Союза, он был не таким уж «характерным» персонажем, как его хотели поначалу представлять на Западе. Как писал о нем бывший его секретарь-референт А.Е. Бовин, «в отличие от Сталина или Хрущева Брежнев не обладал яркими личностными характеристиками. Его трудно было назвать крупным политическим деятелем. Он был человеком системы, по сути, ее слугой. Если же иметь в виду человеческие качества, то, по моим наблюдениям, Брежнев был, в общем-то, не плохим человеком, общительным, устойчивым в своих привязанностях, радужным хлебосольным хозяином... так было примерно до первой половины 70-х годов. А дальше – дальше Брежнев стал разрушаться, разваливаться, как личность и как политик» [3, с.9].

Безусловно, это субъективное мнение человека, который на протяжении долгого времени имел возможность довольно тесно общаться с Л.И. Брежневым. Но для нас оно интересно с той точки зрения, что он, опираясь на личный опыт, выделяет пограничный период между Брежневым как человеком «не плохим» и человеком, подвергшимся, по его словам, некоему «распаду», и этот период он называет «первая половина 70-х годов».

Во второй половине 1960-х – начале 1970-х годов с Л.И. Брежневым регулярно начали встречаться три западных политика: канцлер ФРГ Вилли Брандт, помощник президента США, а вскоре и госсекретарь США Генри Киссинджер, и сам американский президент Ричард Никсон. Двухсторонние встречи с двумя последними политиками для нас представляют особый интерес, так как данные встречи, на наш взгляд, оказали решающее воздействие на формирование образа Л.И. Брежнева в глазах широкой американской общественности.

Первая встреча Л.И. Брежнева с Г. Киссинджером оказалась весьма продолжительной и проходила в условиях секретности. Помощник президента США прибыл в Москву после своих и Р. Никсона поездок в Китай, поездок, весьма обеспокоивших советское руководство. Задачей Г. Киссинджера было проведение конфиденциальных переговоров о возможном визите президента США в СССР [4, с.312].

После пребывания в Советском Союзе Г. Киссинджер составил для Никсона и узкого круга американских лидеров подробную записку о личности Брежнева. Эта записка, конечно, не была опубликована в СМИ. Но после того, как Р. Никсон проиграл выборы Дж. Картеру, Г. Киссинджер издал два тома собственных мемуаров, в которых подробно описал то, как он воспринял Л.И. Брежнева. «Наследник Ленина, Сталина и Хрущева с энтузиазмом приветствовал меня. Явно разрываясь между советом вести себя сдержанно и собственной склонностью к общению, он чередовал энергичное похлопывание меня по плечу со строгим выражением лица.... Но Брежнев, как настоящий политик, обладал физическим магнетизмом. Его настроение часто менялось, и он не скрывал своих эмоций. Его руки были постоянно в движении. Он крутил часы, сбивал пепел с постоянно дымящей сигареты, бряцал своим портсигаром по пепельнице. Он не мог держаться спокойно. Пока его замечание переводилось, он неустанно вставал из своего кресла, ходил по комнате, громко объяснялся с коллегами и даже без объяснения покидал комнату, потом возвращался» [5, р.1147–1149].

В конце долгого рассказа и перечисления мелких деталей поведения Л.И. Брежнева Г. Киссинджер приходит к следующему выводу: «Брежнев был не только генсек, но и подлинный русский. Он был сме-

стью грубости и теплоты одновременно, неотесанный и обаятельный, хитрый и обезоруживающий... искренний человек...» [5, р.1164].

Ричард Никсон в своих воспоминаниях относительно двух сторонних встреч с Брежневым сдержаннее Киссинджера в оценках лидера Советского Союза. Он так вспоминает встречи: «Я провел с Брежневым 42 часа в 1972 и 35 часов в 1973-м. Как ни поверхностны были контакты подобного рода, они дают возможность для важных замечаний... У Брежнева весьма терпимые человеческие качества, но нередко его ужимки делали его центром всеобщего внимания, хотя протокол не требовал этого... Брежнев всегда преднамерен в своих действиях, хотя иногда может быть резким» [6, р.432].

Что касается политики, которая осуществлялась Л.И. Брежневым в отношениях с США, на первом этапе условно положительного восприятия лидера СССР, то она укладывалась в формат разрядки международной напряженности. Но после ряда неудачных дипломатических акций к середине 70-х годов очевидным стало то, что от былой «разрядки» постепенно отходят политики США и СССР, следовательно, появились новые грани взаимовосприятия, что теперь уже соответствовало новому периоду эволюции восприятия Л.И. Брежнева в США. И хотя в период, когда еще не произошел окончательный отказ от «разрядки», Л.И. Брежнев неоднократно заявлял и вносил соответствующие предложения, демонстрирующие, что советская политика не имеет своей целью достижение военного превосходства над США, а предполагает взаимное равенство, это не освещалось в середине 70-х годов в американской печати.

Более этого, как замечал обозреватель журнала «Дейли Уорлд», руководитель компартии США Г. Холл в статье, опубликованной в 1979 г. под названием «Идеологическая война», американские органы массовой информации сотрудничают с государственным департаментом и ЦРУ, осуществляя тщательно разработанную информационную кампанию, направленную против Советского Союза. Одна из форм атаки на Советский Союз и его лидера заключается в постоянном замалчивании достижений Советской России [7, с.10].

Также следует обратить внимание еще на один фактор, оказавший серьезное влияние на эволюцию образа Л.И. Брежнева в США. Речь идет о борьбе внутри советского общества, которая происходила в условиях довольно-таки открытой печати внутри СССР, посредством которой западные СМИ получали возможность быть в курсе самых последних событий. Особое внимание в американской печати получила борьба между «режимом» и общественными силами, противившимися, как казалось тогда, консервативному повороту, борьба, которая происходила

вне официальных политических или культурных систем, которая позднее получила различные определения – движение диссидентов, движение инакомыслящих, движение за права человека и тому подобное. Эта борьба привлекала пристальное внимание американской общественности [4, с.221]. Движение диссидентов происходило, как правило, вне официальных рамок, оно принимало самые разные, подчас неожиданные формы и привлекало очень большое внимание как внутри Советского Союза, так и за границей, подробно освещаясь почти всеми средствами западной печати и пропаганды [4, с.239].

На основе многих публикаций можно было бы сделать вывод, что движение диссидентов в России было характерной чертой именно времени Л.И. Брежнева, и что началось это движение главным образом после 1964 г. Но это не так. В различных формах диссидентство как явление существовало на всех этапах развития советского общества и, вероятно, всякого общества вообще. Но во время Л.И. Брежнева это явление в СССР приобрело ряд особенностей, которые помогли диссидентству выйти далеко за рамки территории Советского Союза. Эти особенности позволяют говорить о диссидентстве как о феномене общественной активности советских граждан.

Во-первых, эта борьба стала гораздо более массовой и открытой, чем в предыдущие эпохи. Во-вторых, основной трибуной для выступления советских «несогласных» служила западная печать, которая с интересом принимала и печатала работы из Советского Союза. Общее содержание этих работ укладывается в понятие «критика Советского Союза», причем, не всегда сдержанная. Л.И. Брежнев в данном случае ассоциировался в глазах американского общественного мнения с фигурой, которая олицетворяет все «перегибы» советской действительности.

Что касается непосредственного отношения к личности советского лидера в период второй половины 70-х – начала 80-х годов, то оно укладывалось в рамки того внешнеполитического курса, который избрало в качестве приоритета американское руководство. Это нагнетание мифа о советской угрозе. А после начала Афганской войны вообще о существовании положительных тенденций говорить не приходится, так как в этот период произошла демонизация образа СССР в США.

Таким образом, рассмотрев основные тенденции восприятия Л.И. Брежнева в США и выделив основные факторы, оказавшие влияние на формирование этих тенденций, можно сделать вывод, что образ Л.И. Брежнева был подвержен эволюции на протяжении его пребывания на посту руководителя Советского Союза.

Итак, после крайне недоброжелательного отношения к личности Хрущева американская общественность с интересом отнеслась к лич-

ности нового лидера СССР, создав ему преувеличенно доброжелательный образ в первые годы его пребывания на посту генерального секретаря ЦК КПСС. Эта тенденция была поддержана взаимовыгодным курсом к разрядке международной напряженности. После того, как руководство США решительно отказалось от разрядки, началась активная деятельность по возрождению мифа о советской угрозе в рамках этого курса. Не могло не измениться и мнение широких слоев американской общественности относительно личности лидера «вражеского» государства. После начала Афганской войны рейтинг Л.И. Брежнева оказался в нижней точке за все время его пребывания на посту лидера Советского Союза. Причины этого понятны, так как война была представлена американскими СМИ как угроза стратегическим интересам США, а Л.И. Брежнев – как автор жесткой линии внешней политики СССР.

Литература

1. Roberts S. The New Lieder // The New York Times. 1966. November, 3.
2. Scaruffi P. The Peculiarities of Organization of Soviet Authority // Washington Post. 1968. January, 12.
3. Книжное обозрение. 1988. №26.
4. Медведев Р.А. Личность и эпоха: политический портрет Л.И. Брежнева. – М., 1991.
5. Kissinger H. White House Years. – Boston, Toronto. 1979.
6. Nixon R.M. The Memoirs of Richard Nixon. Vol. 2. –New York, 1979.
7. Замошкин Ю.А. Американцы о внешней политике США: выступления, статьи, документы. – М., 1982.

И.Г. Козловская, Е.А. Томилова, К.В. Фадеев Образ политического лидера (на примере В.В. Путина)

Важнейшим элементом политической жизни общества является политический лидер. Персонализируя систему власти и управления, он олицетворяет собой эту власть в глазах всего общества или группы граждан. Социально-психологические механизмы формирования и выдвижения политических лидеров – одна из точек стратегического риска в нашей стране, так как Россия относится к лидерскому типу обществ. Это значит, что у нас не развит социальный порядок, где функционируют договорные нормы, цели и связи, сознательно выработанные и всеми признанные. Традиций и обычаев тут недостаточно, ибо они устаревают и не содержат некоторых важных регуляторов. Поэтому недостаток социального порядка компенсируют лидерством.

Политическое лидерство в контексте президентства В.В. Путина вновь поднимает так и не решенный в научной литературе вопрос о роли личности в истории, о границах и возможностях влияния политических деятелей на исторический процесс. В.В. Путин является персонафицированным лидером, то есть создается миф о том, что если уйдет Путин, то вся Россия развалится. Так В.В. Путин представлял своего преемника Д.А. Медведева, говоря, что необходимо поддержать начатый курс развития страны.

В аналитической литературе, в СМИ дается предварительный анализ того, как и почему именно В.В. Путину удалось выдвинуться на лидирующие политические позиции. Изучается его жизненный путь, личные качества, характер, деловая и политическая карьера, своеобразие политического имиджа, контакты, отношения, связи с политической элитой, партиями и движениями федерального и регионального уровней [2–6].

Успех Путина как государственного деятеля, как политика и как человека удивил многих наблюдателей. Некоторых вовлеченных в политику или в бизнес людей этот успех напугал. По мнению политолога Автандила Цуладзе, Путин – это даже не политик, а «энергичный новичок из чиновников второго плана, выдвижение которого стало возможным только потому, что Б.Н. Ельцин и его режим исчерпали в своей кадровой политике весь запас политических «звезд». Цуладзе считает, что «главной причиной успеха этой новой генерации ельцинских выдвиженцев является их исполнительность, высокая работоспособность, мертвая хватка, отсутствие каких-либо идеологических установок, прагматизм и жесткость» [1, с.15]. Это вполне возможно, но чиновник первого плана, назначенный премьером, если у него нет больших внутренних ресурсов, соответствующих способностей, станет всего лишь чиновником второго плана. Как это и произошло с В.С. Черномырдиным, С.В. Кириенко или С.В. Степашиным, но не случилось с Путиным.

В нынешней модели российского политического лидерства был воплощен символический ритуал превращения (возрождения) по типу «отец – наследник». Именно на основании глубинного стереотипа В. Путин, будучи «самым верным ельцинистом» (что на рациональном уровне должно было бы ему вредить), аффективно воспринимался одновременно и как антипод Б. Ельцину, и как его «достойная смена», продолжатель и заместитель. Здесь все как в архаической политической среде: Ельцин и Путин сыграли мифические роли в ритуале «перехода», когда содержание и смысл легитимизации власти составляет ее символическое унижение.

Все восприняли акт передачи власти (еще до выборов) как естественное выражение усталости «патриарха». Еще вчера над беспомощным правителем открыто глумились СМИ (и народ разделял их отношение), а сегодня общественное мнение сочло назначение преемника вполне легитимным актом. Перед нами развернулась картина средневекового ритуала передачи инсигний власти (введение в сакральное пространство кабинета, вручение особой ручки – символа и снабжении «волшебным» напутственным словом). «Поставление инсигниями» плюс лидерский миф – вот основа предвыборной кампании Путина, другая ему просто не потребовалась.

Итак, дряхлого «отца» сменил молодой продолжатель. В предвыборном письме–обращении Путина к россиянам мы видим образы двух крепостей: «вражеской» (чеченской) и «нашей» (русской). Но, хотя накануне выборов «вражеская» тема использовалась как козырная карта в политической игре, победа над врагами – лишь первая ступень на пути героя, его конечная цель – возрождение социума.

С другой стороны Путин предстает в качестве хранителя народа, с которым связаны надежды на справедливый дележ и материальный достаток. Он ассоциируется с порядком и покровительством в целом (что, в частности, было акцентировано в его инаугурационной речи). Путин сегодня – безусловно «хороший» властитель в противовес всему «плохому» вообще. Подобно тому, как это было в архаическом порядке, наш новый лидер призван аккумулировать гармонию, чистоту, законность и мораль. Путин – самый свежий пример оживления мифа в политике [7, с.94–104].

Стремительная политическая карьера В.В. Путина указывает на один неоспоримый факт: у него обнаружили очень большие резервы личных способностей и не востребованных ранее, в иную социально-политическую и нравственно-этическую эпоху, дарований и качеств крупного национального лидера.

Владимир Путин не любит много обещать, но всегда держит слово. Он умеет доводить до конца любое дело, даже самое неприятное. Он жесток и решителен в достижении цели, но не конфликтен, и не любит открытых ссор. Успеха достигает не прямым противостоянием, а путем маневра. У Путина стальные нервы, он хороший организатор и сам предельно собран и организован. Он также очень осторожен и не любит принимать быстрых решений. Поэтому его трудно подставить. Но там, где это необходимо, он может принимать молниеносные решения. Его ответы бывают быстрыми и неожиданными как, например, на вопрос журналиста о территориальных претензиях Латвии – «Не Пыталовский район они получают, а от мертвого осла уши».

Еще в феврале 2000 г. группа психологов по просьбе газеты «Известия» попыталась нарисовать психологический портрет В. Путина. В их итоговой характеристике сказано: «Путин относится к прагматически мыслящим интровертам, принимающим решения с опорой на логику и организующим работу наиболее рациональным способом. Это человек серьезный, здравомыслящий, с чувством ответственности. На таких людях держится общество: они честно выполняют свои обязательства и держат слово. Обладают способностью сосредоточиться, организовать дело надежно, довести до конца. Отличаются четкими продуманными взглядами, их трудно отвлечь в сторону и зародить сомнения. По общей совокупности качеств людей, подобных Путину, до сих пор не было в высшем эшелоне власти России, но сегодня именно такого человека хотело видеть во главе государства российское общество, и он соответствует желаниям и ожиданиям населения страны» [1, с.15–16].

Очень трудно судить относительно нравственных качеств В.В. Путина как государственного деятеля. Люди, которые претендуют на то, что хорошо знают Путина, дают ему нередко различные оценки: «он стопроцентно надежен», «совершенно циничен», «он сострадателен и человечен», «он абсолютно безжалостен» и т.д. При этом в подтверждение тех или иных оценок приводятся как разного рода житейские истории, так и разного рода решения и действия Путина в качестве главы государства. Решения и действия крупного государственного деятеля далеко не всегда могут диктоваться одними лишь требованиями элементарной нравственности. Известно, что и Б.Н. Ельцин и М.С. Горбачев, оказавшись в очень трудных ситуациях, нередко просто уклонялись от решения, перекладывая ответственность на других. Сохранение «чистых рук» для политика – не политическая, а этическая оценка роли политического деятеля [1].

Закончить хотелось бы, процитировав В.В. Путина, который сказал следующее на встрече с победителями Всероссийского конкурса сочинений 5 июня 2003 г.: «Мое изображение и имя в современных условиях являются раскрученным брэндом, которым пользуются все кому не лень...». И еще из речи на совместном заседании президиума Госсовета и Совета безопасности 13 декабря 2003 г.: «Сюда нужно смотреть. И слушать, что я говорю». Комментарии, как говорится, излишни.

Таким образом, социальная значимость политического лидера прямо зависит от уровня политической культуры и активности масс. Преобладание в обществе политической культуры, существование устойчивых демократических традиций, наличие неконтролируемого государством гражданского общества сужают возможности для не-

компетентного лидерства. Поэтому совершенствование системы отбора лидеров и повышение демократической политической ангажированности масс – это два важнейших условия эффективного политического руководства обществом.

Литература

1. Василенко Р.В. Актуальные проблемы политического лидерства (на примере В.В. Путина) // Актуальные проблемы политологии. – М., 2001.
2. Козенков Ю. Спасет ли Путин Россию??? – М., 2001.
3. Медведев Р. Владимир Путин – действующий президент. – М., 2002.
4. Медведев Р. Загадка Путина. – М., 2000.
5. Медведев Р. Познание Путина // Российская газета. 2000. 11 марта.
6. Таланов В.Л. Психологический портрет Владимира Путина. – СПб., 2000.
7. Щербинина Н.Г. Цветовая классификация политических лидеров России, или лидер белый, красный и черный // Полис. 2000. № 4.

В.Н. Козулин

Николай I и имидж России: к вопросу о роли личности в формировании образа страны

Николай I давно стал символом всего наихудшего в России – авторитаризма, бюрократии, полного подавления личности, «страшилищем для всех прогрессивных слоев европейского общества» (формулировка известного советского историка Е.В. Тарле). Почему так произошло, как и когда сформировался в общественном сознании исключительно отрицательный образ «николаевской России», каким в действительности был образ Николая I и России его времени в тогдашнем мире? Было ли что-то положительное в его влиянии на международный имидж России? Наконец, в какой мере именно личность царя определяла отношение к России того времени?

Прежде чем начинать отвечать на поставленные вопросы, следует сделать оговорку, что понятие «имидж» применительно к первой половине XIX века звучит несколько модернизаторски, поскольку тогда не существовало ни самого этого термина, ни «имиджмейкерских» технологий. Поэтому, возможно, корректнее было бы употреблять такие слова, как «репутация» или «образ». Но все же, если понимать под имиджем целенаправленно формируемый в общественном мнении некий образ страны, то с полным правом можно утверждать, что именно в николаевские времена в мировом общественном мнении зарождаются первые ростки такого явления – т.е. целенаправленного формирова-

ния в общественном мнении определенных образов. Да и вообще пресса в это время, особенно, конечно, в годы Крымской войны, начинает становиться поистине «четвертой властью».

Итак, сперва о формировании отрицательного образа Николая I и его режима. В том, что николаевский режим действительно был неприглядным, нет никаких сомнений. Формированию такого образа в русском общественном мнении способствовала почти вся его политика, начиная с жестокой расправы над декабристами. Одним из первых одиозный стереотип Николая I как душителя свободы и «жандарма Европы» начал создавать известный русский революционер А.И. Герцен, называвший царя «высочайшим фельдфебелем», «подозрительным, холодным, упрямым, безжалостным, лишенным величия души». Но к Николаю и его внутренней политике относился отрицательно далеко не только Герцен и революционеры, а почти вся тогдашняя общественность, подчас даже консерваторы (например, Тютчев). В русском обществе и в литературе бытовало много негативных прозвищ Николая I, самым знаменитым из которых стало «Палкин». Оно возникло еще при жизни царя, но по-настоящему упрочилось в общественном сознании уже гораздо позднее —, после того как в 1917 г. был впервые в России опубликован рассказ «Николай Палкин», написанный еще в 80-е годы и до этого издававшийся за границей.

В зарубежном общественном мнении образ Николая I в основном складывался под воздействием таких его действий, как подавление восстания в Польше в 1831 г., интервенция в Венгрию и подавление венгерского восстания в 1849 г., а также под влиянием резко обострившегося при нем «восточного вопроса», вылившегося в Крымскую войну. Кроме того, многие русские общественные деятели, в том числе русские эмигранты (Герцен, Огарев, Бакунин, Тургенев и др.) транслировали на Западе негативный образ Николая и его режима. На западное общественное мнение определенное влияние оказала знаменитая книга побывавшего в России при Николае I маркиза Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 г.». Какой нелестный приговор вынес автор николаевской России, можно показать одной заключительной фразой: «Когда ваши дети вздумают роптать на Францию, прошу вас, воспользуйтесь моим рецептом, скажите им: поезжайте в Россию! Каждый, близко познакопившийся с царской Россией, будет рад жить в какой угодно другой стране». Это мнение роялиста и консерватора Кюстина. Что же говорить о западной либеральной и революционной общественности? Разумеется, она полностью солидаризировалась с русским либеральным общественным мнением о Николае. Ф. Энгельс, например, характеризовал Николая совершенно в духе Герцена — как «самодоволь-

ную посредственность с кругозором ротного командира». Резко ухудшился образ России в мире, конечно, в последние годы правления Николая, в связи с Крымской войной, в которой, как известно, против России выступили Франция и Англия. Тогда в европейской печати активно появляются резко негативные статьи, карикатуры на царя.

Но такой резко негативный образ, как и всякий стереотип, гораздо уже, чем реальность. Реальность всегда сложнее и неоднозначнее, даже в случае с таким вполне однозначным и типическим политиком, каким был Николай. Как это ни странно звучит после всего вышесказанного, но Николай I, по крайней мере, до Крымской войны, все же немало способствовал усилению позиций и росту престижа России в тогдашнем мире. Личный вклад Николая I в российскую дипломатию признавали известный ученый-международник достаточно либеральных взглядов Ф.Ф. Мартенс и советский ученый Е.В. Тарле, в целом очень критически оценивавший царя и его политику. Оба они признают, что престиж России в мире при Николае до Крымской войны был чрезвычайно высок. Любопытно, что Е.В. Тарле в одной из своих ранних работ писал, что почти все французские послы в Петербурге симпатизировали Николаю. Их очень интересовали, в частности, попытки Николая заняться решением крестьянского вопроса, и, что самое любопытное, некоторые французские деятели опасались чрезмерной поспешности императора в этом направлении и считали его чуть ли не радикалом!

Но наиболее популярен Николай I был, конечно, в среде консервативной европейской общественности. Там многие называли его царем-рыцарем, Дон Кихотом. Из русских общественных деятелей консервативного толка подобное мнение о Николае наиболее ярко выразил К.Н.Леонтьев, называвший Николая «гением-охранителем» России. Вообще, в консервативных общественных кругах Европы в это время возникает так называемое русофильство-именно из чувства консервативной солидарности и романтизации правящего в России стабильного, неподверженного революционному разложению режима. Например, еще до появления книги Кюстина, в Брюсселе в 1841 г. вышла книга А. Ферье де Турета «Россия», в которой Николай I характеризуется исключительно в панегирических тонах.

Чтобы ответить на последний вопрос, который нас занимает – о том, насколько именно личность Николая I определяла отношение к России того времени, прибегнем к мнениям его главных недоброжелателей – Герцена и Кюстина. И тот и другой высказывают мысль, что царь таков, каков он есть, не только в силу личных качеств, но во многом и в силу исторических обстоятельств, рамками которых он жестоко ограничен. Николаю все удавалось – писал Герцен, – «не потому,

чтоб он имел чрезвычайную силу, а потому, что низость мира, его окружавшего, была чрезвычайна». Ведь его политике потакала не только консервативная и темная Россия, но и все консерваторы Европы. Кюстин же вообще местами исполнен сострадания к императору, несущему тягостную ношу русского «деспота», не будь которой, «может быть, он был бы простым, добродушным человеком».

Нам представляется, что значительная доля истины есть в этих рассуждениях. Ибо роль политика, не являющегося столь незаурядной личностью, как, скажем, Петр I, т.е. не революционера по духу, в имидже страны, на наш взгляд, все же в значительной мере определяется историческими условиями, в которых он вынужден действовать. Николаю I с этими условиями не повезло. Ему суждено было стать неограниченным самодержцем в феодальной, крепостнической стране, в окружении многих не менее консервативных режимов. В таких условиях страшно было делать смелые шаги. Ведь даже французские послы предостерегали царя от неосторожных шагов в крестьянском вопросе.

С другой стороны, международная обстановка складывалась для России неблагоприятно. Это были объективные обстоятельства, мало зависевшие от воли царя. Например, Николай I, пожалуй, лучше всех из европейских стран относился к Англии и все делал для нормализации русско-английских отношений, но они, тем не менее, неуклонно ухудшались в его правление – из-за восточного вопроса и вообще постоянного столкновения интересов двух стран на Востоке. В других же странах Европы, особенно во Франции, постоянно происходили революции. Царю трудно было принять менявшуюся действительность, для этого ему нужно было, по меньшей мере, быть не консерватором, а либералом и родиться в другой стране.

Вполне может быть, что, живи он в другие времена, при тех же своих личных качествах, он мог бы проявить себя совсем по-другому, и по-иному был оценен потомками. Между прочим, современный консервативный автор на одном «правом» сайте заявил, что, доживи Николай I до конца Крымской войны, он сам бы отменил крепостное право. Возможно, но, к сожалению, история не терпит сослагательного наклонения. Мы же хотим только сказать, что, оценивая вопрос о роли личности в формировании образа страны, надо строго взвешивать исторические условия, международный фактор и прочие обстоятельства, порой строящие этой личности (какими бы благими намерениями и потенциалом она не обладала) непреодолимые преграды.

Что касается личности Николая I и его влияния на международную репутацию России, то из всего вышесказанного следуют такие выводы. Самый негативный образ царя, как недалекого солдафона и палача,

сложился в либеральном и даже, прежде всего, в революционном общественном мнении, как русском, так и зарубежном. Этот образ стал, по понятным причинам, каноническим в советской традиции. Такой образ во многом правомерен, но все же является преувеличением. Существуют и другие мнения о Николае I, известны его многие положительные качества, искренняя любовь, глубокий патриотизм. В формировании образа России в мире Николай I сыграл неоднозначную роль. С одной стороны, он способствовал укреплению ее авторитета, с другой стороны, авторитет этот, с определенной поры, стал преимущественно негативным – авторитетом «жандарма» Европы. Под конец жизни Николай утратил внешнеполитическое чутье и привел страну к Крымской катастрофе. Николай I, безусловно, стал для всего человечества символом реакционной, авторитарной и агрессивной России. Своей косностью и консерватизмом он сильно приложил к этому руку, но не стоит винить в этом его одного и его политическую недалекость. Его правление, на наш взгляд, пример того, когда личность, пусть даже сильная, загнана в тупик обстоятельств и находится в жестких тисках текущего момента.

Литература

1. Выходцев Л.В. Николай I. – М., 2006.
2. Герцен А.И. Собрание сочинений в восьми томах. – М., 1975.
3. Ерофеев Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских 1825–1853 гг. – М., 1982.
4. Киняпина Н.С. Внешняя политика Николая I // Новая и новейшая история. 2001. № 1–2.
5. Маркиз А. де Кюстин. Николаевская Россия. – М., 1990.
6. Мартенс Ф.Ф. Император Николай I и королева Виктория. Исторический очерк // Вестник Европы. 1896. № 11.
7. Мильчина В.А. И еще одна книга о России // Новое литературное обозрение. 1995. № 13.
8. Мильчина В.А. Россия и Франция. Документы. Литераторы. Шпионы. – СПб., 2004.
9. Николай I и его время / сост. Б.Н. Тарасова. – М., 2000.
10. Полиевктов М. Николай I. Биография и обзор царствования. – М., 1918.
11. Потапенко О.А. Гакстгаузен о России // Россия и Запад: диалог культур. Вып. 1. – М., 1994.
12. Пресняков А.Е. Апогей самодержавия. Николай I. – Л., 1925.
13. Тарле Е.В. Император Николай I и крестьянский вопрос в России по неизданным донесениям французских дипломатов 1842–

1847 гг. // Запад и Россия. Статьи и документы по истории XVIII–XIX вв. – Пг., 1918.

14. Тарле Е.В. Самодержавие Николая I и французское общественное мнение // Запад и Россия. – Пг., 1918.

15. Труайя А. Николай I. – М., 2005.

16. Шильдер Н.К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. В 2-х т. – М., 1997.

17. Рахматуллин М.А. Император Николай I глазами современников // Отечественная история. 2004. № 6.

18. Он же. Император Николай I и его царствование // Наука и жизнь. 2002. № 1.

19. Чулков Г.И. Императоры: Психологические портреты. Николай Первый [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vivovoco.rsl.ru/vv/papers/history/tzars/palkin.htm#n>

Д.М. Кошлаков

Позитивный образ России в мире – политтехнологический проект или следствие подлинности

Любой политический субъект, будь то политик, партия, организация, группа или даже государство, обладает своим политическим образом, представляющим собой видение и восприятие этого субъекта внешней и внутренней общественностью, отдельными социальными группами и элитами. При этом мы в данном случае будем понимать образ в качестве общей категории, включающей в себя как свои нетехнологизируемые аспекты, так и аспекты технологизируемые, связанные по преимуществу с искусственным формированием имиджа. Образ может быть как абсолютно адекватен своему субъекту, так и абсолютно неадекватен ему. При этом задача политтехнологии заключается в эффективном управлении образами, так как роль образов крайне велика в политике, в какой-то момент образы могут начинать жить своей собственной жизнью, порой не просто не обращая внимания на реальность, а подменяя ее собой, подавляя ее и управляя ею. Важнейшая же проблема состоит в том, что нельзя подменить реальную политику искусно сформированным образом, имиджем, брендом. Чем больше этот образ будет расходиться с реальностью, тем менее надежно он будет функционировать. Постоянно сталкиваясь с реальностью, входя с ней в противоречие, он рано или поздно разрушится. Иначе говоря, у политтехнологии есть свой «потолок», суть которого состоит в ограниченности виртуального мира со стороны мира реального. Важнейший же ее методологический недостаток проявляется в том, что политтехнология очень часто занимаясь проблемой образа как «вещи мира виртуальности», практически не занимается проблемой

субъекта и реальности. При этом очевидно, что реальная политика не сводима к политтехнологии, даже эффективной; а политтехнология и формирование политического субъекта – во многом разные вещи. Нельзя в свете этого не отметить, что многие сегодняшние политические решения, принимаемые руководством страны, являются чисто политтехнологическими, виртуальными в том смысле, что они ориентированы на удовлетворение весьма противоречивых интересов различных социально значимых групп внутренней и внешней общественности, и из-за противоречий между системами ценностей, смыслов и интересов этих групп нередко политические решения подменяются своей политтехнологической видимостью. Иначе говоря, задача работы с реальностью подчинена работе с образом, имиджем, виртуальностью. Не отрицая необходимости этой работы и ее эффективности, технологичности принимаемых решений, следует еще раз подчеркнуть, что нельзя эту задачу возводить в абсолют.

Еще одной проблемой является соотношение политтехнолога и субъекта. Для политтехнолога субъект существует, задан изначально, и политтехнолог не будет обременять себя рефлексией на субъектные основания. И в этом кроется серьезная ошибка, ибо субъекта может не быть, субъектность, вообще говоря, может быть частичная, и в итоге может сформироваться образ, лишенный субъекта, или говоря философским языком, знак, лишенный означаемого, то есть симулякр. Все это не сулит политике ничего хорошего, так как рано или поздно может привести к сложным и тяжелым последствиям. В этой связи нельзя не привести пример американского доллара, выражающего глобальную мощь США и вместе с тем лишенного своего реального экономического содержания (форма без содержания), обеспеченностью золотом. В определенном смысле доллар превратился в симулякр, американская экономика оказалась построенной на деривативах, что в конечном итоге и привело к глобальному экономическому кризису. Это еще раз подтверждает, что связь реальности и виртуальности весьма и весьма сложна и это важнейшая политическая проблема современности. Недаром культура постмодерна строится на смерти субъекта как такового, на вытеснении реальности виртуальностью.

В последние годы ведущие российские политики и представители политической, экономической и интеллектуальной элиты страны (В.В. Путин, И.И. Шувалов, С.А. Наумов, многие представители «Единой России») заявляют о цели, согласно которой Россия должна стать самой привлекательной для жизни страной. Проблема формирования внешнеполитического имиджа России ставится в качестве весьма приоритетной политической задачи, для решения которой прибегают к

услугам лучших PR-агентств мирового уровня, и это, безусловно, имеет свою логику в том отношении, что нематериальный капитал приобретает все более весомое значение в международной политике.

Однако нельзя не отметить, что здесь возникают свои сложности, связанные с соотношением реальности и виртуальности, субъекта и его образа. Весьма индикативно, на наш взгляд, что в оценке роли привлекательности России и ее связи с внешней политикой на заседании секции «Глобальный мир: амбиции суверенной России» в рамках Форума «Стратегия-2020 – Новая тактика» сложились две различные точки зрения: одни считают привлекательность России и российской модели развития скорее самоцелью (К.И. Косачев, Т.Г. Пархалина), в то время как другие (С.Е. Кургиян, В.Т. Третьяков) считают несколько иначе, рассматривая привлекательность внешнеполитического имиджа лишь как результат наличия политического субъекта и подлинности его исторического и политического бытия, наполненностью этого бытия историческими смыслами. Очевидно, что во второй трактовке реальное бытие необходимо первичнее и важнее даже самого привлекательного политического образа [1].

Никак не привлекательность должна ставиться во главу угла, она не может и не должна быть целью. Как только актер хочет быть привлекательным, он превращается в бездарность, привлекательным же он становится только в результате наличия глубокого внутреннего мира и подлинного бытия, ощущения своей связи с идеальным, со смыслами. Как следствие, привлекательный образ имеет только тот, кто обладает подлинным бытием, и в этом состоит важный смысл внешней политики: нет внешней политики без глубокого понимания себя и мира, наличия подлинного бытия.

На протяжении предыдущих столетий своей истории Россия формировала свое историческое и политическое бытие через альтернативный проект, существование в виде альтернативной части Европы и Запада. Из этого и проистекали привлекательность российской модели развития и ее имперский, наднациональный, идеократический характер в своей досоветской или советской ипостаси. В подобном альтернативном виде бытия Россия была притягательна для соседей и могла формировать политические союзы, иметь мощный смысловой и политический вектор.

Снимая с повестки дня альтернативный характер исторического развития России, что и обозначала перестройка как «вхождение в мировую цивилизацию», Россия перестала быть одним из ведущих политических субъектов мира. В конечном итоге, результатом этого стало как осложнение отношений с ближайшими географическими соседями (Украиной, Грузией и др.), формирование вокруг западных рубежей России пояса антироссийски ориентированных государств, в который не входит разве

что Белоруссия, хотя процесс российско-белорусской интеграции затягивается и осложняется различными политическими факторами (в поле антироссийски ориентированных государств Белоруссия предстает «недоопределенным» актором), так и снижения уровня внешнеполитических возможностей вообще. Все это, безусловно, актуализирует проблему позиционирования России на международной арене, требует переосмысления многих подходов с учетом российской исторической специфики и особенностей восприятия России в мире, предъявляет особые требования к внутренней и внешней политике, множеству самых разнообразных политических процессов, ведущим политикам, послам и дипломатам, общественным деятелям, представителям экспертного сообщества – всем, кто на социальном уровне ответственен за формирование позитивного образа России в мире. Но при этом нужно понимать, что, не продуцируя альтернативного типа исторического бытия, не предлагая альтернативного проекта, Россия обречена быть малопривлекательной и стремительно терять свой внешнеполитический потенциал. Судя по всему, будущее России не может быть построено только на привлекательности своего образа в мире и нельзя ставить этот образ во главу угла. Будущее России может быть построено лишь на формировании альтернативного типа исторического и политического бытия, следствием чего и должен быть позитивный образ России в мире.

Литература

1. Стенограмма заседания секции «Глобальный мир: амбиции суверенной России» в рамках Форума «Стратегия-2020 – Новая тактика», 3 апреля 2009 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://er.ru/2020/text.shtml?74987,110390>.

Е.С. Крестинина

Президенты России глазами зарубежных карикатуристов

Юмор вообще и политический юмор в частности является одной из важных составляющих повседневной социальной коммуникации. Можно выделить несколько важных функций юмора. Во-первых, это канализация негативных настроений – насмешка, шутка, ирония над каким-либо негативным фактом позволяет человеку высказать к нему свое отношение, получить эмоциональную разрядку, не совершая деструктивных действий. Во-вторых, юмор способен оказывать влияние на общественное мнение: удачные шутки, карикатуры, высказывания могут быстро «разойтись в народе» и каждое их повторение будет постепенно закреплять тот или иной заложенный в них стереотип.

Эти функции делают юмор значимым объектом социологического исследования. Вместе с тем, нельзя не отметить, что анализ юмора не может дать исчерпывающей характеристики социальных взаимоотно-

шений, именно в силу того, что объектом для юмора в подавляющем большинстве случаев становятся негативные явления в социальной действительности, позитивные же моменты остаются «за кадром». Возможно, именно этой особенностью юмора объясняется то, что его изучению посвящено сравнительно мало исследовательских работ [1–6].

Для нашего исследования была взята такая форма политического юмора как карикатура. Выбор объекта был обусловлен следующими факторами. Во-первых, политическая карикатура несет визуальную информацию, а следовательно, носит более интернациональный характер и имеет больше шансов на широкое распространение в силу того, что для ее понимания зачастую не требуется знание языков. Во-вторых, карикатура, в отличие от политического анекдота, содержит в себе в концентрированном виде наиболее значимые символы и стереотипы, а не отражает поведение персонажа в конкретной ситуации.

Специфика политической карикатуры заключается в том, что она, хотя и является продуктом авторского творчества, часто пишется «под заказ» и может служить *инструментом* для высмеивания и пропаганды определенных стереотипов. В то же время, карикатуры могут выступать и как один из способов отражения общественного сознания, то есть являться *результатом* пропагандистского воздействия. Данное разделение на «формирующие» и «отражающие» карикатуры методологически значимо, но на практике носит условный характер, так как с одной стороны эффективная пропаганда всегда основывается на «настройке» уже существующих стереотипов, с другой стороны стереотипы в обществе зачастую живут и поддерживаются, подпитываясь за счет пропаганды.

В целом в ходе исследования было проанализировано около 1000 карикатур, нарисованных в период с конца 90-х гг. до текущего момента. В подавляющем большинстве рассматриваемые карикатуры принадлежат перу художников из Европы и Америки [7].

Первое, на что было обращено внимание в ходе исследования, это портретные изображения глав российского государства. Здесь можно отметить следующие существенные черты. Изображая Бориса Ельцина, карикатуристы чаще всего придавали его лицу веселое, улыбающееся выражение. При этом ни одной карикатуры, изображающей президента в действии, в сколько-нибудь серьезной обстановке, обнаружить не удалось – он практически не изображался за столом, в кабинете, на трибуне, а из атрибутов, которые чаще всего сопровождали его на рисунках зарубежных карикатуристов, была бутылка. Наиболее характерными жестами – взмах рукой или знак «виктория».

В отличие от ельцинских карикатур, В. Путин в подавляющем большинстве случаев изображается в действии, и почти всегда с серьезным выражением лица, при этом характерная жестикуляция отсутствует. Что же касается карикатурных изображений Д. Медведева, то главное, что их отличает от карикатур на двух его предшественников, это практически полное отсутствие рисунков, на которых Медведев изображался бы один, без Путина. Карикатуристы представляют Медведева как «маленького Путина». Более того, нарисованный Медведев имеет минимальное портретное сходство с оригиналом, даже такие анатомические особенности, которые обычно выделяют отечественные художники (большие глаза, высокий лоб, большая голова) остаются за гранью внимания их западных коллег. Часто Медведев и вовсе предстает не как человек, а как кукла или марионетка (см. рис. 1).

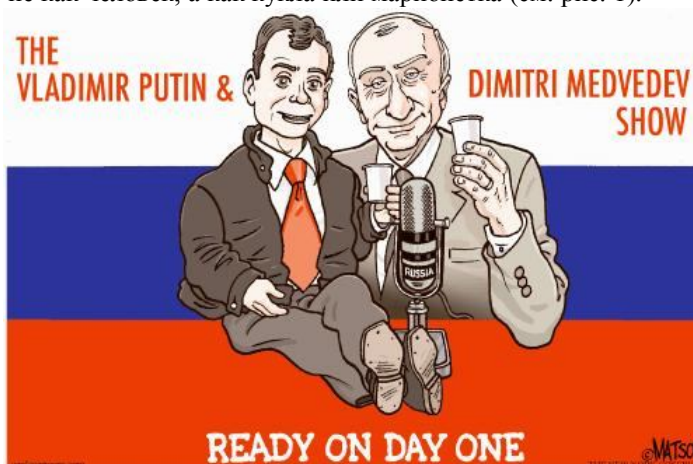

Рисунок 1. Шоу Владимира Путина и Дмитрия Медведева, готовность №1 (2008 г.). Источник: PoliticalCartoons.com

На карикатурах очень часто присутствуют такие распространенные символы, связанные с Россией, как матрешка и медведь. Иногда в этих образах изображаются и сами главы государства.

Если говорить о сюжетной составляющей, то она наиболее разнообразно представлена в карикатурах на Путина и на Путина с Медведевым. В целом практически все изображаемые сюжеты можно распределить по четырем основным направлениям:

- 1) внутренняя политика и гражданские свободы;
- 2) выборы и процесс передачи власти;
- 3) «советские мотивы»;

4) внешнеполитические действия.

Карикатуристы достаточно часто касаются таких проблем, как свобода слова и иные гражданские свободы. Данные сюжеты актуализировались в связи с судебным процессом против Ходорковского. Также значительное число карикатур было посвящено теме свобод в России после убийств Литвиненко и Политковской (что характерно, убийство С. Маркелова и А. Бабуровой всплеска карикатур не вызвали). На подобных рисунках Путин в лучшем случае изображается как человек, который радуется произошедшему, чаще же всего - как непосредственный убийца (см. рис. 2). После смерти Литвиненко бутылочка с надписью «Polonium (а иногда и Putinium) 210» на продолжительное время стала одним из «аксессуаров» карикатурного образа Путина.

Рисунок 2. Департамент жалоб. Надписи на доске: диссиденты, журналисты. Путин: «Следующий» (2006 г.).

Источник: Politicalhumor.about.com

Отдельно значительное внимание привлекает и процесс выборов в России. В этой связи весьма показательным является сравнение изображений передачи власти Бушем Обаме и Путиным Медведеву. Применительно к США наиболее часты сюжеты с передачей от Буша к Обаме эстафетной палочки в виде зажженного динамита или перекидывание картофелин (очевидно, горячих) с надписью «Ирак» и «Афганистан» и тому подобных символов, указывающих на сложное политико-экономическое положение, в котором США переходит от одного президента к другому. При изображении России сюжета *передачи* вла-

сти не прослеживается, рисунки показывают, что смена власти произошла лишь формально. Наиболее частыми символами, подчеркивающими такое положение, являются маски, нити управления, рычаги.

Связанным с двумя предыдущими сюжетами является актуализация в зарубежных карикатурах «советских мотивов» при изображении Путина и России в целом. Чаще всего Путин предстает как новый Сталин или человек, который хочет быть похожим на Сталина. Это символизируется через наличие в интерьере кабинета большого портрета Сталина или сталинских усов, пририсовываемых к лицу Путина. Также очень часто Путин изображается в попытке раскопать могилу Советского Союза или Сталина. Часть карикатур, делающих упор на советские мотивы, строится по принципу сравнения «было – стало» (см. рис.3).

**Рисунок 3. Называйте меня сентиментальным дураком, но мне нравится старая стабильность (2004 г.).
Источник: PoliticalCartoons.com**

Действиям Путина на внешнеполитической арене наиболее пристальное внимание уделяют европейские карикатуристы. В их изображении чаще всего Путин предстает совместно с Бушем. На подобного рода рисунках президенты изображаются как равнозначные или почти равнозначные политические фигуры, действия которых досаждают мировому сообществу (распространение ЯО, размещение ПРО в Европе и т.п.) или стремятся подчинить его. Также одним из характерных «внешнеполитических» сюжетов является выведение образа России и конкретно Путина как обладателя больших сырьевых запасов, за счет кото-

рых он может контролировать всю Европу. Подобные сюжеты актуализируются приблизительно раз в год (чаще всего в связи со скандалами вокруг поставок газа). Одним из наиболее частых символов сырьевого могущества является труба с надписью gas или oil (см. рис. 4).

Рисунок 4. Газовая рука Путина (2009 г.).

Источник: PoliticalCartoons.com

Подводя итог, можно отметить, что через призму карикатур наиболее негативными чертами имиджа российских лидеров проявляются антидемократичность, излишняя концентрация власти в одних руках, агрессивная внешняя политика, а также стремление к «советскому рываншу». Данные черты весьма негативно влияют на репрезентацию образа России в целом. Учитывая, что в карикатурах на Путина (или на Путина и Медведева) на рисунках часто присутствуют традиционные символы, олицетворяющие Россию (медведи, матрешка и, символ последнего времени – газовая или нефтяная труба), то можно утверждать, что Путина представляют концентрированным выражением сути российской действительности.

Не стоит ожидать, что когда-нибудь Россию в карикатурах будут изображать в приглядном свете – это невозможно в первую очередь в силу самого жанра. Но, на наш взгляд, значимым позитивным сдвигом будет момент, когда в изображении политической жизни в РФ будет прослеживаться конкурентность политических сил, которая присутствует, в частности, на карикатурах, посвященных США. Появление сюжета конкурентности будет означать слом стереотипа о России как о стране, которая характеризуется застоем во внутриполитической жизни и внешней политикой времен «холодной войны». Также возможным позитивным для имиджа России сдвигом будет корректировка

образа Медведева и восприятие его на мировой арене как самостоятельного политика, а не как «марионетку Путина».

Литература

1. Бутенко И.А. Юмор как предмет социологии? // СоцИс. 1997. №5.
2. Глухова А.В. Смешно о серьезном // СоцИс. 1999. №5.
3. Дмитриев А.В. Социология юмора. Очерки. – М., 1996.
4. Дмитриев А.В. Социология политического юмора. – М., 1998.
5. Князева Н. О социологии политики с юмором // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.soc.pu.ru/publications/jssa/1999/2>.
6. Степаненко В.П. «Поспорили как-то американец, француз и русский» // Философская и социологическая мысль. 1993. № 9–10.
7. Галерея карикатур: <http://photofile.name/users/katerinakorb/3702210>.

Обсуждение в Интернете

Анонимно

16 Apr, 2009 16:53 (UTC)

Карикатуры в свое время были предметом пристального внимания Ллойда де Моза, именно на их основе, корректируя карикатурные представления анализом речей президентов методом дискурсного анализа, он делал прогнозы о векторе политики президента Никсона, предсказав деградацию его имиджа. Екатерина молодец, обрати внимание на ЖЖ Борового и Новодворской, они смакуют карикатурные изображения наших президентов, там есть и местные (российские.) Нелли Галактионова.

eksk

19 Apr, 2009 10:43 (UTC)

Спасибо за отзыв и рекомендации по источникам. Что касается наших карикатуристов, то в рамках моего исследования я, конечно, неизбежно сравнивала зарубежный материал с тем, как изображаются наши президенты в России, но для диагностики внешнего имиджа наши карикатуры не столь важны. Потому как российские карикатуристы функционируют в другой социальной и политической среде, что в том числе, предопределяет и дискурсивные отличия их от их зарубежных коллег.

Анонимно

19 Apr, 2009 09:09 (UTC)

«Подводя итог, можно отметить, что через призму карикатур наиболее негативными чертами имиджа российских лидеров проявляются антидемократичность, излишняя концентрация власти в одних руках, агрессивная внешняя политика, а также стремление к «советскому реваншу». Данные черты весьма негативно влияют на репрезентацию образа России в целом.

Не согласен! На каком основании сделан данный вывод? Думается, что на Ваших личных домыслах, а не на реальном анализе ситуации. На мой взгляд – данный факт связан с боязнью России мировым сообществом на политической арене. Дело не в Советском периоде или агрессивной внешней политике (тоже не ясно, что является основанием для данного суждения), а в обыкновенном стереотипном мышлении европейцев и, тем более, американцев. Представьте себе, какие люди живут в США (ниже про Европу)? Поколение старшего и среднего возраста – воспитаны на стереотипах холодной войны, неспособные к иному мышлению. Для них, что Россия, что СССР – это одна и та же геополитическая единица, находящаяся где-то между Китаем и Сибирью. Европа: Прибалтийские государства, а также Чехия, пропагандирующие антироссийскую политику, испытывают чувство ненависти к России, именно поэтому, для развития антироссийских настроений, используются инструменты пропаганды негативного имиджа российских политических лидеров. К.Б. Малков

eksk

19 Apr, 2009 10:30 (UTC)

Здравствуйте.

Спасибо за отзыв.

Во-первых, ответ на Ваш вопрос «на каком основании?» – на основании проведенного исследования. Здесь прежде всего надо оговорить вот какой момент: специфика исследуемого предмета (политическая карикатура, как часть дискурса) несколько предопределяет результат, указывая лишь на негативные черты гораздо более сложного явления – внешнеполитического имиджа России. Об этом, я, кстати говоря, пишу в начале доклада, позвольте процитировать еще раз: «Вместе с тем, нельзя не отметить, что анализ юмора не может дать исчерпывающей характеристики социальных взаимоотношений, именно в силу того, что **объектом для юмора в подавляющем большинстве случаев становятся негативные явления в социальной действительности, позитивные же моменты остаются «за кадром».**

Второе, стоя на позициях и используя инструментарий критического дискурс-анализа, я считаю важным подчеркнуть, что дискурс вообще и дискурс юмора в частности как сам конституирует социальную и политическую действительность (т.е., согласна с Вами, является инструментом пропаганды), так и конституируется под воздействием социальной действительности, т.е. является **отражением** этой самой действительности. Таким образом карикатуры **и отражают, и воспроизводят** реально существующие негативные стереотипы. Тут у нас с Вами расхождения вроде бы нет – и Вы, и я признаем, что эти стереотипы действительно негативные.

Перейдем к пункту, по которому Вы со мной не согласны: Вы считаете, что «данный факт связан с боязнью России мировым сообществом на политической арене». Не вижу особенного противоречия с результатами моего исследования, как правило, когда чего-то/кого-то бояться, то это уже означает наличие негативного отношения к предмету страха (если мы не ведем речь об отдельных психопатологиях). Поэтому выделенные мною черты действительно негативно влияют на репрезентацию (прошу заметить, я в своем докладе НЕ касаюсь того, почему они воспринимаются негативно, лишь констатируя факт негативного отношения именно к данным чертам), т.е. отвечаю на вопрос: КАК нас видят. Вопрос, **почему** (по причине ли страха, неодобрения политического курса и т.п.) они воспринимаются негативно, в рамках моего исследования вторичен (но его актуальность возрастет, если мы будем говорить о том, **как корректировать** имидж России в глазах мирового сообщества). Я не утверждаю, что первопричины именно такой стереотипизации не важны, но в рамках данного конкретного исследования и конкретной методологии я не имею возможности на них останавливаться – это предмет отдельного большого исследования. Говорить же о **причинах** выделения данных негативных черт, безусловно, можно и нужно, но исследовать их необходимо другими методами: соц. опросами, глубинными интервью и т.п. критический дискурс-анализ их не выявит (я такой цели, повторяюсь, и не ставила).

Что же касается пропаганды, то, на мой взгляд, сводить все исключительно к ее действию, значит серьезно упрощать действительность. Любая успешная пропаганда успешна в том числе и потому, что строится (надстраивается) на реальных основаниях или апеллирует к неким уже сложившимся (в том числе и органически) стереотипам.

И в заключении, люди в США, Европе, как и везде, живут разные, и давайте не будем сами мыслить стереотипами, а опираться на результаты исследований, которые показывают, что колебания отношения к России бывают весьма существенными и ситуативными (как пример, данные опроса Гэллапа: <http://ashpi.livejournal.com/88343.html#cutid1>). С уважением, Екатерина Крестинина

И.В. Лябухов
К вопросу об оценках внешней политики России
при А. Козыреве (1991–1996 гг.)

Личность Андрея Владимировича Козырева, как и его политическая деятельность в качестве Министра иностранных дел России в период с 1991 по 1996 гг., вызывает мнения широкого спектра. Восприятие внешней политики России, так называемого «козыревского» периода, как специалистами в сфере международных отношений, так и простыми обывателями неоднозначно. В настоящий момент, когда

пришло время по-новому взглянуть на внешнюю политику нашего государства в начале 90-х гг. прошлого века, происходит своеобразная переоценка произошедших событий и переосмысление их значения. В данном контексте следует рассмотреть вопрос, насколько изменилось отношение к внешней политике, проводившейся в нашей стране на этапе становления нового государства, и к главе МИД того периода, А. Козырева, как человека, реализовавшего направление этой внешней политики.

Характерно, что внешняя политика начала 1990-х годов подвергалась резкой критике со стороны части политологов, специалистов-международников и других исследователей. На данный момент представляется возможным выделить два подхода в оценке того периода.

Начнем, пожалуй, с самого распространенного, «негативного» подхода. В литературе данный период часто носит название «романтического» или «идеалистического», а наиболее негативно относящиеся к нему исследователи называют его «прозападным» или «антироссийским», ставя знак равенства между этими определениями. Концепция внешней политики того времени исходила из постулата, что в лице западных государств, в первую очередь, необходимо видеть партнеров и, возможно, в будущем, потенциальных союзников. Подобная «прозападная» направленность была отрицательно воспринята не только некоторыми политическими кругами, но и частью общественности. Впрочем, этому можно найти объяснение: подобная политика действительно не учитывала всей остроты международных отношений, возникших в результате распада биполярной системы мира и зарождения нового миропорядка. Отказ от идеологии конфронтации с Западом также не мог не вызвать негодования в государстве, где исторически большую часть XX века все, что относится к «Западу», являлось синонимом слова «чуждое» и иногда даже «враждебное». Кроме того, некоторые из исследователей отмечают, что напряженность и противостояние в отношениях с западными государствами способствовали росту влияния определенных групп бюрократической элиты. В данном случае внешняя политика, проводимая А. Козыревым, противоречила их интересам [1].

Вызывали опасения и заявления МИДа о готовности начать построение открытой экономики на основе действия рыночных механизмов ее регулирования. Откровенно говоря, это означало экономические потери для неконкурентоспособных отраслей отечественных производителей. Несомненное негодование оппозиции вызывала и позиция МИДа касательно военной безопасности государства и защиты его стратегических интересов. А. Козырев и его сторонники видели в ка-

честве одного из способов становления России на путь демократии демилитаризацию общества и государства. Один из исследователей – Валерий Перевалов высказал следующую точку зрения: «Сосредоточение внимания на проблеме национальных интересов, сменившее ныне прежнюю, набившую оскомину риторику «общечеловеческих ценностей» и «прав и свобод личности»... представляет яркое свидетельство окончательного завершения романтического периода политической жизни страны. Сегодняшнее идеологическое отступление демократов-западников обусловлено тем, что европейская история, в которую они жаждали вернуться, была воспринята ими односторонне. Они не поняли, что победа и утверждение демократии в Новое время не в меньшей, если не в большей, степени, связаны с практикой национального интереса, а не только с идеями прав и свобод атомизированных индивидов...» [2]. Результатом проведения «романтической» линии внешней политики под руководством А. Козырева стало подписание договоров СНВ-1 и СНВ-2 между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки в 1991 и 1993 гг. соответственно. Постепенно курс внешней политики России начинает меняться, как следствие растущего недовольства оппозиции. Открывается направление построения «добрососедских отношений» с приграничными государствами, равно как поддержка ранее провозглашенных партнерских отношений с Западом. В 1994 г. Козырев писал: «Партнерству нет альтернативы. Отказ от него означал бы, скорее всего, потерю исторического шанса на решение двуединой задачи: формирование открытого миру демократического российского государства и превращение неустойчивого постконфронтационного мира в стабильный и демократический» [3, с.5].

Подобная непоследовательность и неопределенность в выборе концепции внешней политики, а также ее явная непопулярность, в первую очередь, из-за неподготовленности общества и государства, привели к снятию А. Козырева с поста Министра иностранных дел. Подвергаемая серьезной критике в середине 1990-х гг., политика, проводимая Козыревым, в настоящий момент несколько переосмысливается. Современные оценки того периода времени (а ведь прошло, ни много ни мало, почти 15 лет) смягчаются, и некоторые исследователи в своих работах склонны оправдывать политику начала 90-х. Они отмечают, что при более детальном изучении Министерству иностранных дел удалось решить две, казалось бы, несовместимых задачи: сохранение весомой роли России в рамках деятельности на постсоветском пространстве и, в то же время, развитие сотрудничества со странами большой семерки и, в том числе, благоприятных отношений с Соеди-

ненными Штатами Америки [4]. Будучи достаточно разбалансированной, подобная внешняя политика была необходимым инструментом для становления России на международной арене в первые годы ее независимости. В то же время, А. Козырев вовремя успел осознать неэффективность «идеалистической» политики в отношении Запада и, утратив иллюзии относительно полноценной интеграции России в международное сообщество за столь короткие сроки, сумел сместить акценты на развитие партнерских отношений на постсоветском пространстве. Кроме того, Россия заявляла о себе в таких конфликтных ситуациях, как, например, в Молдавии в 1992 г. и ситуации в Косово в 1994 г. Неожиданное противостояние России натовскому ультиматуму Сербии в 1994 г. заставило Запад по-новому оценить потенциал страны на дипломатической арене. Достаточно сложно было сохранять устойчивое положение внешней политики, балансируя на грани партнерских отношений со странами Запада и отстаивая свои национальные интересы. Следует также отметить, что вести выбранный курс внешней политики и в то же время стараться минимизировать наличие конфликтных ситуаций – задача, требующая грамотного поведения внешнеполитических ведомств государства. Как оценивает эти события Аллен Линч, «Россия теперь открыто заявила о своем участии на равных с Западом в разрешении югославского кризиса, тем самым подчеркнув, что в европейском контексте с ней следует обращаться как с великой державой. Казалось, что отныне ни одно серьезное международное решение не будет принято без активного участия России» [5, с. 41–42, 49].

Определенно положительную роль в создании имиджа России на международной арене сыграло и участие МИДа России в создании Контактной Группы в том же 1994 г. Несомненно важным можно считать, что Россия здесь прилагала такие же усилия, как и такие страны Запада, как, например, Франция, Германия, Великобритания. Именно в этот момент России удалось сохранить тонкий баланс в отношениях с Западом: при всех сложившихся обстоятельствах взаимоотношения официально оставались партнерскими. Не будем также забывать, что для нашей страны, Российской Федерации, это был начальный этап становления самостоятельной внешней политики, в условиях обретения собственной внутренней государственности и сложной макроэкономической ситуации.

Таким образом, совершенно очевидно, что было бы необъективным однобоко оценивать внешнюю политику, проводимую А.В. Козыревым, с двух полярных позиций: «хорошо» – «плохо». В литературе все чаще начинают говорить о том, что необходимо учитывать са-

мые разные факторы, влиявшие на ситуацию в мире на тот момент: складывание системы нового миропорядка, сложный «переходный» период во внутривнутриполитической и внутриэкономической жизни России, особенности управленческой структуры и наличие заинтересованной бюрократической элиты, фактор общественного мнения и настроений общественности, настороженное отношение Запада к новому государству и многие, многие другие. Учитывая все эти факторы, представляется возможным сделать вывод, что обе точки зрения на курс внешней политики А. Козырева имеют право на существование и раскрывают как ее плюсы, так и ее минусы. Важно рассматривать их в совокупности для того, чтобы иметь объективную и наиболее точную картину деятельности России на международной арене в начале 1990-х гг.

Литература

1. Федоров Ю. Кризис внешней политики России: концептуальный аспект // Внешняя политика России: 1991–2000. Часть II. Том 6. 2001, Зима-весна.
2. Кандель П. Российские национально-государственные интересы и заурядные отечественные парадоксы // Внешняя политика России: 1991–2000. Часть II. Том 6. 2001, № 4, Осень.
3. Козырев А.В. Стратегия партнерства // Международная жизнь. 1994. №5.
4. Линч А. Реализм Российской внешней политики // Внешняя политика России: 1991–2000. Часть II. Том 6. 2001, № 4, Осень.
5. Легволд Р. Американский взгляд на российскую внешнюю политику: страхи и фантазии // Pro et Contra. 1997. Т. 2. № 1.
6. Вайнштейн Г. Новый миропорядок? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.prof.msu.ru/publ/book5/c5_1_1.htm.
7. Косолапов Н.А. Конфликты постсоветского пространства: политические реалии // Мировая экономика и международные отношения. 1995. №10.

Ю.А. Митяева

Дмитрий Медведев в политическом Рунете

Развитие новых информационных технологий и, в частности, сети Интернет открывает широкие возможности для политически активной части общества. Современные политики все чаще используют интернет-технологии и признают значимость сети Интернет наряду с традиционными средствами массовой коммуникации. Так, 15 июня Президент России Дмитрий Медведев в своем интервью отметил: «Считаю, что Интернет – это очень перспективная вещь, и поэтому для очень большого количества граждан на нашей планете это источник информации, причём самой разной информации...» [1]. Не чужд российско-

му президенту и известный интернет-персонаж Медвед, знаком Дмитрий Анатольевич и с историей «олбанского языка». Такой «новый тип» политического лидерства подразумевает открытость диалога между властью и социумом, привлечение новых технологий в борьбе за общественную поддержку и, как следствие, более ответственный подход политика к собственному имиджу в сети Интернет.

Тема политических лидеров, их роли в представлении собственной страны на международной арене и в глазах зарубежной общественности и собственных граждан является особо значимой в свете развития современных коммуникационных технологий. Современный политик, тем более глава государства в силу публичности своей сферы деятельности не может и не должен оставаться в стороне от процессов информатизации. Развивая мысль, выскажем предположение, что Президент должен подавать собственный положительный пример в сфере ИТ. И это будет отражением не только его личной компьютерной грамотности и продвинутости, хотя этот фактор присутствует, но также и отражением стремления всех граждан к достижениям современной информационной эпохи и сети Интернет в том числе.

В широком понимании политический Рунет включает в себя всю совокупность сетевых отношений, социальных институтов, технологий и технических средств, которые так или иначе связаны с политикой. В узком – это совокупность политико-ориентированных ресурсов Сети, расположенных в доменной зоне RU.

По данным компании SpyLog, в пятерку наиболее популярных поисковых систем Рунета (апрель 2009) входят Google, Yandex, Mail.ru, Rambler и Live.com [2]. Для исследования существующих ресурсов о Д. Медведеве в российском сегменте в качестве поискового запроса автор использовал словосочетание «Дмитрий Медведев».

В соответствии со структурой политического Рунета можно выделить следующие популярные интернет-ресурсы о Дмитрии Медведеве.

1. Официальные сайты. Обобщая представленную информацию о Дмитрии Медведеве, отметим, что данные о Президенте ограничиваются кратким и лаконичным биографическим очерком, набором фотографий и такими же краткими сведениями о его супруге. Однако этим удивить сложно, поэтому на официальном сайте www.kremlin.ru существует специальный подраздел «о себе» с подборкой о родственниках Президента, его детстве, взглядах на определенные вещи и ценности. Еще один официальный сайт Президента <http://www.d-a-medvedev.ru> малоинформативен, но примечателен тем, что кроме биографических сведений здесь приводится текст интернет-конференции, которая была организована порталом «Яндекс». Возможность оставить послание в

виде комментария реализована на сайте <http://blog.kremlin.ru> – видеоблоге Дмитрия Медведева. Сам Д. Медведев оставил 20 комментариев, большинство из которых представляют собой выдержки из его выступлений. Отметим, что в политико-коммуникационном плане данный проект оценивается положительно, поскольку предоставляет возможность в цензурной форме и по теме высказаться всем заинтересованным.

Официальные ресурсы фокусируются на освещении текущей деятельности Президента РФ Дмитрия Медведева, его выступлениях, встречах и совещаниях и проч. В то же время личность Президента отступает на второй план. Все официальные ресурсы имеют версии на английском языке, правда, видеоблог Президента доступен только на русском. А жаль, поскольку наиболее ценным моментом является возможность обратной связи, которая у пользователей, не владеющих русским языком, отсутствует.

2. Неофициальные сайты. Доменное имя www.medvedev-da.ru зарегистрировано Жаворонковым О.А. в октябре 2006 [3]. Обслуживание сайта осуществляет LarkMediaGroup. На интернет-форумах пишут о том, что сайт сделан на деньги сторонников Д. Медведева, однако какие-либо имена выяснить не удалось. Кроме биографических данных на сайте можно найти психологический портрет Президента и кое-какую аналитику. Примечательной на сайте, на наш взгляд, является информация про Всероссийское сообщество сторонников Дмитрия Медведева. В целом сайт сделан довольно качественно, имеет возможность для обратной связи и заслуживает положительной оценки. Обратное можно сказать о сайте Д. Габдрахимова, расположенном по адресу <http://www.medvedev65.ru>: в «меню сайта» всего четыре подпункта – Д. Медведев, дополнительные сведения, фотографии и контакты.

Неофициальные интернет-ресурсы о Дмитрии Медведева неоднородны и отличаются по своему объему и наполнению. Положительным моментом является возможность обратной связи, которая реализована в рамках отдельных проектов, отрицательным – подборка новостей и аналитики внушает сомнения в объективности.

3. Справочные интернет-ресурсы. Довольно объемная статья «Медведев, Дмитрий Анатольевич» в Википедии повествует о его биографии, участии в выборах, президентстве и важнейших событиях, а также о личной жизни и семье. Военный конфликт с Грузией также освещается, здесь приводятся достаточно критические замечания из таких зарубежных газет, как The Wall Street Journal, La Republicca и др. В подраз-

деле «В сфере информационных технологий» собраны цитаты, которые ставят под сомнение компетентность Президента в сфере ИТ.

В целом справочные материалы – хорошее подспорье для всех, справки о Президенте выполнены профессионалами журналистского дела, отличаются краткостью, непредвзятостью и опираются на обширный фактический материал.

4. Научные, некоммерческие интернет-ресурсы. Одной из популярных страниц о Д. Медведеве является интернет-проект «Люди», расположенный по адресу <http://www.peoples.ru>. Тут собраны разные материалы: три биографии, фотогалерея, видео, новости, юмор. Сложно сказать, какими критериями руководствовались составители, поскольку создается впечатление, что на страницу о Д. Медведеве выкладывается все, что имеет к нему какое-либо отношение. Ценность заключается в том, что на подобных сайтах можно найти самые необычные точки зрения, но отсутствие какой-либо систематизации отталкивает от просмотра. На сайте В. Прибыловского (<http://www.anticompromat.ru/medvedevd>) материалы о Д. Медведеве сгруппированы следующим образом: статья автора «Д. Медведев», «версии contra», «версии pro» и «справочные материалы». Обработав значительное количество информации, он предлагает собственный взгляд. Ценность данного ресурса – в авторском подходе к подбору информации, в умозаключениях.

5. Форумы, блоги. Обсуждение политики на форумах и в блогах заслуживает самого пристального внимания, поскольку стремительно развивающаяся блогосфера становится ареной политических баталий для всех, кому небезразлична политическая ситуация в нашей стране. Ю.Г. Чернышов и Е.С. Крестинина пишут: «Российский сектор ЖЖ в последние годы стал одним из самых динамично развивающихся...» [4]. Вот и Президент, чтобы не остаться в стороне, зарегистрировал сообщество «Блог Дмитрия Медведева» в Живом Журнале – http://community.livejournal.com/blog_medvedev, которое дублирует видеовыступления Д. Медведева на официальном видеоблоге. К моменту написания материала пользователями было оставлено около 30 тыс. комментариев.

Подводя итог, отметим, что активная позиция Дмитрия Медведева в вопросах информатизации и интернетизации общества служит хорошим началом в формировании его имиджа и имиджа России. Направленность российского президента в сторону диалога с интернет-аудиторией, несмотря на самые разные комментарии и высказывания, является предпосылкой для установления диалога между властью и социумом, создает видимость социально-ответственной власти в духе идеи «электронного правительства».

Литература

1. Интервью Президента РФ Дмитрия Медведева центральному телевидению КНР, 15 июня 2009 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru>.
2. Аналитический обзор «Тренды Рунета», апрель 2009 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.spylog.ru>.
3. Информация хостинг-центра РБК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hc.ru/gu>.
4. Крестинина Е.С., Чернышов Ю.Г. Использование интернет-блогов и «социальных сетей» в российской публичной политике // Известия Алтайского государственного университета. 2008. №4–3(60). Том 3.

Е.В. Романова

Потенциал религиозной власти в политическом пространстве России

Политическая и религиозная власть исторически активно друг с другом взаимодействовали, конкурировали, находились в конфронтации, содействии. Но на любом историческом этапе и политическая, и религиозная власть играли и играют большую роль в развитии общества.

В истории известны модели сакрализации власти в политических образованиях, претендовавших на вселенский характер в качестве правопреемников Римской империи: Византийская империя как «Второй Рим», папство посредством принятия «Константинова дара», Священная Римская империя германской нации как преемница Западной Римской империи и, наконец, Московское царство (как «Третий Рим»). В христианской цивилизации единая по своей сути наместническая модель сакрализации власти существовала в двух формах:

- духовное лицо претендовало на титул и выполнение функций Наместника Христа: папа Римский, патриарх Московский;
- светский владыка претендовал на титул и выполнение функций Наместника Христа (византийский император, германский император Римской империи, московский царь).

Важное значение с точки зрения проблематики исследования религиозной и политической власти имеют труды всемирно признанного социолога религии М. Вебера в части разработки им типологии господства: харизматической, традиционной и рациональной. Харизматическая власть основана на вере в наличие харизматических (внеповседневных) качеств у определенного лица. «К подобному типу обладателей харизмы относятся: колдун, пророк, предводитель на охоте, в походах за военной добычей, вождь, так называемый властелин «цезаристского типа», при известных обстоятельствах глава партии» [1, с.68].

Традиционное господство основано на установке на повседневно привычное и веру в него как в непререкаемую норму поведения. Отличительной особенностью является то, что властитель «обладает теперь властью не в силу чисто личных, а в силу обретенных или унаследованных качеств или в силу легитимизации актом избрания» [1, с.69].

По усредненным социологическим данным, верующими себя считают около половины населения РФ, принципиально неверующими – около 10%. Относительно регулярно посещают богослужения до 10% населения. Существует статистика по религиозным организациям, получившим правоспособность юридического лица – около 16 тыс., однако ряд объединений верующих – «катакомбная» православная церковь, часть баптистов, пятидесятников и др. – принципиально не регистрируются либо пользуются статусом общественного объединения. По приблизительным оценкам, число таковых не менее 2 тыс. Где лежит эта граница политического признания церкви и чем ее измерить? Одним из вариантов такой оценки может служить численность лиц, признающих вероисповедный авторитет церкви, регулярно исполняющих все ее обряды. Но таких лиц становится все меньше: по разным оценкам – сейчас их от 2 до 5%. Другим критерием может служить число лиц, признающих за церковью роль общенациональной хранилища национальных, культурных, духовных и моральных ценностей. По данным социологических исследований, до 80% россиян разделяют эту самую массовую форму социализированной симпатии [2, с.7].

Среди основных источников власти церкви, несомненно, главная роль принадлежит авторитету. Политический авторитет церкви – это чувства симпатии со стороны отдельных граждан и населения в целом, по отношению к конкретным лицам, органам и центрам власти, так или иначе ассоциированным с церковью, например, выступающим с декларацией или оценкой ее ценностей. Такие чувства могут быть позитивными и колебаться от узнавания до любви, и негативными – от ненависти до безразличия. Цель приобретения политического авторитета – побудить подчиненных к добровольным и желаемым для властей поступкам, например, на выборах, акциях гражданской поддержки властей, их политического курса.

Авторитет в политическом процессе выступает в двух формах. Для властей и правящих элит авторитет выступает как их политический ресурс, который можно формировать, накапливать, а затем пересылать по адресатам, с тем чтобы превратить их в политические симпатии со стороны отдельных граждан или всего общественного мнения. На другом конце политического процесса – для подвластных, населения, об-

щественного мнения – авторитет властей означает ответные чувства объекта власти – в виде социализированной симпатии.

Высшей формой авторитета как ресурса власти выступает доверие. Доверие становится в условиях расширения границ демократии, усиления признаков гражданского общества главным мерилом эффективности общественной системы, основным фактором ее политической стабильности, базовым условием способности страны к модернизации. Без этого политического ресурса все остальные источники власти, несмотря на все их правовое оформление, становятся нелегитимными, то есть непризнанными, утратившими доверие в глазах широких масс населения. Это относится даже к закону, который, как показывает опыт России и многих других стран, при отсутствии доверия, уважения и позитивного узнавания центров власти и их элит, остается неорганичным, слабо встроенным инструментом властного регулирования. Для большинства политических элит авторитет приобретает особую ценность еще и тем, что технически это легко мобилизуемый, управляемый и манипулируемый источник власти.

Политическая элита России стремится пользоваться различными ресурсами влияния, в том числе и ресурсом церкви. Ресурсы церковной власти в данном случае можно выразить через такие ценностные понятия, как мораль, совесть, нравственность, этика. Действительно, церковь традиционно считалась хранительницей авторитета высочайшего класса в виде авторитета морали. Именно в ее недрах абсолютные моральные ценности долгое время сохранялись и воспроизводились во все новых поколениях верующих. Поэтому долгое время политическая элита России считала, что Русская православная церковь сможет передать другим центрам власти (армии, службе безопасности, правительству, президенту, губернаторам и мэрам, крупным бизнесменам и т.д.) свой моральный авторитет. В результате в стране повсеместное распространение получила практика благословения политических лидеров и политических акций. Церковное благословение получают претенденты на власть, представители правящих элит. Благословляются разнообразные профессиональные, служебные и военные акции, благословляются сами чиновники и руководители всех рангов. Более того, освящаются новые заводы, общественные здания и коммерческие центры, подводные лодки, военные и гражданские суда. Передача морального ресурса может происходить и в процессе простого (но запечатленного в СМИ) акта переговоров, бесед, общения с властной элитой. Однако, такая практика стала демонстративной, политизированной и меркантильной.

Кроме того, религиозная власть может рассматриваться со следующих позиций:

- степень влияния религиозных организаций на политический процесс;
- интенсивность лоббирования своих интересов в органах власти;
- степень влияния на социальную жизнь и культуру;
- степень влияния религиозного фактора на массовое сознание.

Если взять за критерий социальный охват населения, то в условиях отсутствия статистики по индивидуальной религиозной принадлежности единственным установленным государством фактом является количество религиозных общин. Самый факт создания гражданами религиозного общества свидетельствует о социальном волеизъявлении какой-либо группы, и потому количество общин все же отражает объективную картину социальной активности верующих, в жизни которых религиозная мотивация играет значительную роль.

С точки зрения активного социального волеизъявления верующих, принимающих религиозную власть, можно выделить пять больших конфессиональных массивов, а также религиозные меньшинства и новые религиозные объединения:

1. Русская Православная Церковь – свыше 8 тысяч приходов и братств.

2. Мусульмане – 2,9 тысячи общин.

3. Христиане иных конфессий или юрисдикции – 4 тысячи зарегистрированных и не менее 1,5 тысяч незарегистрированных общин, например, старообрядцы (разных толков), римско-католическая, протестантские конфессии. Общая численность до 1 млн относительно активных человек.

4. Религиозные организации, имеющие исторические корни, но не имеющие значительного количества последователей, т.е. социальной базы: иудеи, буддисты, толстовцы, духоборцы, молокане, трезвенники, язычники, зороастрийцы. Многие религиозные движения существуют без регистрации, например, «скопцы» и «хлысты».

5. Новые религиозные объединения (для России): например, церковь Виссариона, «богородичники», «Свидетели Иеговы», «Общество Сознания Кришны», «Церковь объединения Муна» [3, с.43].

Приведенные данные говорят о достаточно большой социальной базе религиозной власти. Состояние религиозной власти определяется особенностями социально-политического развития российского общества. Современное состояние, анализ тенденций и перспектив позволя-

ет определить тенденции усиления религиозной власти в современном российском обществе:

- усилившаяся в условиях перехода к рыночной экономике потребность в психологическом утешении, в предсказаниях будущего;
- свобода религиозной пропаганды и открытость источников религиозных знаний;
- потребность населения в национальной и политической мифологии и в ритуале как художественной форме самоосмысления общества;
- разрушение сферы социальной помощи, обусловившее потребность как в бескорыстной заботе, так и в непосредственной магии, поэтому возрастает роль религии в предупреждении антисоциальных явлений [4, с.16–17];
- потребность в поддержке религиозной властью политических властей в легитимизации их населением.

Можно выделить и ослабляющие религиозную власть факторы:

- перерыв в 70 лет в преемственности взаимодействия религиозных объединений с населением, утрата ими прошлого и отсутствие нового опыта, а также невежественность нынешней политической элиты в религиозных вопросах;
- формирование всей современной культуры общества и общественного самосознания в секулярном качестве при господствующей роли науки, в отрыве от религиозных представлений или в негативном отношении к ним.
- дискредитация своей деятельности лидеров некоторых религиозных объединений, обнаружение в печати фактов продажи религиозными объединениями гуманитарной помощи, предназначавшейся беднейшим слоям населения России, кроме того, занятие не всегда чистоплотным бизнесом (торговля табаком, алкоголем, драгоценными металлами и т.д.), связь с криминальными структурами.
- главной потерей традиционных религий в средствах воздействия на массовое сознание является развитие современных средств массовой коммуникации и информации [5, с.215–216].

На современном этапе своего развития религиозная власть использует ресурс публичной демонстрации своей позиции по важнейшим вопросам внутренней и внешней политики: регулярные обращения к населению Патриарха, митрополитов, выступления служителей религиозных организаций в средствах массовой информации по моральным и духовным проблемам современности, публикации и обсуждения в

обществе социальной концепции. Важным каналом наращивания политического авторитета может являться демонстрация своих дружеских связей с политическими лидерами на всех уровнях. Естественно, при этом происходит обмен видами авторитета, но не всегда он эквивалентен. Как правило, он происходит по инициативе властей и то лишь в тех случаях, когда правящая элита нуждается в авторитетных ресурсах церкви. Можно почти с уверенностью предсказать, что как только церковь исчерпает свое влияние на население, она и ее авторитет утратят всякий интерес для центров политической власти России.

Литература

1. Вебер М. Избранное. Образ общества. – М., 1994.
2. Воробьева М. На пути к диалогу: религиозный выбор России // Религия и право. 2003. №2.
3. Полосин В. Религия и социальный охват населения // Религия и право. 1998. №1–2.
4. Михеев Р.И., Владимиров Д.А. Роль религии в предупреждении антисоциальных явлений // Религия и право. 1999. №2.
5. Чаплин С.В. Благая весть и «плохие новости»: христианские ценности в масс-медиа // Церковь и время. 2006. №2.

Д.А. Седлецкий

Имиджи российских лидеров: от Ельцина до Медведева

Появление имиджмейкерства в России связано с эпохой начала президентства Б.Н. Ельцина. Качества лидера и оратора были присущи ему, так как после окончания института он часто выступал на собраниях и руководил строительными бригадами. После окончания первого срока стало ясно, что переизбрание первого президента маловероятно. Тут на помощь и пришли имиджмейкеры.

Имиджмейкерство – тщательная подготовка кандидата к встречам с избирателями и прессой (здесь уделяется много внимания одежде, причёске, манере говорить, речевым ошибкам и особенностям, жестикуляции), чтобы подчеркнуть достоинства и положительные качества человека [1]. Были использованы средства имиджмейкинга, инструменты PR и рекламы [2]:

- позиционирование объекта;
- формирование благоприятного имиджа объекта;
- поддержание и возвышение этого имиджа;
- корректировка и изменение имиджа;
- ориентировка на конкурента, отстройка от него.

Данная система сработала, но далее Ельцин не смог руководить на нужном уровне. В этой связи полезно вспомнить высказывание Г.В.

Плеханова: «...личности, благодаря особенностям своего характера, могут влиять на судьбу общества. Иногда влияние бывает даже значительно, но как самая возможность подобного влияния, так и размеры его определяются организацией общества, соотношением его сил. Характер личности является «фактором» общественного развития лишь там, лишь тогда и лишь постольку, когда и поскольку ей позволяют это общественные отношения» [3, с.295]. С 1996 г. народные массы начали осознавать, что стране нужен другой лидер.

По поводу эффективности власти в Великобритании действует весьма важная аксиома – властные структуры должны работать эффективно, и все граждане должны быть убеждены в том, что они работают эффективно. «Население ждет от властных структур решения своих вопросов, а не рассказов о трудностях их решения. Власть – это символ решения проблемы, но не символ колебания или вопросительности» [4].

Ельцин уже не мог эффективно решать проблемы и добровольно передал власть В. Путину, причем нужно заметить, что образ «преемника» был полностью противоположен образу Ельцина, но соответствовал общественным ожиданиям. Было изучено много информации и приняты во внимание мнения специалистов, которые предлагали новые технологии формирования имиджа политического лидера в современной России. Формирование имиджа – двусторонний процесс, в котором участвуют избиратель и политик. Главной задачей лидера является создание образа, который будет соответствовать требованиям и ожиданиям избирателей.

В связи с этим стали развиваться политический консалтинг, PR-услуги и имиджмейкинг, а потребность в опытных специалистах в данной области постоянно росла. В последние годы появилось большое количество литературы, посвященной политическому лидерству. Над этой темой в наши дни работают такие ученые, как В.А. Колосов, В.С. Тикунов, В.А. Евсеев, Д.Н. Замятин, В.Л. Мартынов и другие.

На сегодняшний день конкуренция лидеров незначительна. Первый и второй сроки правления Путина прошли успешно, хотя это во многом связано с тем, что период с 2000 до 2008 гг. был очень благоприятен для России, так как цены на нефть оставались очень высокими. Путин постоянно ездил в другие страны на встречи с мировыми лидерами, он владеет несколькими иностранными языками, а его поведение и подготовка к стрессовым ситуациям просто поражают.

Образно говоря, власть сейчас сосредоточена «под Путиным», даже с учетом того, что с 2008 г. президентом является Д. Медведев. Преемник четко выполняет поставленные перед ним задачи, а вот основной работой занимается уже на посту премьер-министра сам Путин.

Главный инструмент формирования и поддержания имиджа на современном этапе – СМИ. Средства массовой информации находятся под контролем Кремля, поэтому в новостных выпусках и программах постоянно упоминаются Путин, Медведев и приближенные министры, а о других политиках почти ничего не слышно. Можно отметить отсутствие «здорового» политического лидерства, а формирование имиджа напрямую зависит от политической ситуации.

Высокий рейтинг Путина среди избирателей предоставил ему возможность обеспечить избрание предложенной им кандидатуры следующего президента. Еще при предварительном опросе избирателей максимальное число голосов получили Д. Медведев (37%) и С. Иванов (23%) [5]. Вопрос о том, станет ли президентом Медведев, был решен задолго до выборов.

Президентство Медведева началось с трагических событий на Кавказе, а также с началом мирового финансово-экономического кризиса. «В условиях кризиса мы все находимся в условиях стресса, – отмечает Игорь Юшко. – В этих условиях редкие люди способны сохранять хладнокровие, прагматизм и принимать адекватные решения в соответствии с ситуацией. Задача первого лица – быть таким человеком» [6]. Самый молодой президент России не был готов к такой ответственности, и на первых порах ходили слухи, что он хочет уйти с занимаемой должности.

Кризис сильно ударил по экономике всех стран, но цены на нефть опять ползут вверх, а доллар и евро сильно сбавили свои позиции. Это говорит о том, что после года кризиса страна и ее лидеры справляются с тяжелыми ситуациями. Немаловажно, что от этого Путин и Медведев набирают политические очки и укрепляют свои политические позиции. Происходит повышение значения личностного фактора, который всегда играл огромную роль в российский политике.

Следующие выборы должны состояться в 2012 г., и позиции Путина и Медведева сейчас довольно прочны. Сложно дать прогноз, как будет проходить кризис и насколько серьезное влияние он окажет на экономику нашей страны, но что касается политики, то основные позиции прочно закрепились за Путиным.

Свои позиции Путин укрепляет по всем направлениям, сюда можно отнести его работу по вступлению в ВТО, корректировку таможенных пошлин для защиты отечественного рынка и т.д. [7,8] Любые грамотно продуманные и четко выполненные действия будут прибавлять уверенности в избрании его на пост президента. Различные реформы внутри страны также не дают забыть людям о существовании лидера, а

имидж его формируется и укрепляется успешной работой на протяжении десятилетия в высших эшелонах власти.

Таким образом, в стране за постсоветский период произошло много изменений, которые отразились на отношении людей к власти и отдельным лидерам. Лидер должен постоянно меняться и подстраиваться под настроения и ожидания избирателей.

Литература

1. Левинтов А. Современные политические технологии в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vestnik.com/issues/98/0414/win/levin.htm>.

2. Терминологический аппарат имиджмейкинга [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://iptv.com.ua/ashow_1457.html.

3. Плеханов Г.В. К вопросу о роли личности в истории // Сочинения. Т. VIII. – М., 1958.

4. Почепцов Г.Г. PR для профессионалов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.library.cjes.ru/online/?a=con&b_id=330&c_id=2863.

5. Коммерсантъ. 2006. 15 декабря.

6. Пикалов М. Лидеры и кризис [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rb.ru/career/knowledge/leadership/2009/03/11/174630.html>.

7. Путин В.В.: Россия прекращает переговоры о вступлении в ВТО [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mbm.ru/newsitem.asp?id=76344>.

8. О повышении пошлин на иномарки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://auto.lenta.ru/news/2008/12/09/customs>.

Обсуждение в Интернете

Анонимно

30 Июнь, 2009 03:49 (UTC)

Тут лучше сказано:

«А.ГРЕБНЕВА: Сегодня «Независимая газета» написала о том, что в администрации президента создается специальная комиссия, которая будет заниматься улучшением имиджа России за рубежом, – будут специальные люди, во главе, как пишет издание, с Нарышкиным, заниматься улучшением нашего образа. Как вам кажется, нам еще что-то может помочь?

А.ПРОХАНОВ: Думаю, что нам можем помочь в этом смысле Абрамович, потому что он сейчас опять приобрел 25-ю яхту с двумя подводными лодками и четырьмя вертолетами и 70-тью палубами. И появление таких яхт в Бискайском заливе, на Карибах, в Средиземном море, в глазах европейцев или американцев будет восприниматься как потрясающее цветение русского государства, русского народа, и они будут миллионами

выходить на берег и аплодировать появлению этого великого русского деятеля, финансиста Романа Абрамовича. Вот здесь ему предоставлена огромная роль в улучшении нашего имиджа – как внутри России, так и за рубежом. Потому что, конечно же, чем больше Абрамович покупает яхт, тем все большим любимцем он становится в глазах русского народа, русского населения. Сейчас мне сказали, что оказывается, в эти трудные для страны времена, когда наши лидеры, финансисты, управленцы подвержены депрессиям в связи с кризисом, для того, чтобы они не чувствовали совсем обездоленными, Грефу, главе нашего Сбербанка, подарили «Майбах» сотрудники. Я считаю, что это правильно. Конечно, если бы Греф не имел такой машины, он бы перестал управлять нашими финансовыми потоками. Думаю, что чем больше в России будет таких явлений, как яхты, Абрамович и «Майбахи» Грефа, тем больше у нас будет Пикалевых. И Путин будет вынужден каждый уик-энд выезжать на очередное Пикалево, и в конце концов, он получит, помимо фамилии «Путин», приставку «Путин-Пикалевский» – ведь был же у нас Потемкин-Таврический, Орлов-Чесменский, Суворов-Рымниковский. Пусть будет теперь Путин-Пикалевский. И чем больше у нас наша элита будет демонстрировать это свинство, эти страшные пороки, эту мерзость, которая заставляет их, эту элиту, приходить на «Аврору» и устраивать там омерзительные вечеринки, отвратительные глумления, святотатства, тем больше придется нашему премьеру не заниматься оперативным управлением экономики, а болтаться по стране и гасить эти восстания и бунты...»... <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/599327-echo/>.

Е.П. Сигарева
Западный взгляд на демографию России

Усиление роли России на международной арене в новом тысячелетии обострило и информационную войну, существенным элементом которой является демографическая сфера. Демографический имидж государства, являясь частным случаем общего имиджа страны, может и реально отражать специфику демографических процессов, и намеренно искажаться. В этом смысле современный образ демографического настоящего и будущего России является неустойчивым как во внешней, так и во внутренней ориентации.

Во внешней сфере, то есть на международном уровне, демографический имидж России подвергся серьезному пересмотру, обусловленному двумя факторами: развалом СССР и депопуляцией. Геополитические позиции России, ее витальный показатель – соотношение территории и населения, – требовали нового позиционирования. Вместо СССР, являвшегося самой крупной по территории страной и входив-

шего в первую тройку государств по численности населения, с растущим населением, предстала страна с огромной территорией, но стремительно сокращающимся населением и такими экономическими проблемами, которые «ломали» прежнее представление о ее геополитической роли. Вступление новой России в депопуляционную стадию демографического развития вызвало шквал футуристических оценок ее исчезновения. Особенно бесперспективно выглядит народонаселение России за ее пределами, то есть, внешний демографический имидж. Даже если только перечислить названия статей, которые появляются в средствах массовой информации ряда стран мира, демографический образ России в них дает основание предполагать, что это страна, с которой можно будет постепенно перестать считаться: «Россия вымирает» («Salon24», Польша); «Российский народ вымирает рекордными темпами от болезней, самоубийств, алкоголизма и наркомании» («Los Angeles Times», США); «А если Россия исчезнет?» («La Vanguardia», Испания); «Русские скоро кончатся» («The Wall Street Journal», США); «Смерть России» («Wprost», Польша); «Россия совершает демографическое самоубийство» («The Economist», Великобритания); «Слишком мало и слишком поздно для России» («Japan Times», Япония); «Демографическая пустыня России» («Le Monde», Франция); «Мужчинам России грозит вымирание» («Die Welt», Германия); «Все говорит о том, что Россия – недееспособное государство» («Japan Times», Япония). После появления данных очередного прогноза Департамента экономических и социальных дел Секретариата ООН до 2050 г. перспективы демографического развития России стали признаваться неутешительными.

Обладая огромными ресурсами и территорией, Россия обречена встать в оборонительную позицию за них в перспективе. Уже сейчас раздаются голоса в поддержку геополитических изменений в ущерб России. Так, авторы нашумевшей книги «Проклятие Сибири» Фиона Хилл и Клиффорд Гэдди объясняют, что «огромные размеры России – не сила, а недостаток, который следует преодолевать. Они создают особые проблемы в сферах экономической конкурентоспособности и эффективного управления». И далее: «русским необходимо начать считать огромные пространства к востоку от Урала российскими, но не Россией». Основная рекомендация этих специалистов – проводить «политику депопуляции» сибирских территорий и вывезти российское население в европейскую часть. Другой источник – «Российский региональный экологический центр», позиционирующий себя как «независимую российско-европейскую организацию, внедряющую передовые идеи, стандарты и лучший мировой опыт для экологического бла-

гополучия России», организовал конференцию «Ресурсное проклятие» для стран-экспортеров нефти», в пресс-релизе которого звучит: «Вместо экономического развития, поддерживаемого эксплуатацией природных ресурсов, в таких странах наблюдаются бедность, коррупция, политическая нестабильность и даже гражданские войны...». В более серьезных источниках, докладе, который представил Национальный разведывательный совет (НРС) – главный консультационный орган директора Национальной разведки США Майкла Макконнелла, говорится, что в ближайшие десятилетия «стратегическое соперничество, вероятнее всего, будет происходить вокруг торговли, инвестиций и технологических новшеств, и мы не можем исключить того, что события станут развиваться по сценариям XIX столетия с его гонкой вооружений, территориальными экспансиями и военным соперничеством». Отмечая имеющийся потенциал России, Макконнелл признал, что России «нужно будет больше интегрироваться в мировую экономику, стать более открытой для внешнего мира, противодействовать своим весьма негативным демографическим тенденциям, заниматься проблемами здравоохранения и нехватки капиталовложений».

Попытки закрепить за Россией образ «умирающей страны» обосновываются различными теориями. Это и теория «демографического перехода», которая почему-то именно в России имеет принципиально иные проявления, и теория «Северного кольца» в связи с которыми «Россия – часть развитого «Севера», и население России, так же как и население всей Европы, обречено на сокращение». Это и теория объективной природы, то есть глобальных закономерностей, а также структурно-демографическая теория, разработанная в знаменитом Институте Санта-Фе (Santa Fe Institute), согласно которой демографический рост – один из основных процессов, ведущих к революциям и политической нестабильности. Более того, западные СМИ стараются акцентировать внимание на тотальности демографической катастрофы в России. Это выражено, во-первых, в том, что, несмотря на то, что подобные демографические проблемы имеют и другие страны, подчеркивается, что «Россия любит крайности. Если в Западной Европе существуют демографические проблемы, то в России складывается демографическая катастрофа». Во-вторых, тотальность демографического «коллапса» связывается почти со всеми социально-демографическими показателями: сокращение численности населения, соотношение «коренных русских» и «покоренных народов», продолжительность жизни, снижение рождаемости, политика в демографической сфере, урбанизация, мигрантофобия, алкоголизм, распространение ВИЧ-инфекции, смертность в дорожно-транспортных авариях и

т.д. Находится любой повод для того, чтобы сформировать негативное представление о демографических перспективах России. Даже когда имеются позитивные явления в современных процессах, акцентируется внимание на их исторических максимумах. Например, начиная с середины 1960-х годов, когда в России наблюдался максимальный уровень аборт, к настоящему времени абсолютный показатель их снизился более чем в 3 раза и продолжает устойчиво снижаться. Но и эта тема становится инструментом формирования демографической репутации России. Так в Италии («Il Foglio») выходит статья «Бойня под названием Советский Союз или 250 миллионов жертв государственного аборта и исчезнувшие журналы учета», где прямо заявляется, что «коммунистический режим ежегодно в течение тридцати пяти лет опустошал по семь миллионов колыбелей». Такую трактовку трудно назвать просто тенденциозной, она явно носит недружественный характер, граничащий с враждебным не только по отношению к прошлому, но и к современному имиджу России.

Характер стереотипов, представленных в качестве внешнего демографического образа, а также интенсивность и актуальность воздействия на зарубежную аудиторию свидетельствует о том, что формирование определенного образа России в части ее демографического развития хорошо организовано и целенаправленно, но не самой Россией. Такая политика направлена на подготовку мирового сообщества к пересмотру геополитических императивов России. Иллюстрацией целенаправленного долгосрочного формирования общественного мнения с последующей утратой территории России является описание «постепенного отделения Финляндии» в XIX веке, сделанное генерал-адъютантом, военным министром России А.Н. Куропаткиным в книге «Русско-Японская война, 1904–1905: Итоги войны».

Негативный демографический имидж России становится дополнительным импульсом к политике территориальных претензий со стороны соседних государств. Так, например, обострились в последнее время споры вокруг так называемых «северных территорий». В мае 2009 г. премьер-министр Японии Таро Асо заявил, что считает острова «незаконно оккупированными» и ждет разъяснений от России. Российский МИД выступил против подобных заявлений, назвав их необоснованными. О необходимости воздержаться от риторики по теме островов японскому премьеру заявил российский президент Дмитрий Медведев. А уже в июне 2009 г. нижняя палата парламента Японии одобрила законопроект с призывом о скорейшем возвращении так называемых «северных территорий», под которыми подразумеваются российские Южнокурильские острова.

Не занимаясь собственным демографическим имиджем сейчас, не привнося новую позитивную информацию в международное коммуникативное сообщество, Россия, возможно, будет вынуждена приложить более существенные усилия в дальнейшем для более адекватного позиционирования ее на международной арене.

К.И. Усович

Глубинный имидж России в парадигме мифологического мышления

Язык образов как метаязык задает своеобразную семиотическую схему, кодирующую глубинные психологические структуры в неразложимые сознанием цельности. Элементы метаязыка, по А.Б. Островскому, «как раз представляют структуральные отношения в данном варианте явления», а парадигматический компонент семиотической схемы представляет собой операции мышления людей, использующих данную схему» [1, с.182]. Общность и инвариантность схем для носителей конкретной культуры позволяют использовать образный ряд мифологического мышления для анализа коллективных представлений искомого социально-политического образования, в том числе и для территориально-государственных субъектов.

Укрепление позитивного образа своей группы связывается социологами прежде всего с конструированием группой социальных представлений о своем прошлом, соответствующих современным ценностям, моральным принципам и потребностям. «Защита собственной позитивной идентичности... может считаться доказанной устойчивой социально-психологической закономерностью» [2, с.400]. В качестве основного цементирующего механизма обретения социальной идентичности в указанной работе рассматривается установленный М. Хальбваксом феномен «коллективной памяти». В своей глобальной функции коллективная память, по М. Хальбваксу, фиксирует «ностальгическую» позитивную образность прошлого, в своей групповой функции – реконструирует прошлое, приспособлявая его к задачам современности. Мифологическое мышление позволяет избежать психологического вытеснения из коллективной памяти травмирующих событий прошлого при реализации первой функции и устранить эффекты политической конъюнктуры и стереотипизации при реализации второй функции, объективируя глубинные схемы. Образ группы как целого в этом случае воспринимается сознанием в форме персонажа аутентичной мифологии, совпадая с архаическим первообразом, «дремлющим» в недрах психики и составляющим содержание коллективного бессознательного. В данном аспекте можно говорить о новой –

синтетической – функции коллективной памяти, реализующейся в мифологическом мышлении.

Применительно к рассматриваемой проблематике важно отметить, что если групповая функция коллективной памяти более релевантна имиджевому, а глобальная функция – брендинговому подходу к формированию имиджа (в классификации Д.П. Гавры), то мифологическое мышление позволяет делать прогностические, преимущественно маркетинговые и геополитические выводы относительно позиционирования образа России в коллективных представлениях внешних и внутренних наблюдателей.

В мифологическом мышлении осознание социальной жизни как драмы мифологических образов, по меткому выражению С.М. Даниэля, «становится психологическим инструментом сегментации временного потока как переклочения с непрерывного на дискретное, дробления» [3, с.199].

Мифодрама оказывается промежуточным кодом между жизнью и метафорой, вычленив в динамической непрерывности реальности целостные дискретные единицы, которые мы здесь интерпретируем как имиджи. При этом ролей-имиджей несравнимо меньше, чем их носителей.

Задача распознавания глубинного имиджа государства сводится к отождествлению образов главных политических игроков и того символического действия, в которое вовлечены их первообразы (глубинные имиджи) [4]. Мнение о государстве в целом складывается в зависимости от характера установленного действия. Механизмы преобразования мифодрамы в моделирующий паттерн подобного действия, обладающий практической объясняющей силой, выявлены автором на примере диагностики имиджей первых лиц России XVI-XVII вв. [5]

В качестве главных участников драматургического процесса рассматриваются прежде всего первообраз первого лица государства (вождя, президента, царя), собирательный образ политической элиты и идентификация коллективного бессознательного остальной части населения (народа). В системе измерений имиджа [6] принятое разбиение соответствует личностной, групповой и массовой составляющим имиджа.

В той же классификации рассматриваемый имидж определяется как «мягкий» (soft), поскольку опирается на структуры коллективного бессознательного. На наш взгляд более предпочтительным оказывается термин «глубинный имидж», отсылающий к достижениям глубинной психологии и уже введенный ранее в научный оборот [7, с.380]. Кроме того, указанный имидж можно считать «мягким» только пока он не распознан коллективным сознанием. В случае его распознавания система или политик жестко

обречены на ношение естественного имиджа, что часто используется при «черном пиаре», хотя может и должно быть использовано для позитива.

Важный вклад в формирование имиджа страны вносит политическая элита, находящаяся у власти. Согласно теории Вильфредо Парето, элита – это избранный элемент населения, к которому приспосабливается остальная его часть. Между низшими и высшими частями общества должна происходить ротация, иначе срабатывает закон «стагнации элит», и элита начинает выполнять деструктивную функцию. Согласно эволюционному и социобиологическим данным, роль элиты является критической для выживания популяции в природе и обществе. Если элита пользуется всеми элитарными преимуществами, но не выполняет элитарных функций, она превращается в псевдоэлиту и дезориентирует население (Ю.И. Новоженев).

Вместе с тем элита в значительной мере олицетворяет страну и общество, формирует ее политическое и экономическое пространство. Элита может идентифицироваться с вождем, может идентифицироваться с народом, но возможно и ее собственное глубинное взаимодействие с тем и другим, тогда она играет самостоятельную роль.

Итак, выполнив диагностику глубинных имиджей ключевых политических игроков (по методике автора), сформулируем их социальные роли на языке, наиболее близком к российской социоментальности. В отечественной литературе наиболее выдающийся вклад в структуризацию корневой образности внес В.Я. Пропп. На примере сюжетов волшебной сказки он убедительно раскрыл типовой характер основных схем символического поведения народа [8, с.144]. Используя подход В.Я. Проппа, приведем установленные социальные роли в различные периоды истории России для лидера, элиты и народа (см. табл.1).

Каждая из указанных социальных ролей, имея в основе конкретный глубинный имидж, являет совокупность структуральных отношений, регламентирующих логические связи между персонажами. Выход за рамки этих отношений, нарушающий высший порядок сакральных смыслов, онтологически запрещен. Выход из роли означает либо ритуальный переход в другую роль, либо дезориентацию. И в том, и в другом случае система ввергается в хаос, рушатся связи и, что особенно важно, теряются источники собственных ресурсов – система начинает поглощать внешнюю энергию, чтобы перейти в новый режим функционирования. Ключевым фактором самоорганизации в этом процессе является социальная роль лидера.

Таблица 1. Социальные роли в истории России

	Иван Грозный, XVI в.	Династия Романовых, XIX в.	Иосиф Сталин, XX в.	Современность, XXI в.
Лидер	Мастер	Царь-отец	Отшельник-диктатор	Бифуркация роли
Элита	Солдат	Почва-мать	Солдат	Солдат
Народ	Неверная жена	Дочь царя	Похищенная дочь царя	Дезориентация

1. Иван Грозный. Социальная роль Мастера, диагностируемая у данного лидера, предполагает инструментальный подход к управлению и внедрение ее носителем креативных политехнологий, укрепляющих авторитарную власть. Одной из таких технологий стала, например, опричнина. Социальная роль Солдата предполагает перманентную готовность к участию в вооруженном противостоянии (войне) с использованием доступного арсенала тактико-технических средств. Война понимается в традиционном смысле, но может быть также идеологической, экономической, информационной. В период правления Грозного войны велись реальные, и военной элитой того времени было боярство. Структуральные отношения Мастера и Солдата можно охарактеризовать одним словом – взаимоуничтожение. Не случайно царь Грозный уничтожал свою элиту. Народ же в отношении венчанного на царство монарха играл роль законной жены, заигрывающей с боярством, так как боярство было крупным землевладельцем. Собственно, главной задачей опричнины и была задача изъятия земли у бояр.

2. Династия Романовых в XIX в. Явила семейный тип структуральных отношений. Ярко выраженная отцовская роль царя; народ как его покорная дочь; помещичья элита, живущая с земли как мать-хозяйка; а также неудавшаяся попытка Солдата по старинке вмешаться в эту семейную идиллию (декабристы) и вернуть себе статус элиты.

3. Иосиф Сталин. В своей роли Отшельника – диктатора организовал похищение дочери царя (народа), и сделал ее своей царицей, т.к. большинство управленческих решений принималось от имени народа. Структуральные отношения в этом примере близки к идеальным и имеют мощную глубинную подпитку. Однако рожденная революцией и Гражданской войной элита противостоит этому тандему и играет самостоятельную роль. Совсем уничтожить идеологическую элиту нельзя, так как она охраняет диктатора. Отсюда принцип ротации кадров: элита виртуально есть, но персоналии постоянно меняются.

4. Современная Россия. Лидерство в России находится в точке бифуркации, идет сложный процесс выявления национального лидера.

Народ глубинно «не чувствует» властного ориентира и потому дезориентирован. Финансовая элита, этот экономический Солдат, в силу социальной роли не в состоянии дать такой ориентир из своей среды. Кроме того, имидж Солдата негативно воспринимается цивилизованной частью внешнего окружения России.

Изменить имидж России – означает перевести ее на рельсы другого мифологического сценария. В качестве такого сценария, как уже было ранее установлено автором, можно рассматривать структуральные функции греческого мифа о Пелопе [5].

Литература

1. Островский А.Б. Парадигма мифологического мышления: очерк вклада К. Леви-Строса. – СПб., 2004.
2. Емельянова Т.П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. – М., 2006.
3. Даниэль С.М. Картина классической эпохи. – Л., 1986.
4. Усович К.И. Власть как мифологический феномен // Материалы Пятых этнографических чтений. – СПб., 2006.
5. Усович К.И. Диагностика имиджа топ-менеджера (на фокус-группе русских царей): царь Лжедмитрий I // Управление персоналом. 2008. №3.
6. Гавра Д., Савицкая А. Структурная модель имиджа государства/региона для внешних и внутренних аудиторий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.statebrand.ru/rabochie_materialy.
7. Доценко Е.Л.. Глубинное имиджирование // Имиджелогия – 2004: состояние, направления, проблемы. – М., 2004.
8. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. – М., 2003.

Секция 3. РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ В ФОРМИРОВАНИИ ИМИДЖЕЙ РЕГИОНОВ

В.П. Андреев

Томская область: политические лидеры и имидж региона

Сегодня уже прозвучала мысль о том, что наряду с процессами глобализации в мире идет достаточно эффективный процесс регионализации. С начала 90-х гг. с исключительной динамикой этот процесс идет в России.

Что касается предмета моего выступления, Томской области. Она предстает сейчас в совершенно иных границах, и я напомним, как возникла Томская губерния. Томская область объединяла до 1917 г. нынешнюю Томскую, Новосибирскую, Кемеровскую области и Алтайский край. Это был второй по численности населения регион страны, а по территории также был весьма значителен. Одна из томских фобий как раз состоит в том, что Томск терял значение как центр. Он стал лишь центром региона. Новосибирские домогательства, новосибирский пансибиризм, что всех надо объединить под новосибирской шапкой, является для Томска в определенной степени головной болью. Я думаю, что ещё идет поиск места региона, и в этом поиске большое значение имеют его лидеры.

Наши региональные лидеры – выходцы из партгосноменклатуры. Здесь советские мотивы достаточно четко прослеживаются. Так случилось, что политики перестроечной волны у нас не удержались. Один из них, Сулакшин, оказался в Москве, и вот такое резкое выдвижение провинциальных лидеров на московский олимп в политологии называется «синдром Голика». (Голик – один из доцентов, юристов Кемеровского университета).

Биография у этих лидеров перестроечной волны была удачная. Один из них ректор, два других создали коммерческие вузы. Так случилось, что в значительной степени они «птенцы Лигачева» и сейчас в огромной степени определяют политику.

Наш спикер Мальцев закончил Томский инженерно-строительный институт. В лигачевские времена ТИСИ – это кузница партийных и советских кадров. Из четырех глав администраций Томска трое являются выходцами из ТИСИ. В Областной администрации их тоже достаточно много. В выдвижении Мальцева Лигачев в свое время сыграл

исключительную роль. Огромные программы строительных работ, которые были развернуты, дали возможность подающему надежду прорабу, начальнику цеха стройматериалов одного из заводов, быстро выдвинуться. Во времена Лигачева он стал управляющим Томглавстроя, который был одним из тех, кто строил Нефтехим. Типичнейший номенклатурщик, но в условиях постсоветского времени прошла определенная трансформация, и он стал политическим лидером. В отличие от Кресса, который не наделен ораторскими данными, Мальцев любит выступать, обладает коммуникативными способностями. Но строительное образование и отсутствие гуманитарного его часто подводит. Впрочем, может это только я такой, что считаю ошибки, которые он делает: путает Теодора Рузвельта с Франклином, некоторые выступления иногда носят непродуманный характер и т.д. Всё это вызывает язвительные замечания томской профессуры, так как имидж Томска сформировался ещё в дореволюционное время, наследован был в советское время – это образовательно-научный комплекс.

И Мальцев, и Кресс первоначально недооценили значимость научно-образовательного комплекса. Более того, вряд ли кто-то из томских журналистов рискнет напомнить одно из неудачных, на мой взгляд, выступлений Кресса, когда было сказано, что научно-образовательный комплекс Томска избыточен. Дескать, чуть ли не реструктуризацию надо делать, как шахт Кузбасса. Но достаточно быстро и тот и другой сориентировались и, я думаю, что и тот и другой лоббируют томскую науку. Не случайно, что два томских университета попали в число инновационных. Все томичи понимают, что реальные результаты будут очень не скоро. Но это дало Томску выйти на уровень не только все-российский, но и мировой.

Наш спикер входит в Европейскую ассоциацию региональных лидеров и это дает возможность того, что наш регион становится узнаваемым.

Стремление получить раскрутку иногда приводит к тому, что томичи первые испытывают на себе те или иные удары реформ. Нас приучили в годы перестройки негативно относиться к революции, а в 90-е гг. нас приучили вздрагивать при слове «реформы». Томичи в Сибири первые стали вздрагивать от коммунальной реформы. Желание получить раскрутку у Кресса было велико и мы стали инициаторами этой реформы, и первыми тарифы поднялись у нас.

Следующий момент, который потом вызвал шок у региональной власти – это ситуация с пенсионерами в 2005 г., монетаризация льгот и т.д. В спокойном Томске пенсионеры перекрыли проспект Ленина, а тот, кто был в Томске, знает, что кроме проспекта Ленина негде про-

ехать. Движение встало, пенсионеры заблокировали Белый дом. Затем пропустили три грации (томичи знают – это ныне покойная профессор Сухотина, профессор Кисельникова и доцент Хлыстова). Они разъясняли томским властям, что значат интересы пенсионеров. Томская власть явно оказалась не на высоте положения, не сумела в той или иной степени оценить ситуацию. В соседнем Кузбассе, к слову сказать, Тулеев не стал торопиться с монетизацией льгот и такого взрыва не было.

«Золотым веком» для Кресса стало начало XXI столетия, когда его рейтинги чрезвычайно росли, также были неоднократные визиты Путина, и он был в числе пятерки самых видных региональных лидеров. А монетизация льгот, выступление пенсионеров привели к тому, что рейтинги Кресса резко упали. Более того, в Томске заговорили, что готовится смена губернатора и т.д. Разговоры идут 4 года. Пока Кресс у руля.

Думаю, что если наши региональные лидеры сумеют соответствующим образом пролоббировать возможности научно-образовательного комплекса, это даст возможность ещё несколько лет держаться на своих постах. То есть всё зависит в нынешних условиях от позиции Центра.

Ещё один важный момент, который я хотел бы отметить, и который в Томске постоянно подчеркивается – это медийная толерантность. Вот, дескать, в соседнем Кузбассе установился автократический региональный режим, а у нас есть оппозиционные газеты, круглосуточные передачи «Эхо Москвы» и т.д. Подчеркивается, что среди руководителей области и одно время пресс-атташе у Кресса была одна из лидеров перестроечной волны Нелли Кречетова. Она всегда была в правом движении, была первым секретарем Обкома партии Союза правых сил. Сейчас Союза правых сил нет, но её не исключают, не отправляют никуда и не меняют партийный билет. С другой стороны, тогда, когда надо, региональные лидеры действуют достаточно жестко, но в правовом поле. Когда не понравилась пара статей в «Томской правде», науськали прокуратуру, она завалила штрафами СПС, и газета «приказала долго жить».

Ещё один пример, когда были губернаторские выборы. Неадекватные действия на этих выборах предпринял соперник Кресса Деев. Что он сделал? Узнав, что студгородки никогда не ходят на выборы, он приехал в студгородок ТИСИ с пятью ящиками пива и сказал: «Ребята, играем в футбол!». Ребята вышли, поиграли в футбол, попили пивка и на следующий день без всякой агитации проголосовали за Деева. После этого наш губернатор проявил исключительную строгость. Ректор

Рогов пошел на ковер и там ему объяснили, как надо голосовать. А Рогов ведь вице-президент Ассоциации ректоров России, тем не менее ему пришлось отвечать за отсутствие воспитательной работы среди студентов. Так что наша толерантность весьма относительна.

Мне представляется, что у нас региональные лидеры находятся у власти с начала 90-х гг. и так получается, что равноценной замены им нет. Шли разговоры о Наговицыне, но он теперь является руководителем в Бурятии и т.д. Кажется так, что наши лидеры вроде бы на местах, они имеют соответствующие рейтинги всероссийского уровня, но кто заменит их, сказать будет весьма непросто. По новой процедуре должен быть кто-то из «Единой России», но никого равноценного нет. Кресс долгое время находил общий язык с представителями научно-образовательного комплекса, а остальным, тем, кто находится в Администрации, потребуется очень много времени, чтобы их оценили, потому что томский профессор всегда скептически смотрел и на партийную власть, и на нынешнюю демократическую.

Б.Л. Вишневский

Роль политических лидеров Санкт-Петербурга в формировании имиджа региона

Анатолий Собчак пришел к власти (в мае 1990 г. он был избран председателем Ленсовета, а в июне 1991 г. — мэром, которым оставался до проигрыша на выборах Яковлеву в июне 1996 г.) как харизматический лидер, революционер, реформатор и демократ. Но вовсе не он создал для Петербурга имидж города «демократической революции», этот имидж был завоеван еще до того, как Собчак возглавил Ленсовет.

Весной 1989 г. на выборах народных депутатов СССР горожане провалили шестерых членов бюро обкома КПСС из семи, а весной 1990 г. победу на выборах в Ленсовет одержали кандидаты блока «Демократические выборы-90». Собчака среди них не было: выиграв выборы народных депутатов СССР, он первоначально не собирался участвовать в выборах в Ленсовет. Но затем, когда попытки выбрать председателя Ленсовета закончились неудачей, Собчака «призвали», как «варяга», он выиграл выборы по свободному округу, и стал председателем.

В представлении Собчака, Петербург должен был быть российским финансовым центром — и во время его правления в городе один за другим открывались филиалы иностранных и российских банков. Собчак видел город западноевропейским и великосветским — и все это время активно укреплялись связи с Европой, и приглашались в гости потомки царской семьи. Собчак видел город культурным центром России — и в нем постоянно устраивались соответствующие мероприятия.

Собчак видел город туристическим центром – и в городе расцветал соответствующий бизнес... И все это связывалось с именем мэра, который вел себя не столько как глава региона, обязанный решать хозяйственные вопросы (в этих вопросах Собчак разбирался из рук вон плохо), сколько как президент вольного города.

Между тем, разваливались оборонные предприятия, где Анатолию Собчаку рукоплескали в 1990-м, вузы жили на голодном пайке, активно поддерживавшая перестройку научно-техническая интеллигенция чувствовала себя обманутой. Тех, чьи доходы не дотягивали до среднего уровня, начинали пугать заявления мэра о том, что Петербург должен стать городом богатых. Из уст в уста пересказывали советы, которые, якобы, давал просителям Собчак: не можете справиться с трудностями, продавайте свои квартиры и уезжайте в города попроще. Одни отказывались верить в то, что демократ Собчак может давать такие советы, другие начинали думать, что слухи о его демократизме сильно преувеличены. Закончилось все это поражением на выборах от собственного первого заместителя – вызванным, большей частью, вопиющим разрывом красивого слова и реального дела.

Отметим, что с именем Собчака в общественном мнении прочнейшим образом связано возвращение городу его исторического имени Санкт-Петербург. Даже на памятнике первому мэру северной столицы написано: «вернувшему имя городу». Но это не более, чем миф, хотя и крайне устойчивый: на самом деле, Собчак выступал против переименования города, заявлял, что это «оскорбит память блокадников», и что это «очень дорого». Не Собчак, а депутаты Ленсовета без какого-либо его участия в мае 1991 г. назначили референдум о возвращении городу исторического имени, а затем жители большинством голосов поддержали это предложение. Но затем все заслуги были приписаны Собчаку...

Сменивший Собчака Владимир Яковлев был лидером совсем другого плана. Не харизматический, а «инструментальный» лидер, очевидный консерватор и так называемый «крепкий хозяйственник». Он и выборы выиграл, противопоставив образ «трудяги» – «политику» Собчаку, не способному решить проблемы городского хозяйства.

Оппоненты презрительно именовали его «сантехником», но надо признать, что в середине 90-х годов Петербург находился в таком экономическом состоянии, что больше нуждался в управлении со стороны хозяйственника, чем политика. К тому же, «сантехник» обзавелся вполне профессиональными городскими «министрами»: так, возглавивший финансовое направление первый вице-губернатор Игорь Артемьев добился того, что бюджет расплатился с неподъемными долгами и стал бездефицитным, а когда грянул кризис 1998 г. – Петербург

оказался едва ли не единственным регионов, который выполнил все свои обязательства перед кредиторами.

В отличие от Собчака, Яковлев стремился превратить город в транспортно-торговый центр. При нем начал активно лоббироваться проект строительства КАД – кольцевой автомобильной дороги вокруг города, а также проект ЗСД – западного скоростного диаметра, обходящего город с запада. Оба этих «проекта века» должны были обеспечить, в первую очередь, транзитное сообщение – чтобы поток грузов не должен был проходить через перегруженный город и его центр. Также при Яковлеве начали реализовывать скандальный проект строительства транспортно-коммерческого центра РАО ВСМ у Московского вокзала. РАО ВСМ взяло на эту стройку гигантские кредиты, и губернатор добивался, чтобы город предоставил по ним свои гарантии. И если бы Законодательное Собрание не отказало в этом – питерский бюджет впоследствии, когда РАО ВСМ фактически обанкротилось, вынужден был бы платить около 90 миллионов долларов.

А еще в «яковлевскую» эпоху город получил недобрую славу «криминальной столицы» – перечень политиков и крупных бизнесменов, ставших жертвами покушений, впечатляет. Вице-губернатор Михаил Маневич, депутат Госдумы Галина Старовойтова, вице-спикер Законодательного Собрания Виктор Новоселов, бизнесмены Дмитрий Филиппов, Виктор Капыш, Михаил Ошеров, Дмитрий Варварин... Большая часть убийств так и не раскрыта. И именно в эпоху Яковлева сложилось устойчивое мнение о том, что городская власть прочно связана с «авторитетными» бизнес-группировками, и нередко действует в их интересах. Образ «криминальной столицы» начал уходить в прошлое лишь в «эпоху Матвиенко» – но не потому, что криминал был побежден, а потому, что бизнес начал «крышеваться» не криминалом, а властью, которая стала главным коммерческим игроком в городе.

Валентина Матвиенко, избранная губернатором в октябре 2003 г., обещала соблюдение прав граждан, свободу СМИ, диалог между гражданами и властью и экономическую модернизацию.

По своей натуре Матвиенко – харизматический лидер (как и Собчак), но консерватор (как и Яковлев). Образ, который ей тщательно выстраивают придворные СМИ – это образ «Хозяйки» города, все держащей под контролем, и во все при необходимости вмешивающейся. Имидж Петербурга (желаемый и пропагандируемый) – город «европейских стандартов», и «инвестиционная столица России». Инвестиции во все возрастающих объемах – вот мерило успешности экономической политики питерской администрации, затевающей один «амбициозный проект» за другим.

Экономическое процветание на несколько лет было обеспечено - во-первых, на фоне благоприятной нефтяной конъюнктуры (чего не было ни при Собчаке, ни при Яковлеве), а во-вторых, за счет административного переманивания (здесь важнейшую роль сыграли связи Матвиенко с Владимиром Путиным) так называемых «крупных налогоплательщиков». «Сибнефть», Внешторгбанк, «Совкомфлот», «Транснефтепродукт». «Трансаэро» и другие компании были перерегистрированы в Петербурге – резко пополнив его бюджет. Но, поскольку этих денег лишились регионы (самый яркий пример – Омская область, оставшаяся без налоговых платежей «Сибнефти»), то Петербург получил тот имидж, который ранее имела Москва – имидж столицы, которая живет за счет ограбления провинций. И роль Матвиенко в этом переоценить трудно.

Что касается других составляющих имиджа города, то важнейшее (и крайне негативное) изменение в нем столь же прямо связано с нынешним губернатором и ее политикой. Начиная с осени 2004 г., когда выборы губернаторов были отменены, у Матвиенко остался единственный избиратель – это президент. И с этого момента губернатор начала не просто игнорировать общественное мнение – она начала делать это агрессивно, всячески показывая, что не собирается с ним считаться, и «не будет принимать решений под топот ног», независимо от того, что скажут оппоненты.

«Уплотнительная застройка», дискриминация малого бизнеса, уничтожение торговых павильонов на остановках, лоббирование «амбициозных проектов» (строительство нового порта и «намыв» новых территорий на Васильевском острове, строительство «Китайского квартала» и Орловского тоннеля, и, конечно же, «Охта-центр») – все это происходило по одной и той же схеме: «как я сказала, так и будет».

Подобный «самодержавный» стиль правления (увы, вполне созвучный стилю правления всей страной в эту же эпоху) достаточно быстро обеспечил Петербургу имидж не демократичного и прогрессивного, как прежде, города, а напротив – имидж одного из оплотов путинской реакции.

Петербург оказывался в центре одного скандала за другим. Массовое выселение «гаражников», которым дают мизерные компенсации (при этом губернатор заявляет, что никому не позволит «наживаться за счет бюджета») и «великодушно» предлагают покупать места в паркингах. Нарастание числа обманутых дольщиков, голодавших даже в Москве, и уверенных, что те, кто их обманывает, действуют в сговоре с чиновниками. Силовые разгоны акций протеста и их запрет под абсурдными предлогами – о чем становилось известно далеко за пределами Петербурга. Нарастающая «глухота» к общественному мнению –

под громкие заявления о «прозрачности власти» и ее «ответственностями перед жителями»...

И, наконец, – «прославившая» Валентину Матвиенко на всю страну градостроительная политика, связанная с разрушением исторического центра Петербурга во имя аппетитов «инвесторов». При этом губернатор неизменно заявляла, что «в музее нельзя жить», что «невозможно вернуть Петербургу блеск, законсервировав город», а противников своей градостроительной политики презрительно называла «крикливыми защитниками исторического центра», «группами доброхотов», которые «зомбируют население», и «искусственно поднимают градус общественного волнения, нагнетают истерию и собирают подписи под открытыми письмами»...

В последнее время, впрочем, линия поведения разительно переменялась: теперь Матвиенко рассказывает, как важно сохранить уникальный исторический центр Петербурга, уверяет, что «сбережение наследия – императив», и объясняет, что именно администрация и есть самый главный хранитель и защитник этого наследия.

Почему так происходит – понятно: ни одна из городских проблем не вызвала за последние годы такого объединения людей самых разных взглядов, возрастов и профессий в движении сопротивления смольнинской политике, как проблема сохранения исторического облика Петербурга. По мере того, как в угоду «инвесторам» уничтожается город, все больше и больше людей осознает чудовищность происходящего – и даже те, кто раньше никогда не решался на что-либо подобное, поднимают свой голос, преодолевая равнодушие и страх. Игнорировать это власть уже не может – вот и меняет тактику, рядясь в маску защитника исторического Петербурга. Но вряд ли это может обмануть тех, кто внимательно следит за ее политикой.

Д.В. Воронин

Имиджевая политика лидеров Кузбасса и формирование образа региона

Важным составным элементом в формировании образа региона является имиджевая политика его лидеров. Наиболее ярко и полно в этом можно убедиться на примере Кузбасса. Целенаправленное, продуманное создание позитивного образа региона привело к желаемому результату. Об этом свидетельствует тот факт, что даже далеко за пределами Кемеровской области у многих россиян сформировался позитивный образ региона, в котором его руководители проводят активную социальную политику, способствуют динамичному развитию области.

Начавшаяся в стране перестройка привела к росту социально-политической активности больших масс людей. В Кузбассе она была

значительно выше, чем в среднем по стране. Этому способствовала начавшаяся в июле 1989 г. шахтерская забастовка. Она сразу выделила Кузбасс среди других регионов страны. Шахтерское движение стало важным фактором политической жизни страны. Поэтому различные политические силы, от демократов до национал-патриотов, стремились вовлечь шахтеров и других участников протестного движения в сферу своих политических интересов.

Именно в этот период появились новые лидеры, и началось формирование новой региональной политической элиты. Несомненно, эти события во многом способствовали тому, что А. Тулеев, один из многих партийных функционеров, стал общепризнанным региональным лидером, влияние которого стало определяющим. Внимание не только населения Кузбасса, но и многих других территорий привлекла фигура А. Тулеева, как человека, руководителя, который позиционировал себя в качестве противника забастовки шахтеров. Не отрицая наличие проблем в регионе и необходимости их разрешения, он, в то же время, выступал против крайних мер их решения.

Появление на политической арене бывшего партocrата, имеющего свою позицию, несомненно привлекло внимание и способствовало тому, что он стал активным публичным политиком. Будучи народным депутатом Верховного Совета РСФСР, А. Тулеев превратился в оппозиционера, противостоящего демократам. Всем запомнились его эмоциональные выступления на Съездах народных депутатов РСФСР, в которых он обличал политику Е. Гайдара, заявляя, что он «прочмокает Россию», а в политический обиход вошло его определение, данное окружению Б. Ельцина – «коллективный Распутин».

Став председателем областного Совета народных депутатов Кемеровской области, а затем Законодательного собрания, А. Тулеев оказался в состоянии конфронтации, назначенному Б. Ельциным главой областной администрации, М. Кислюку. Подвергаясь давлению со стороны новой власти, А. Тулеев, в условиях начавшейся радикальной экономической реформы, резко ухудшившей положение значительной части жителей области, приобрел образ защитника, гонимого властями.

Усиление противостояния между областной администрацией и областным Советом, вылившегося в соперничество М. Кислюка и А. Тулеева, не могло не беспокоить федеральный центр. Политическая ситуация, сложившаяся в Кузбассе, начавшиеся радикальные преобразования в экономике, с перманентными забастовками работников бюджетной сферы и представителей других профессий, оказывали воздействие на формирование негативного имиджа региона. Жители других регионов России, которые также оказались в сложной экономической

ситуации, нередко связывали все это с влиянием шахтерских забастовок конца 1980-х – начала 1990-х годов. Шахтерам ставилось в вину то, что они своими забастовками начали «тянуть одеяло на себя». Постепенно, как у политической элиты страны, так и у населения, стал складываться негативный образ региона.

Положение в Кузбассе во второй половине 90-х годов продолжало ухудшаться. Развивалось протестное движение, в котором активную роль играли, прежде всего, работники бюджетных организаций, вновь стало набирать силу шахтерское движение. Отсутствие авторитетного лидера не способствовало стабилизации положения. М. Кислюк, назначенный Б. Ельциным главой областной администрации, в общественном сознании был олицетворением курса, который являлся объектом постоянной критики с их стороны. Поэтому центр, в поисках выхода из создавшегося положения, пошел на проведение выборов главы администрации области. Понимая, что ситуация в Кузбассе может выйти из-под контроля, Б. Ельцин вынужден был с 1 июля 1997 г. назначить главой областной администрации А. Тулеева. На прошедших 19 октября того же года выборах жители Кузбасса (94,5% голосов) избрали его своим губернатором.

В короткое время ему удалось взять ситуацию под контроль и вывести регион из затяжного социально-экономического кризиса. Существуют различные точки зрения на этот феномен. Несомненно, имидж А. Тулеева оказал существенное влияние на снижение социальной напряженности. Он сумел найти самые болевые точки в области и начал осуществлять активную социальную политику. Она включала в себя адресную помощь наиболее уязвимым слоям населения – пенсионерам, детям, а также другим категориям. Все это не могло не вызвать критику со стороны его оппонентов, обвинявших А. Тулеева в популизме. Между тем различные социальные льготы способствовали росту его авторитета. Активность протестных выступлений резко прекратилась, что позволяет говорить о влиянии имиджевой политики на формирование образа региона.

Существует и другая точка зрения. Федеральная власть, памятуя о роли шахтерского движения Кузбасса в СССР, приведшего страну не только к ее развалу, но и к резкому ухудшению социально-экономического положения населения региона, вынуждена была оказывать поддержку лидеру региона.

Многие исследователи связывают стабилизацию положения в регионе с изменением конъюнктуры цен на мировом рынке на уголь. Рост мировых цен на уголь способствовал увеличению налоговых поступлений в областной бюджет, что позволило областной администра-

ции осуществлять ряд программ по социальной поддержке различных категорий населения. Необходимо учитывать, отмечают сторонники данной точки зрения, что остальные отрасли экономики Кузбасса не получили должного развития. Все это еще более усилило сырьевую направленность региона и создавало потенциальную угрозу для дальнейшего динамичного развития области.

Несмотря на различие в оценках результатов деятельности руководства области, в общественном сознании жителей региона и страны сложился образ Кузбасса как динамично развивающегося региона. Подобную оценку социально-экономического положения в области дали депутаты Совета Европы – члены комитета конгресса местных и региональных властей, которые охарактеризовали Кузбасс как регион устойчивого развития (сообщение об этом было дано в «Независимой газете» за 4 октября 2005 г.).

Немаловажную роль сыграло установление полного контроля над средствами массовой информации и отсутствие альтернативных СМИ, а также отсутствие в областном Совете народных депутатов представителей от оппозиции. Все это позволяет сделать вывод о том, что в области сформирован определенный административно-правовой режим, исключающий практически любую критику власти.

Важное место в работе региональных лидеров занимает осуществление лоббистской деятельности. Многие региональные лидеры понимали, что чем послушнее они федеральной исполнительной власти, чем они лояльнее, тем с большим успехом они могут договориться и продвинуть финансирование какого-либо регионального объекта. Не стали исключением и руководители Кузбасса.

Следует сказать, что А. Тулеев, понимая проблемы Кузбасса и, прежде всего угольной промышленности, настойчиво проводил политику, направленную на то, чтобы центр обратил внимание именно на это.

Закономерным стало назначение А. Тулеева в мае 2002 г. руководителем рабочей группы Госсовета России по вопросам государственной политики развития угольной отрасли. Выступление А. Тулеева 19 августа 2002 г. на заседании Президиума Госсовета с докладом «Об основных направлениях государственной политики развития угольной отрасли и повышения конкурентоспособности продукции на внутреннем и внешнем рынках» стало свидетельством роста его авторитета и, как следствие, изменения отношения к региону.

В условиях нарастающих социально-экономических проблем, резкого сокращения поступлений в областной бюджет от налога на прибыль (на 88%) А. Тулеев инициировал принятие новых программ по поддержке наиболее пострадавших от кризиса кузбассовцев. В частно-

сти, многодетным семьям выделяются дойные коровы и сено, лицам, с доходом ниже прожиточного минимума, выделено по 5 кг сахара. Последняя акция предусматривает выделение 3 кроликов семьям, имеющим 7–8 детей. Несмотря на то, что все эти акции охватывают незначительное количество жителей, они способствуют формированию положительного имиджа А. Тулеева, а в сознании не только жителей области, но и у многих россиян формируется положительный образ Кузбасса, где, несмотря на сложную обстановку, проводится активная социальная политика по поддержке населения.

Ю.А. Зуля

Лидеры новейшей истории Иркутского региона как зеркало и результат российской региональной политики

Лидер региона – это его высшее должностное лицо; может быть, это должно быть по-другому, но в России это так. Губернатор Иркутской области в соответствии с ее Уставом есть высшее должностное лицо области. Он возглавляет в ней исполнительную власть и является главой администрации области, которая при действующем губернаторе получила наименование Правительства. Первые выборы губернатора в регионе состоялись в 1994 г.

Первый губернатор региона Ю.А. Ножилов, возглавлявший тогда Иркутский облисполком, 19 августа 1991 г. от его имени заявил о незаконности отстранения от власти президента СССР М.С. Горбачева, а также о том, что на территории Иркутской области действуют только Конституция РСФСР и Указы Президента РСФСР. В связи с этим он был в тот же день назначен Б.Н. Ельциным главой администрации Иркутской области. Однако он не считал себя обязанным бездумно выполнять распоряжения Центра. Будучи приверженцем идеалов демократии, он не боялся противостоять представителям Москвы, если находил их политику нелегитимной. В 1991 г. он отказался выполнить указ Президента о земельной реформе в РСФСР, предусматривавший реорганизацию колхозов и совхозов и перераспределение земли. Через год выступил против изменения принципов управления электроэнергетическим комплексом, передачи гидроэлектростанций области в ведение федеральных властей. В декабре 1992 г. заявил, что Президент РФ и VII Съезд народных депутатов несут равную ответственность за возникший политический кризис, и отказался принять чью-либо сторону, вступив в конфликт с президентом.

Он реально отстаивал интересы области перед Центром. Это обеспечило ему высокий авторитет и поддержку иркутян, и 27 марта 1994 г. Ю.А. Ножилов был избран губернатором Иркутской области, получив 78,16% голосов. Область стала одним из первых российских

регионов, где благодаря настойчивости губернатора прошли прямые выборы всех органов власти. Выступая против «шоковой терапии», Ножиков высказывался против налоговых преференций, кроме тех, которые заложены в законе о бюджете. Требовал установить ограничивающие рамки для людей, получающих слишком высокие доходы, во избежание социального взрыва. Заявлял, что важнейшей задачей областной администрации на ближайший период должно быть развитие цивилизованного рынка ценных бумаг. Предлагал экономическими методами приостановить скупку за бесценок у населения акций местных предприятий, целью которой была последующая их перепродажа в европейскую часть России.

Не вся его команда оказалась достойной лидера, и через это, а также из-за проблем со здоровьем в апреле 1997 г., почти за год до истечения своих полномочий, Ножиков добровольно ушел в отставку. Знаменательно, что он являлся советником всех последующих губернаторов. Во время его работы в области сформировалась новая элита. Ее можно отнести к номенклатурно-директорскому типу с сильной директорской составляющей, в этом смысле регион может претендовать на роль эталонного. При Ножикове важную роль в областной политике занимал Союз промышленников и предпринимателей. Союз ориентировался на Объединенную промышленную партию. Однако губернаторские выборы 1997 г. показали, что СПП не представлял собой сплоченной политической силы.

21 августа 1997 г. состоялась инаугурация второго губернатора – Б.А. Говорина, заслужившего репутацию хорошего и амбициозного мэра областного центра. В момент своего избрания губернатор пользовался полной поддержкой энергетиков. Однако вскоре их отношения испортились, причиной была «чрезмерная» самостоятельность губернатора и его желание сыграть в свою игру: поднять «Иркутскэнерго» под себя лично. Первая задача, которую поставил перед собой новый губернатор – ликвидация задолженностей по зарплате, накопленная за несколько лет. Вторая – расшить «узкие места» в экономике, поставив в кратчайшие сроки на ноги основных налогоплательщиков – Усть-Илимский и Братский ЛПК, Ангарский НХК. Уже в октябре ему удалось значительно сократить долги перед бюджетниками области. Говорин занялся развитием и стабилизацией промышленности, обозначив приоритетными направлениями развития лесную промышленность, топливно-энергетический комплекс, а также золотодобычу. Стабилизация и развитие этих отраслей обеспечили Иркутской области третье место по уровню промышленного производства в СФО. Обозначив достижимые цели, он смог поставить на ноги промышленность области, а также на-

чал проводить значительные изменения в социальной сфере. Достаточно успешной была его деятельность в области культуры.

Вместе с тем, период руководства Б.А. Говорина отмечен политическими скандалами, нападениями и захватом предприятий, озлобленностью и подозрительностью в различных слоях общества, клеветой и публичными оскорблениями. Не удивительно, что после отказа президента рекомендовать его на следующий срок Говорин поспешил покинуть территорию области и даже страны. Однако Москва решила по-другому, и он был назначен послом в Монголию, на этой должности он работает по сей день.

26 августа 2005 г. пост главы области занял А.Г. Тишанин. Придя в администрацию из управления ВСЖД (возглавлял его с апреля 2004), он пообещал резкий рост экономики. Губернатор объявил своим стратегическим приоритетом объединение Иркутской области и Усть-Ордынского округа. Уже 10 октября 2005 г. областные и окружные власти приняли совместное обращение к президенту России об объединении области и УОБАО. Референдум 16 апреля 2006 г. был успешным. В результате УОБАО был присоединён к Иркутской области, что стимулировало его развитие и повышение жизненного уровня населения.

Тишанин начал свою работу с преобразований в ЖКХ и в других областях социальной сферы. Он губернаторствовал в стабильный период, чем и обусловлено главное направление его работы: новые проекты и новые горизонты развития. Так как в период его губернаторства руководство государства начало реализацию национальных проектов, губернатор направил усилия области на их осуществление. Он первым отметил, что Иркутская область, кроме выполнения роли «сырьевого придатка» страны, имеет огромный научный потенциал, о чем свидетельствует множество изобретений и разработок, которые, являясь крайне прибыльными, тем не менее, в основном, по причинам нехватки финансирования, не внедряются в производство. Он поддержал сторонников переноса трассы нефтепровода «Восточная Сибирь – Дальний Восток» на безопасное от Байкала расстояние. Однако А.Г. Тишанин не смог достичь компромисса с местными элитами, инициировавшими возбуждение против него ряда уголовных дел. Поэтому в апреле 2008 г. он подал в досрочную отставку, и был назначен на должность вице-президента ОАО «Российские железные дороги».

Его место занял И.Э. Есиповский. Он учел печальный опыт предшественника, действовал мягко, и доброжелательно проводил по истечении полномочий состав Законодательного собрания, инициировавший отставку прежнего губернатора. Затем обеспечил выборы лояльного Заксобрания с другим председателем, избравшего его губернатором и по-

зволяющего проводить спорные решения. Действующий губернатор с размахом провел V Байкальский экономический форум, ставший самым представительным за свою историю. В его работе участвовало свыше 2 500 человек, в т.ч. 126 зарубежных гостей. Впервые в форуме участвовал и выступил с программным докладом первый заместитель Председателя Правительства Российской Федерации – И.И. Шувалов, курирующий экономический блок. На заседаниях форума выступили министры: Д.Н. Козак, Ю.П. Трутнев и И.Е. Левитин, Полномочный представитель Президента в СФО А.В. Квашнин. Однако разразившийся мировой экономический кризис сделал неактуальными большинство решений и договоренностей БЭФа. Вызывает симпатию его позиция по прекращению отравления Байкала стоками БЦБК.

Сопоставление проводимой политики и судеб четырех иркутских губернаторов позволяет проследить эволюцию института глав регионов в постсоветской России. Если в эпоху Б.Н. Ельцина областная власть была достаточно независимой от федерального центра, и даже боролась с ним по ряду важных вопросов, то при В.В. Путине ситуация стала меняться. Второй губернатор также старался быть независимым от федерального центра, но попал под давление крупных ФПГ. Передел собственности в регионе привел губернатора к конфликтам и падению авторитета у населения и бизнеса. В это время на федеральном уровне власть президента усилилась, и он получил право определять судьбы глав регионов. Ослабление позиций Говорина в регионе позволило Центру заменить его на более лояльную фигуру. Пришел фактически назначенный А.Г. Тишанин – руководитель, полностью зависимый от федерального руководства и государственных монополий. Решение задач в интересах этих структур составили основу его политики. Область практически полностью потеряла независимость от Центра и была окончательно встроена в президентскую вертикаль власти. Проведение абсолютно прокремлевского курса вызвало протест местных элит и добровольную отставку губернатора. Назначенный на его место И.Э. Есиповский действует осторожнее, направив усилия на создание управляемого Законодательного собрания.

Два первых губернатора были представителями местных элит, третий – будучи сибиряком, работал в Иркутской области, но не успел «обрасти связями». Четвертый – чистый «варяг». Из трех губернаторов, закончивших свою работу, двое добровольно ушли в отставку.

Таким образом, за полтора десятилетия власть губернатора Иркутской области совершила эволюцию от реальной независимости в решении внутренних вопросов и свободных выборов к безальтернативным представительским, к проведению политики, исходящей, в пер-

вую очередь, из интересов Центра. Вместе с тем, эта трансформация не вызвала у населения области особых возражений и протестов. Возможной причиной этого является отсутствие развитого регионального гражданского общества и разобщенность местных элит. Да и нет сегодня в области, по мнению автора, местного авторитетного политического деятеля, способного возглавить регион, перед лицом глубокого мирового социально-экономического кризиса.

Б.Н. Кагиров, Г.В. Кагирова
О качествах лидеров, способных формировать
позитивный имидж региона, страны

Исторические события, условия жизни, уровень развития общества и его потребности выдвигают в различные эпохи различных лидеров, способных обеспечить своими личными качествами решение задач, поставленных временем. Поэтому и лидеры эти разные: одни спокойные, умеренные, когда речь идет о таком же спокойном и умеренном промежутке исторического развития, другие – более активные, агрессивные, когда только личной энергией можно переломить назревшую ситуацию.

Об имидже территории и внимании к нему в основном идет речь тогда, когда решены основные проблемы жизнеобеспечения: жилье, питание, безопасность.

Если же эти проблемы не решены, то имидж лидера или имидж региона никогда не будет ставиться во главу угла, если, конечно, у лидера нет других политических задач.

Очень часто в период революционных переломов, нестабильности появляются «стихийные» лидеры, вынесенные волной народного гнева и возмущения. Этим лидерам надо много и упорно работать над собой, чтобы в изменившейся спокойной ситуации все так же оставаться на гребне успеха.

Лидер должен обладать мощной духовной энергетикой, должен уметь отключиться от всего личного, чтобы стать действительно значимой исторической личностью.

Призвание лидера – отдать себя без жалости обществу, поставив перед собой глобальные задачи. Тогда он будет значим и замечен, пусть не сразу, но история не забывает ничего.

Именно такой лидер может и изменить ситуацию в регионе, и оставить в истории о регионе и о себе заметный исторический след, который формирует имидж региона, страны.

Лидерство – это избранность, это отмеченность, это «неслучайность».

И каждый лидер, наверное, это осознает.

Возьмем безусловных лидеров соответствующих исторических эпох: И. Грозного, Петра Первого. Это совсем не простые люди, и совсем не идеальные, а уж в личной жизни – тем более, но история их оценила за вклад в развитие государства, за поднятие роли и значимости своего государства в мире.

Лидеры – это, вероятно, люди, глубоко тревожащиеся в первую очередь не за себя, а за Родину. Это люди, которые личное убрали далеко от своих повседневных государственных забот.

Лидером можно назвать человека, который воплощает идеи страны, региона, в котором живет, сам создает эти идеи, проводит их в жизнь, «не щадя живота своего».

И именно этим лидер создает имидж региона.

Доблесть, страсть, ум, проницательность, видение перспективы, дух созидания, дух самоотверженности во имя самых больших идеалов – такие качества ведут по жизни лидеров.

И это чувствуют как люди внутри страны, региона, так и за пределами этих образований.

Лидерство – это миссия, возложенная на человека, и очень тяжелая миссия.

Справиться с ней дано не каждому.

Поэтому не реклама формирует имидж региона, не сиюминутный успех, а умение стойко, мужественно, терпеливо добиваться поставленных целей во благо многих, поверивших лидеру и пошедших за ним.

И никакие «кружки» по подготовке лидеров здесь не помогут. Настоящим «кружком» становится обычная жизнь с ее трудностями, страстями, задачами и мечтами.

Хочется отметить, что лидерство – это тяжелая ноша ответственности за всех.

Литература

1. Петр Столыпин о России. М., 2009.
2. Иловайский Д. Царская Русь. М., 2004.
3. Чулков Г. Императоры: Психологические портреты. М., 2003.

Л.Г. Коваленко

Политический лидер и его влияние на имидж региона (Алтайский край)

В политике специфической формой руководства является лидерство – процесс взаимодействия, в ходе которого одни люди выражают потребности и интересы своих последователей, в силу этого обладают престижем и влиянием, а другие – отдают им добровольно часть своих полномочий политических и властных, а также права для осуществления их целенаправленного представительства и реализации. Такая ин-

терпретация данного феномена получила широкое распространение, так как наиболее полно отражает проявление лидерства в политической практике. Лидерство как раз в том и выражается, что в политике цели имеют личностное выражение, но важнейшее условие их реализации – массовая поддержка, которая не возможна без доверия, его носителем и воплощением является лидер, доверие увеличивает возможности эффективной политической деятельности.

Для качественной реализации своих функций политическое руководство должно быть нормативным, то есть подчиняться установленным правилам, благодаря которым оно оказывается предсказуемым, без чего деятельность политического лидера превращается для сторонников в сплошную и неожиданную импровизацию, которая может нанести непоправимый ущерб имиджу страны (региона), российская история в этом плане очень богата. Политические нормы динамичны, какие-то уходят в глубины социальной памяти, а другие – актуализируются, переходя из прошлого в настоящее, их захватывает процесс ритуализации, формируются всевозможные мифы, что также оказывает влияние на имидж. Поэтому важна критика, действующая как система наблюдения, проверки хода принятия решений, позволяющая корректировать линию поведения и сами нормы.

Отсутствие критики или отражение ее лидером ведет к ошибкам и потере стратегического курса. Для общества и граждан это оборачивается материальными потерями, подрывается доверие к власти, сказывается на нравственно-эмоциональном состоянии людей.

Политический лидер способен, как уже отмечалось, повлиять на имидж региона и определить к нему отношение центральной власти и инвесторов. Судьба Алтайского края в новейшей истории России показательна. В течение длительного времени его относили к так называемому «красному поясу» страны, что само по себе некорректно, так как определяло оценку избирателей, их «неправильный» выбор с точки зрения победивших на президентских выборах демократов. Но такой имидж регион получил и из-за краевого руководства и, в частности, его лидера – А.А. Сурикова и проводимой им политики.

Глубокий анализ политики региональных лидеров Алтайского края не является нашей задачей, но нужно отметить, что смена их у власти влияла на формирование образа края.

Неожиданная для центра и края победа М.С. Евдокимова была воспринята неоднозначно, но со сменой краевого лидера связывались надежды на существенные изменения, которые должны были вывести экономику края из кризисного состояния, повысить уровень жизни населения. Образ М. Евдокимова идеализировался, введен был термин «народ-

ный губернатор», но, к сожалению, заявления «народного губернатора» не были реализованы, что связано во многом с его личностью; разразился скандал между исполнительной и законодательной властью, что сформировало еще одну сторону образа края. И только новый лидер края – А.Б. Карлин сумел в какой-то степени «переломить» негативное отношение к краю и придать его имиджу позитивную окраску. В сложных условиях кризиса в Алтайском крае сохраняется социальная стабильность, сложилась эффективная система управления, власть ведет активный диалог с обществом, губернатор мобилен и постоянные встречи с гражданами, с руководителями хозяйств, взаимоотношения с бизнесом и политическими силами и общественными организациями создают оптимальные условия для решения амбициозных для края задач.

Авторитет Главы края на федеральном и региональном уровнях создает условия привлечения дополнительных бюджетных ресурсов и частных инвестиций, способствующих социально-экономическому развитию и появлению новых перспектив для Алтая и его жителей.

Таким образом, политический лидер своими действиями, поведением, формами общения с общественностью, политическими организациями, гражданами способен повлиять на имидж региона, придав ему негативную или позитивную окраску, что, естественно, будет формировать и отношение со стороны центральной власти и общественного мнения. Можно сказать, что сегодня у Алтайского края имидж развивающегося региона, соответствующего общей концепции развития России.

Литература

1. Кудинов А. Коней на переправе не меняют // «МК» на Алтае. 2009. 8–15 апреля.
2. Кудинов А. На святом месте // «МК» на Алтае. 2009. 15–22 апреля.

Л.Е. Козлов

Инвестиционный имидж и криминализация политического класса в субъектах Федерации. Дальневосточные проблемы

Имидж России на мировой арене далек от идеала, о чем свидетельствуют призывы высших лиц государства к усилению работы по его исправлению. Помимо ложных стереотипов и враждебной пропаганды в свой адрес, Россия страдает от объективных слабостей государственной системы. В субъектах РФ отечественные слабости проступают еще рельефнее, чем на общегосударственном уровне. Регулирование местных недостатков перед иностранцами не подкрепляется здесь необходимыми ресурсами, знаниями, специалистами и политической волей, наличествующей в центре.

Дальневосточные регионы, по которым обычно составляют свое представление о России японцы, китайцы и корейцы, остаются малопривлекательными в глазах не только иностранцев, но и коренного населения, что подтверждается непрекращающейся внутренней миграцией с Дальнего Востока в центральную часть России. Одна из главных причин подобного скепсиса – криминализация регионального политического процесса. Не углубляясь в цифры криминальной статистики, отметим несколько характерных свойств местной политической системы.

Во-первых, уголовно наказуемые деяния совершаются высшими политическими лицами дальневосточных субъектов РФ с завидной регулярностью. Не все из них получают огласку в стране: властям удастся удержать часть подобных новостей в пределах веб-сайтов информационных агентств и газет. Но даже и того, что попадает на федеральные телеканалы, вполне хватает, чтобы отпугнуть от ведения дел на Дальнем Востоке как иностранных, так и отечественных капиталистов.

Во-вторых, подобные происшествия отличаются широкой географией. Криминальные скандалы возникают во всех регионах Дальнего Востока, доводя иногда губернаторов до отставки. Некоторой стабильностью выделяется Хабаровский край, но качественного перелома в привлечении внешних финансов не удастся добиться и хабаровчанам. Имидж региона нарабатывается десятилетиями, а Хабаровский край еще в начале 2000-х годов был вотчиной ОПС «Общак».

Особенно богатым на криминальные скандалы с политиками является Приморский край. За несколько последних лет в них были, в частности, вовлечены депутаты Законодательного Собрания (ЗСПК) Степанченко, Лысак, Мудров. В краевой администрации попали под преследование бывшие и действующие вице-губернаторы Гельцер, Мещеряков, Шишкин, Иванов (к тому времени член Совета Федерации от Приморья), главы департаментов Бельтюков и Книжник. Обвинительные приговоры вынесены в отношении мэров Владивостока Копылова и Николаева; подверглась прокурорскому расследованию деятельность большинства заместителей Николаева. Фигурантами некоторых громких дел оказались представители федеральных ведомств, работавшие в крае. До сих пор в Приморье происходят нападения на политиков и крупных бизнесменов, самым резонансным из которых стало покушение на первого вице-губернатора Сопчука.

В-третьих, дальневосточные политики спокойно относятся к возникающим скандалам и «темным пятнам» в своей политической биографии. События, которые стали бы в Европе или Америке причиной отставки, а в соседних восточноазиатских странах могли бы довести до самоубийства, практически не влияют на карьеру местного политика.

Ранее судимый Николаев, которого местная пресса называла лидером организованного преступного сообщества, был избран вначале депутатом ЗСПК, а затем и мэром Владивостока, при активной агитации в свою пользу со стороны губернатора Дарькина. Губернатор Приморья Дарькин не усмотрел повода для отставки в том, что из его команды, по крайней мере, шесть человек (см. выше) получили обвинительные приговоры. Большинство вышеприведенных примеров носит коррупционный характер, но в арсенале дальневосточных политиков наличествуют также подделка дипломов, мошенничество, угроза убийством, организация заказного убийства, контрабанда и т.д. Многие из обвинений останутся недоказанными, но плохая репутация российского правосудия, подтверждаемая преобладанием условных приговоров в адрес высоких лиц, заставляет общественность доверять заявлениям СМИ.

В-четвертых, публичная оценка сложившегося положения дел со стороны Кремля отсутствует. Назначение на губернаторский пост политика, шесть подчиненных которого привлечены к уголовной ответственности, дает инвесторам пищу для размышлений: то ли об отсутствии вертикали власти, то ли о криминализации всей государственной системы. Заявление Путина при назначении бывшего сотрудника МВД Сафонову полпредом в ДВФО о необходимости «декриминализировать» регион косвенно подтвердило понимание проблемы. Впрочем, уже через два года Сафонов был отправлен в отставку, ограничившись скромным делом о превышении полномочий в администрации Амурской области.

Дополнительный вклад в негативный имидж Дальнего Востока вносит местная партийная жизнь. Высшие эшелоны партии власти рекрутируются, главным образом, из людей, уже добившихся политического успеха, то есть примерно из того же круга лиц, что и региональные власти. Среди упомянутых фигурантов уголовных дел, Степанченко возглавлял фракцию «Единой России» в ЗСПК, Шишкин был включен в политсовет краевого отделения, члены партии Лысак и Николаев выдвигались краевым отделением в качестве кандидатов на региональных выборах. В 2009 г. сын депутата ЗСПК и члена политсовета краевого отделения Рева попал под следствие по обвинению в организации заказного убийства. Криминализация «Единой России» в Приморье зашла столь далеко, что в 2008 г. вызвала ожесточенную публичную полемику приморского сенатора Кондратова и тогдашнего главы краевого отделения Савчука.

По нашему мнению, в прямой связи с указанными проблемами находится структура иностранных инвестиций Дальнего Востока и Забайкалья, никак не соотносящаяся со структурой внешней торговли региона. Во внешней торговле на протяжении многих лет не менее $\frac{3}{4}$

оборота приходится на соседние державы (Китай, Японию и Южную Корею), но в инвестиционной сфере господствуют Нидерланды (более половины всех иностранных инвестиций). В лидирующей группе инвесторов также представлены Люксембург, Багамские острова, Кипр, Виргинские острова. Иностранные инвестиции концентрируются в нефтегазовых проектах Сахалина, куда, собственно, и вкладывается голландский капитал, а экзотические страны присутствуют в этом ряду, главным образом, как оффшорные зоны. В сахалинских проектах участвуют игроки, способные решать свои вопросы на федеральном уровне, в обход местных властей. За вычетом Сахалинской области, Дальний Восток и Забайкалье, объединяющие примерно одну треть территории России, привлекли в 2008 г. 2,6% иностранных инвестиций, вложенных в Россию (2,6 млрд. долларов), а в 2007 г. – 1,2% (1,5 млрд. долларов). Хотя природные ресурсы, которыми в России, в первую очередь, интересуются иностранные инвесторы, на Дальнем Востоке и в Забайкалье разработаны в меньшей степени, чем в других областях нашей страны.

Относительно высокий процент Японии в дальневосточных инвестициях (7%), опять-таки, обусловлен ее участием в проекте «Сахалин-2», но Китай и Южная Корея в 2008 г. инвестировали в Дальний Восток России всего по 1%. Это означает, что реальные совместные предприятия – особенно в малом и среднем бизнесе – находятся на обочине международного экономического сотрудничества. Инвестиции порядка 100 млн. долларов могут привлечь единицы из хозяйствующих субъектов Дальнего Востока. Инвестиции же в 1–2 млрд. долларов, нормальные для капиталистов мирового уровня, остаются здесь несбыточной мечтой. Наглядно характеризует отношение иностранцев к ведению бизнеса на Дальнем Востоке судьба игорной зоны в Приморском крае, которая должна была быть построена к лету 2009 г., но к этому времени не началось даже ее проектирование. Ни один из деятелей игорного бизнеса Восточной Азии или США интереса к приморским предложениям не проявил. Конечно, в этой ситуации играют свою роль и другие обстоятельства: слабая инфраструктура, малая емкость рынка и т.п. Но нельзя не признать, что вкладывать в криминальный, коррупционный регион рискуют немногие бизнесмены.

Сама по себе коррупция не обязательно препятствует притоку инвестиций (что можно наблюдать на примере Китая), однако в России она дополняется нестабильным положением политиков, замешанных в противоправных делах. Если Кремлю такие лидеры удобны тем, что находятся под постоянным прицелом правоохранительных органов, то инвесторов политическая шаткость региональных режимов отпугивает.

Кроме того, центр не представляет собой единого целого. Противоборствующие региональные политики могут обращаться за поддержкой к различным институтам федеральной власти. Таким образом, дача взятки не является гарантией успешного бизнеса, поскольку получатель взятки может в любой момент сам оказаться в опале. Продолжая подобную линию, Москве следует примириться с неизбежностью плохого инвестиционного имиджа российских окраин. В этом случае единственным способом стимулировать экономическое развитие Дальнего Востока останется государственный заказ, в то время как возможности региональной системы к саморазвитию останутся блокированными.

А.С. Макарычев

**Имиджевое поле региональной политики:
Нижний Новгород и образы его идентичности**

Многие независимые эксперты-нижегородцы часто называют Нижний «городом без лица», имея в виду отсутствие стратегических ориентиров и хорошо узнаваемых нижегородских брэндов. Именно поэтому вопрос о том, что представляет собой Нижегородская область, приобретает особую дискуссионность. Однако 2008 г. внёс более яркие краски в формирование имиджевой составляющей нижегородской региональной идентичности. Обратим внимание на пять основных компонентов семантических ресурсов региональной власти.

Первый компонент – это легализация через «Роспатент» образа Нижнего Новгорода как «столицы Поволжья». Важно пояснить, что нижегородское правительство проиграло юридическую борьбу с Казанью за право называться «третьей столицей России», и вынуждена была удовлетвориться признанием своей «приволжской столичности». Понятно, что в свете глубочайшего кризиса российского автопрома полагаться на формулу «Нижний – российский Детройт» уже не актуально, равно как и на метафору «карман России». «Столица Поволжья» звучит более нейтрально и представляет собой скорее коммерческий брэнд, лишённый какого-то политического содержания. По сути, «столица Поволжья» – это составной элемент маркетинговой технологии продвижения имиджа Нижнего Новгорода как товара. При этом внутреннее содержание этого «второго имени» вполне может оставаться неконкретным и неопределённым. «Столица Поволжья» – это такая словесная конструкция, которая представляет собой пустую форму, открытую для различных толкований.

В этом-то, вероятно, и состоит отличие Нижнего от Казани: если у нас «столичность» понимается как коммерческий брэнд, то в Татарстане это – закамуфлированный политический лозунг, который является продолжением долгих попыток выделиться на фоне всей системы фе-

деративных отношений в качестве специфического, уникального региона. Это – две разные «лингвистические стратегии», каждая из которых имеет свою сферу применения и отражает не только стиль, но и суть региональной власти.

Впрочем, сказанное не означает, что преимущественно коммерческий подход к «столичности», который утвердился в Нижнем, не требует дальнейших дискуссий на эту тему. Контент-анализ обсуждения этой темы среди нижегородцев показывает, что есть несколько важных уточнений, проливающих свет на то, в каком смысле мы можем говорить о «поволжской столичности»: Нижний Новгород – это «культурная столица», «деловая», «туристическая», «административная»? Скорее всего, эти дискуссии будут разворачиваться среди той части общества, которая будет продолжать задаваться вопросами о том, в чём же состоит специфика, уникальность нашего города и региона. Для нижегородской власти эти вопросы будут менее актуальными. Власть заинтересована в существовании имиджевой «столичности» как брэнда, имеющего перспективы рыночной капитализации. Вероятнее всего, это – вполне рациональная и даже в каком-то смысле антикризисная стратегия, поскольку любые другие смыслы, с которыми может ассоциироваться «столичность», Нижнему Новгороду сейчас явно не по карману. Например, «столичность» предполагает ответственность и обеспеченность ресурсами, которыми «столица» (любого ранга) должна делиться с другими, менее «продвинутыми» территориями. Только тогда это звание будет полноценным, то есть признанным всеми. Пока же «столица Поволжья» – это «второе», коммерческо-юридическое имя Нижнего Новгорода, которое будет существовать само по себе, не требуя ни легитимности, ни объяснения. Этот ход, в терминологии Славоя Жижека, можно назвать «*пост-политическим*» – в том смысле, что он замещает ситуацию политического конфликта между несколькими потенциальными носителями идеи «третьей столицы» коммерческо-правовым подходом, полностью соответствующим менеджерской бизнес-логике.

Второй компонент конструирования региональной идентичности – это появившейся в 2008 г. новый региональный брэнд «*Нижегородское ополчение*». Именно это историческое событие, с точки зрения региональной элиты, способно стать своего рода нижегородской «визитной карточкой». Начавший раскручиваться взгляд на Нижний как на родину ополчения 1612 г. означает новую стадию процесса самоописания региона, которая состоит в попытке найти баланс между общим (национальным) и частным (местным, региональным). Другими словами, регион делает попытку закрепиться в качестве не просто самобытного, но и «полезного» региона, исторически выполнявшего

важные функции в сфере безопасности. Такой подход имеет две цели: Нижний предстаёт и как лояльный столице (и воплощаемой ей власти) город, и как её спаситель от иностранных интервентов.

Вполне вероятно, что брэнд Нижегородского ополчения может получить высокие котировки далеко за пределами Нижнего: 4 ноября 2008 г. было публично объявлено, что уже создан всероссийский комитет под руководством президента РФ по празднованию 400-летия ополчения. В то же время, раскрутка «ополченской» идеи не лишена своих противоречий, и именно поэтому он вряд ли сможет претендовать на роль главного символа Нижнего на многие годы вперёд. Во-первых, по своей семантике он явно архаичен, то есть обращён скорее в прошлое, чем в будущее. Во-вторых, он слишком явно предполагает обязательную фигуру врага, причём вполне конкретного. И то, что в таком качестве выступают поляки и литовцы, едва ли в стратегическом плане способствует сближению России с Европой в целом. Наконец, в-третьих, способ презентации ополчения несёт в себе нескрываемый отпечаток православного события, что в условиях многоконфессионального региона снижает объединительный потенциал того образа, который формируется на его основе.

Третий компонент региональной символики власти связан с фигурой Александра Невского, ставшего в 2008 г. «именем России». Типологически встраиваясь в патриотическую идеологию Кремля, нижегородские власти объявили о том, что в 2009 г. в Нижнем и Городце (месте кончины Александра Невского) пройдут «*Александровские дни*», ориентированные на военно-патриотическое и духовное воспитание молодёжи. Наше «прочтение» этой инициативы состоит в том, что она означает попытку «регионализации» («регионального присвоения») образа общероссийского масштаба и его использования в качестве одного из символов конструирования региональной идентичности.

Четвёртый компонент символической самоидентификации касается образных ресурсов *Нижегородского Кремля*. Здесь можно вспомнить и попытку включить его в число «Семи чудес России» во время соответствующего общероссийского конкурса, и появление слогана «Нижегородский Кремль – национальный проект в камне». Вновь мы видим попытку регионализировать одну из популярных лексем 2008 г. («*национальный проект*») и придать ей местный смысл, существенно отличающийся от изначального.

Наконец, **в-пятых**, важным компонентом формирования образно-символического пространства региона стала агитационная кампания за присвоение Нижнему звания Города трудовой и боевой славы, которая продолжилась включением Нижнего в число городов, где с 2009 г.

9 Мая будет проходить парад военной техники. Этот вектор встраивается в очевидную тенденцию к символизации Дня победы как ключевого события новейшей истории страны.

В этой связи важно заметить, что многие из указанных выше способов конструирования региональной идентичности содержат в себе потенциальные линии конфликтов, которые могут носить дискурсивно-имиджевый или административный характер. К примеру, после провозглашения Нижнего Новгорода «столицей Поволжья» несколько усилился полемичный тон губернатора Валерия Шанцева в отношении федеральных ведомств и, в частности, Минрегионразвития, которое по итогам регионального мониторинга поместило Нижегородскую область в число регионов с отстающими показателями. Филиппики В. Шанцева в адрес Москвы нужно воспринимать в контексте представления о том, что «столица» по определению не может плестись в хвосте, и любые попытки усомниться в её региональном лидерстве провоцируют недовольство первых лиц региона.

Конфликт совершенно другого типа возник в связи с информацией о том, что в селе Ломакино Гагинского района Нижегородской области некая московская фирма намерена выкупить дом и устроить там музей генералу Андрею Власову. Контекст этой проблемы связан с необычайно обострившимися в последние годы вопросами исторической памяти. С точки зрения нашего анализа важно заметить, что отсутствие реакции на этот инцидент со стороны региональной власти указывает на её слабую оснащённость в ситуациях, требующих не виртуальной игры с образами, а реального структурирования публичного пространства исторической памяти.

В заключении заметим, что дискуссии вокруг имиджа и идентичности могут вестись в категориях *«универсализированной провинции»*, предложенных С. Жижекком. Его логика предлагает нам заменить более или менее традиционное членение политического пространства по линии *«центр – периферия»* другой бинарной оппозицией – *«универсализм – провинциализм»*, которая интересна заложенными в ней возможностями деконструкции, открывающей многогранную игру смыслов. Дискурсивная борьба за статус «третьей столицы» – это и есть не что иное, как «универсализация провинциальности», то есть ситуация, при которой некий провинциальный город пытается – причём, чаще всего именно с помощью подчёркивания своей особенности – обрести смыслы своего социокультурного существования в более широкой, всеобщей (в масштабах страны) системе координат. Таким образом, деконструктивистский тезис С. Жижека о том, что «всякая провинция универсальна», вполне может быть подтверждён ссылками на опыт российских регионов.

Обсуждение в Интернете

Kornev

22 Май, 2009 06:31 (UTC)

А не могли бы Вы также запостить эту статью в сообщество <http://www.regionalism.ru/>? Хотя бы в сокращенном виде, поставив ссылку сюда. (Конечно, если не боитесь дискуссии). В этом сообществе обсуждаются вопросы формирования брендов городов и регионов, а также темы местного самоуправления.

К.Б. Малков

Политические решения в условиях неопределенности: их роль в формировании имиджа политического лидера и региона

Введение

В условиях финансового кризиса процесс принятия политических, государственных решений сталкивается с ограниченностью ресурсов для их реализации в практической деятельности. Необходимым условием для принятия результативных решений является точный расчет последствий их реализации и каскадирование ответственности лиц, принимающих решения, но в условиях неопределенности и высокой динамики внешней среды представляется затруднительным не только оценить последствия, но и детально продумать все элементы решения.

В таких условиях роль сильного политического лидера выходит на первый план, а формирование личного имиджа и имиджа региона зависит от тех действий, которые реализуются в результате принятия решений.

Личные качества лидера и технологический базис принятия решений

Условия ограниченности ресурсов и динамики внешней среды диктуют ряд требований к имиджу политического лидера: интуиция, рациональность, умение прогнозировать развитие ситуации в различных сценариях и авторитарность. Именно последнее условие является основным, так как при командной работе лидер всегда говорит решающее слово.

Основным фактором, который влияет на принятие решений в условиях неопределенности – это ограниченность во времени и скорость реализации полученных решений в практическую деятельность. Если при условиях ясности степень риска снижается и появляется возможность детально оценить все последствия решений, то при ограниченности всех ресурсов основной акцент делается на оперативное обсуждение и интуицию лидера, а не на детальный просчет. Следовательно, количество принятых решений, несущих положительные социально-

экономические последствия, формирует имидж лидера как компетентного, опытного человека и благоприятно влияет на имидж региона в целом, позволяя, тем самым, повысить репутацию органов государственной власти в глазах населения.

Научная литература содержит десятки концепций принятия политических решений, перечень факторов, участников процесса принятия политических решений, однако наличие различных научно-теоретических концепций *не подразумевает формирование единого механизма принятия политических решений*, и в ряде случаев представляется затруднительным вычлнить последовательность действий, которую важно соблюдать при вынесении решений.

В научной литературе не поднимается вопрос о взаимосвязи имиджа политического лидера, формируемого им образом региона и принимаемых решений. Исходя из данного утверждения, следует отметить частичную разработанность поднимаемой научной проблемы.

На наш взгляд, имидж лидера является основой для формирования мнения о том, какие решения могут быть им предприняты в различных ситуациях. Таким образом, обладая знаниями об образе лидера, прогнозировать исход и сущность принимаемых им решений становится существенно проще.

Как сказано выше, принятие решений в условиях неопределенности и высокой динамики внешней среды сталкивается с ограниченностью ресурсов и, в ряде случаев, представляется затруднительным «на ходу» оценить последствия результатов принимаемых решений. Исходя из данного утверждения, необходимо задуматься о создании регламентированного единого механизма принятия решений (определенной последовательности действий), используя который возможно разрабатывать и принимать решения в любых условиях.

Принятия решений в условиях неопределенности: формирование имиджа политического лидера и региона

Отсутствие единого механизма принятия решений приводит к тому, что в ряде случаев теряется взаимосвязь между имиджем политического лидера и последствиями принимаемых им решений. Обозначенные в данной статье условия неопределенности создают дополнительные психологические трудности для политического лидера и ставят, фактически, его в состояние постоянной «боевой готовности», когда в любом случае, рано или поздно, произойдет «смена караула». Говоря простым языком, может случиться психологический «перевреш», и вопрос из темы политики перейдет в тему медицины.

В современных условиях политические решения в Российской Федерации, по большей части, воспринимаются населением нейтрально

или негативно. Таким образом, каким бы сильным человеком ни являлся лидер, его репутация в глазах населения зависит только от того, какую социальную политику он проводит и в какие сроки, какой социальный эффект имеют разработанные положения. Таким образом, при принятии решений должны учитываться все направления жизнедеятельности: создание условий для бизнеса и предпринимательства, социальные и детские программы и инициативы, экономические условия привлекательности региона, степень развитости науки и образования, транспортной инфраструктуры и т.д. На основании данных утверждений, имидж лидера и принимаемых им политических решений формируют образ региона. Исходя из вышесказанного, все принимаемые решения должны носить социальный характер и учитывать потребности не менее 75% населения региона.

Механизм принятия решений в условиях неопределенности

Динамичность среды в условиях неопределенности накладывает ограничения на принятие социальных политических решений и формирует имидж лидера в глазах населения в разрезе положительного социально-экономического эффекта, который оказывают принимаемые решения, а формирование имиджа региона в целом основывается на созданных политическим лидером условиях жизнедеятельности.

Для данных целей необходимость создания единого механизма принятия политических решений на основе математических и управленческих моделей, позволяющего оценить последствия принятого решения, представляется все более актуальной.

Технология принятия решения в условиях неопределенности состоит из семи основных пунктов:

- инициализация проблемы;
- расчет условий неопределенности;
- определение приоритетности ее решения;
- выбор метода и поиск альтернатив;
- оценка альтернатив и последствий принимаемого решения, учитывая наибольшее количество факторов;
- принятие решения и публикация его результатов для публичных обсуждений;
- корректировка и контроль за выполнением принятого решения.

Для реализации принимаемого решения используется набор математических методов и моделей, позволяющих оценить возможные последствия рассматриваемых альтернатив. Таким образом, создание механизма позволяет существенно экономить время, затрачиваемое на принятие решений.

Использование единой технологии принятия решений при условии грамотного PR-освещения деятельности политического лидера позволит сформировать имидж сильной, компетентной личности, чья деятельность направлена на реализацию поставленных целей и задач перед населением.

Основными условиями для реализации социальной политики станет формирование четких согласованных механизмов, позволяющих привлекать население к непосредственному участию в деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления.

Таким образом, создание механизмов принятия решений, направленных на привлечение населения к осуществлению прямого руководства регионом, создаст положительные условия для формирования позитивного имиджа лидера и региона в целом. Неопределенность, на наш взгляд, должна способствовать усилению мотивации деятельности и формировать все предпосылки для грамотной PR-компаний, освещающей деятельность лидера и достигнутых положительных результатов.

Предложения по дальнейшему совершенствованию имиджа региона в целом при принятии решений в условиях неопределенности

Принятие политических решений, основанное на единой технологии, играет значительную роль при определении политического имиджа региона в целом, а создаваемые условия для развития общества являются ключевыми факторами при выборе населением места проживания.

В условиях кризиса проведение социально-экономической политики, направленной на стимулирование деятельности населения, является основой для повышения конкурентной способности региона. От успеха ее проведения, при грамотном размещении результатов мероприятий в СМИ, зависит формирование имиджа региона как стабильно развивающегося, социально ориентированного и благоприятного для проживания.

Основная стратегия формирования имиджа заключается в том, чтобы все принятые решения, имеющие, по результатам социологических исследований, положительный социально-экономический эффект, без промедления размещать в СМИ и обеспечивать повышение репутации властных структур и политических лидеров идеологическими методами.

Выводы

Принятие политических решений в условиях неопределенности должно проводиться на основании единого механизма, позволяющего оценить успешность их реализации. Данный механизм учитывает все факторы, необходимые для принятия решения и основан на математических и управленческих моделях.

Повышение имиджа лидера и региона производится путем публикации в СМИ положительных результатов принятых решений и постоянной идеологической работы с населением.

С.С. Михеев

Региональная власть и перспективы формирования имиджа России

За чашкой кофе мой близкий друг с горечью сказал ряд фраз, которые вызвали в моей душе достаточно сильный резонанс: «...я перестал любить Россию, потому что Россия не любит меня..., а наша политическая элита сделала лишь одно - обеспечила себе и своим детям безбедную жизнь, на людей ей просто наплевать...». Конечно, он выразился жестче, но в целом смысл остался прежним. Я долго пытался его переубедить, говорил о том, что Россия – это не Президент, не Правительство РФ, не Дума и даже не наш губернатор и его команда, а Мы – ее граждане, наши матери, отцы, дети, деды. У нас завязалась интересная дискуссия, в конце которой он сказал еще одну фразу: «...надоело, отсюда надо уезжать, надо бежать из России, а потом, например, из Израиля писать письма, всем сочувствовать и испытывать ностальгию...». Грустно? По-моему очень, тем более, что подобные слова начинаешь слышать все чаще!

Вот так и формируется имидж страны в глазах ее граждан и формируется международный имидж России. Усталость от нескончаемой бедности, увеличивающийся разрыв между бедными и богатыми оказывают влияние на мироощущение граждан. Ответственность за это население, в общем, возлагает на руководство страны, и в частности – на региональное руководство. Безусловно, с учетом усиливающейся внутренней социальной конфронтации, в связи с усиливающимися кризисными явлениями, положительный имидж политической элиты поддерживать будет непросто.

Бедные люди в богатой стране – это нонсенс. А бедные люди в богатой стране с большим количеством очень богатых людей – это политический «сюрреализм». Поэтому любые попытки формирования положительного имиджа руководства страны будут вызывать изумление со стороны населения, а также ее внешних партнеров.

Формирование международного имиджа руководителей – важная составляющая внутренней и внешней политики, успешной экономической деятельности, тем более, что их образ полностью интегрируется с образом страны. Однако ряд нерешенных внутренних вопросов подрывает положительное восприятие России как успешного и развитого государства, несмотря на массу «приятных» слов со стороны внешних партнеров. В действительности международный имидж прямо пропор-

ционален его внутреннему содержанию, подкрепленному реальными экономическими и социальными успехами, вне зависимости от цен на нефть и газ. А, следовательно, пока реальные экономические, социальные и управленческие пороки не будут устранены, имидж России останется на низком уровне, даже при консолидации усилий по его поддержанию, что представляется впрочем, более абсурдным, нежели необходимым. Абсурдным, потому что создание успешного образа, не будет сочетаться с реальными условиями жизни населения, не нужным – потому что в успешность никто просто не поверит, тем более что иностранцы привыкли доверять не нашей оценке российской действительности, а собственной.

В принципе, для того, чтобы понять внутренне содержание, можно даже не выставлять оценок, достаточно взглянуть на некоторые происходящие процессы. Страна, в которой уровень коррупции превышает все мыслимые пределы, просто не может рассчитывать на положительный имидж, вследствие неспособности руководства быть эффективным. И эта проблема в целом формируется на региональном уровне, является неотъемлемым пороком региональной власти, который, по большому счету, ведет к подрыву положительного имиджа руководства страны, дискредитируя его в глазах населения и иностранных партнеров.

Любые негативные действия региональных властей, вызывающие напряженность в обществе, становятся действиями руководителей. Проблему, вызвавшую определенную социальную напряженность в регионе, скрыть невозможно, ввиду массовой доступности информации, а, следовательно, она будет доступна всем, в том числе и иностранным партнерам, которые будут осведомлены об источнике проблемы лучше, чем правительство и президент, ввиду сглаживания «острых» углов или частичного сокрытия информации региональными властями. Причем иностранцы будут находиться в максимально выгодном положении, так как трактовка причин конфронтации будет ограничена лишь творческим «полетом» мысли. А когда население региона становится заложником семейного чиновничьего клана, а люди стремятся вовсе уехать из страны, «полет» мысли становится еще изощренней. Впрочем, заложником становятся не только жители, но также президент и правительство, авторитет которых в частных случаях сильно подрывается действиями региональных властей.

Таким образом, именно на региональном уровне начинается формирование имиджа, здесь же культивируется атмосфера восприятия, обособляются формы мироощущения и складывается общественное мнение. А это значит, что региональная власть, по своей сути, является

основой в формировании имиджа России, силой, способной и созидать, и разрушать его.

В.А. Рыжков

Особенности формирования региональных имиджей

Уважаемые коллеги! Прежде всего, я хотел бы поблагодарить организаторов конференции, Юрия Георгиевича Чернышова за возможность и удовольствие выступить перед вами.

Что касается сегодняшнего выступления, то мне кажется очень интересной тематика форума, который проводится в этом году. Это не является сферой моих научных интересов, поэтому я выскажу несколько соображений практического толка, исходя из того, что я по роду своей деятельности побывал в очень многих российских регионах. Думаю, что уже более чем в 60. Последний мой опыт связан с Якутией, где я был неделю назад в рамках Валдайского клуба. Это ещё один регион России, который раньше для меня был «белым пятном», а теперь я составил своё впечатление о нем. Итак, сама постановка вопроса о том, что у каждого региона должен быть сформирован определённый имидж – абсолютно правильна.

Начну я с одного практического примера, как грамотный и чётко сформулированный имидж региона позволил решить многие социально-экономические проблемы в регионе. Это было в 90-е годы. Я имею в виду Великий Новгород. Новгород, который тогда возглавлял мой хороший знакомый Михаил Михайлович Прусак, губернатор Новгородской области.

На старте реформ Новгород был ничем не выдающимся регионом. Максимум, что знали о Новгороде, что это древний город, там есть Кремль, София и т.д. В основном, имидж Новгорода был связан с историей.

Михаил Прусак, будучи человеком молодым и исключительно энергичным, сумел буквально за два-три года переломить этот имидж и добавить к историческому имиджу Новгорода совершенно новое измерение. Он создал впечатление у всех в стране и за рубежом, что Новгород – это самый динамичный, рыночный, инвестиционно привлекательный регион, где губернатор лично помогает каждому инвестору и т.д. И это всё сработало. До сих пор в Новгороде работает около 10-ти западных крупных предприятий, которые были построены с нуля, например, шоколадная фабрика Кэдбери, немецкая стекольная фабрика и т.д. Вот пример, когда молодой, энергичный, динамичный руководитель сумел правильно позиционировать свой регион. Главная его работа заключалась в следующем: он ездил на международные форумы, встречался с инвесторами, которые тогда толпами ездили в Россию и говорил:

- Что Вы хотите?
- Нам нужна площадка.
- Пожалуйста.
- Нам нужны подъездные пути.
- Пожалуйста.
- Нам нужно быстро оформить документы.
- Пожалуйста.

Он этим лично занимался и за счет очень правильного позиционирования Новгорода создал очень хорошие условия для инвесторов и действительно, регион хорошо развивается.

Второй успешный пример позиционирования – это Вологодская область и город Великий Устюг. Теперь все знают, что это родина Деда Мороза. Каким образом Великий Устюг оказался родиной Деда Мороза? Это был исключительно проект по продвижению вновь созданного бренда. Никогда, конечно, Великий Устюг не был родиной Деда Мороза. И вообще, Дед Мороз, как Вы знаете, это вымышленный персонаж. В этом смысле у него не может быть родины как у Санта Клауса. Тем не менее, теперь вся страна знает, что Великий Устюг – это родина Деда Мороза и, действительно огромное число туристов из Москвы, Санкт-Петербурга каждый год садится на поезд, едет на «родину Деда Мороза», селится там в гостиницах, смотрит весь этот карнавал и платит за это деньги. Город, который фактически помирал (а он ещё и удалённый), труднодоступный, с огромным числом экономических проблем, он действительно на этом сейчас зарабатывает. Вот пример очень удачного позиционирования.

Только что мы с Юрием Георгиевичем говорили про Киров. С Кировом финал истории пока открыт. Мне он пока не ясен, потому что Никита Белых не отработал пока ещё и одного года. Он стал губернатором только в январе этого года. Но что интересно. Насколько важна все-таки роль лидера региона. Кто знал Киров до Никиты Белых? Никто не знал. Я туда приехал поездом с большой компанией людей из Москвы на его инаугурацию и выяснилось, что такого большого десанта из Москвы у них вообще никогда не было. В Кирове не был ни один лидер Советского Союза, ни один лидер России. Вообще в Киров никто не заезжал, потому что он стоит в стороне. Теперь Киров знают благодаря Никите Белых, благодаря тому, что там есть Маша Гайдар. Никита Белых старается привлечь сейчас туда международные форумы, конференции. Сейчас мы обсуждаем вопрос, чтобы Валдайский форум в будущем году прошел в Кирове. То есть, Белых начинает продвигать свой регион. Пока как продвигает? Дымковская игрушка, какие-то лапти и всё. На самом деле, пока у Кирова, кроме как Никиты

Белых и Маши Гайдар, позиционирования нет. Посмотрим, что будет в будущем.

Четвертый пример я приведу – это Кузбасс. Он нам близок, Кузбасс рядом. Тулеев за последние 10–12 лет, что он находится у власти, сумел достаточно удачно позиционировать Кузбасс. Когда мы слышим «Кузбасс», у нас сразу автоматически возникает две ассоциации. Первая ассоциация – что это экономически мощный, процветающий регион, который поднимается, где высокий уровень жизни. Для алтайских жителей кемеровчане – это люди на джипах, то есть на дорогих машинах, которые едут в Белокуриху. Вторая часть имиджа Кузбасса – социальная защищенность. Тулеев всю свою политическую риторику строит на том, что «у нас мощная экономика, и мы защищаем людей». Все соседние регионы знают, что в Кузбассе помогают учителям, врачам, пенсионерам и т.д. Я не знаю, на самом деле, так это или не так. Возможно, это и не так. Но, в целом, Тулеев сумел позиционировать Кузбасс как промышленный гигант с высоким уровнем социальной защиты.

Теперь неудачные примеры.

Тамбов. Тамбов – чудесный город, река Цна, стоят замечательные соборы, изумительные места. Что знает русский, советский, российский человек про Тамбов? «Тамбовский волк, который нам не товарищ». Всё позиционирование Тамбова построено на этой поговорке. У них водка «Тамбовский волк», пиво «Тамбовский волк», на плакатах – «Тамбовский волк». При этом я спрашиваю местных жителей, есть ли волки вообще в лесах. Говорят, что в прошлом году зашел один из Брянска, но его тут же застрелили. То есть, волков у них нет. Позиционирование региона совершенно не продумано и про Тамбов никто больше ничего не знает.

В Сибири, на мой взгляд, кроме Кузбасса, ни у одного региона нет четкого имиджа.

Омск. Что такое Омск? Не понятно. То ли это Колчак и «Сибирское правительство», то ли это что? Хотя Омск – крупнейший город с огромными историческими традициями. Позиционирования никакого.

Новосибирск. Что это? Столица Сибири? Что конкретно? Какая столица? Не понятно.

Томск. Казалось бы, бывшая губернская столица, огромное культурное наследие и т.д. Но они пока не могут определиться. То делается ставка на «культурную столицу», то на то, что это научная столица, то на то, что в болотах будем нефть добывать. В итоге у Томска тоже нет четкого позиционирования.

Наш родной Алтай. Мы тоже пока не можем определиться. То ли мы житница Сибири, тогда в основе имиджа должны быть сыр, колоски, трактора. То ли мы культурный центр, тогда – Шукшин, Евдокимов, Пырьев, Рерих и т.д. То ли мы рекреационная зона, тогда – реки, горы, березки, водопады. То ли мы игровая зона, тогда – рулетка, казино, «однорукие бандиты», огни рекламы и т.д. А всё сразу не получится, потому что регион должен четко ассоциироваться с чем-то определенным. В этом смысле, как мне кажется, должна быть проделана ещё большая работа. Но в целом, я бы повторился, что в Сибири, кроме Кузбасса, себя четко никто не позиционирует. Красноярск не смог пока, не смотря на то, что А. Хлопонин яркая личность. Республика Алтай, там всё проще, потому что есть регионы, которые уже имеют прочное позиционирование. Например, Петербург. Чего его позиционировать? Музей под открытым небом, Эрмитаж, ЮНЕСКО. Понятно. Москва – столица, Кремль, Красная площадь, сердце России. Понятно. Горный Алтай – горы, туризм, отдых, сплав. Всё прекрасно. А регионам без четкой идентичности позиционировать очень сложно и здесь предстоит работа.

Ещё один пример крайне негативного позиционирования – это Приморье, Приморский край, Владивосток. Благодаря скандалам с бандитами, разборкам, убийствам, контрабанде, арестам, расстрелам, убийствам тигрят и т.д. сложилось четкое позиционирование Приморского края как бандитского региона. Один из худших имиджей в стране. Как Приморью теперь из этого выбираться и перепозиционировать себя, совершенно непонятно.

На мой взгляд, у Алтая хороший потенциал. У нас действительно есть то, чего нет у других: климат, культура, природа и т.д. Но пока то, что я наблюдаю по позиционированию администрации, говорит о том, что они сами не могут четко определиться. Если это край, дающий силу, то кому силу? Мужчинам? Женщинам? Не понятно. Край, дающий свободу, то где он дает свободу? В чем он дает свободу? Край, дающий радость, чистоту, но посмотришь иногда налево, направо - где чистота?

Завершая, я бы сделал такой вывод. Есть в России регионы, которые позиционированы своим историческим прошлым: Золотое кольцо, Санкт-Петербург и т.д. Горный Алтай, я думаю, относится к этим регионам. Его не надо позиционировать, и так всё ясно: горы, Телецкое озеро, заповедник ЮНЕСКО и т.д. Нужно просто продвигать этот бренд.

С остальными регионами не так все очевидно. Довольно сложно позиционировать Алтайский край, хотя потенциал у нас хороший.

Позиционирование, на мой взгляд, зависит либо от харизматического лидера, либо от харизматической идеи. Примеры харизматического лидера – Прусак, Тулеев, Лужков, с именем которого неразрывно связан имидж современной Москвы, Шаймиев, который сформировал определенный образ Татарстана, как особого, процветающего, спокойного, стабильного, богатого региона с богатыми национальными традициями. Либо харизматическая идея типа Великий Устюг – родина Деда Мороза. Например, в Иркутске одно время пытались продвигать безумную идею, что Байкал – родина Санта Клауса. Где Иркутск, и где Санта Клаус? И они меня ещё спрашивают, как я к этому отношусь! Это яркая идея, но очень глупая. Идея должна быть аутентична для региона, она должна быть яркая и при этом точно отражать стиль региона.

В целом, идея региона должна отражать и брендовое позиционирование, потому что это будет способствовать развитию региона. Приведу ещё один пример. Сейчас в Перми губернатор Олег Чиркунов. Решил сделать Пермь культурной столицей. Что он сделал? Был заброшенный речной вокзал на реке Кама. Река Кама зимой покрыта льдом, навигация короткая, речной вокзал разорился, обанкротился, а здание стоит, прекрасное, красивое здание. Сделали там центр современного искусства. Пригласили из Москвы куратором известного галериста Марата Гельмана. Марат Гельман, в свою очередь, привез работы современных художников, скульпторов из Москвы, Санкт-Петербурга, из Европы. Пермь сейчас пытаются позиционировать как культурную столицу, хотя место не радостное, довольно мрачный город. Они пытаются из промышленной, холодной Перми сделать центр современного искусства. Но народ пишет, что участились грабежи. Речной вокзал стоит на отшибе, и когда публика идёт туда наслаждаться современным искусством, их по дороге периодически грабят. Поэтому возникает ещё один вопрос. Как создать центр культуры в Перми, обеспечив при этом безопасность тех, кто культурой и искусством интересуется? Эта история с Пермью показывает, насколько сложной задачей является позиционирование региона.

В заключение хочу сказать, что я выражаю надежду, что ваше обсуждение поможет Алтайскому краю нащупать те самые сильные стороны нашего края и тот точный образ, имидж и позиционирование, в котором мы, безусловно, нуждаемся.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Открытие конференции

Обсуждение доклада Ю.Г. Чернышова

Романова Е.В.: Мы говорим о лидерах различного плана, различного уровня, и хотелось бы услышать сравнительный анализ лидеров исполнительной и законодательной власти. Мы увидели представленную картинку лидеров региональной исполнительной власти. Однако по итогам конференции, недавно состоявшейся в Алтайском крае, посвященной КЗС, выяснилось, что люди часто путают лидеров законодательной и исполнительной власти.

Чернышов Ю.Г.: Я коротко скажу по законодательной власти. Здесь отчасти та же самая тенденция, то есть у нас в целом идет какое-то усреднение фигур политических лидеров, потому что нет конкуренции, нет нормальных выборов и, естественно, работают другие – номенклатурные – каналы смены элит, которые не требуют ярких качеств от политика. Они требуют от него лояльности, усредненности и т.д. Такие качества востребованы, такое время. К этому надо добавить то, что принцип разделения властей, который у нас вроде бы начинал работать в 90-е гг. со всеми издержками и т.д., он во многом аннулирован сейчас на практике. Сейчас многие законодательные органы практически штампуют те решения, которые им предлагает исполнительная власть. Если кто-то вдруг пытается своё мнение высказывать, протестовать, то он исчезает просто из этих органов. Один такой яркий пример – бывший вице-спикер Госдумы, который будет выступать у нас здесь в 14.00.

Что касается Алтайского края, то подтверждаются те же закономерности. Наверное, никто не скажет, что А. Назарчук – незаметная политическая фигура? Очень даже заметная и на федеральном уровне достаточно известная. Независимо от того, как оценивать его как политика и человека, нужно признать, что он – один из немногих алтайских политиков, которых более-менее знают в стране. В своё время министром был и т.д. И его судьба – это тоже наглядное подтверждение того, какую роль сейчас отводят законодательным органам. Такие люди сейчас там не нужны. Роль этих органов упала, соответственно, и политики там другого калибра.

Обсуждение доклада Е.С. Крестининой

Кагирова Г.Н.: Как Вы считаете, в зарубежной карикатуре какой процент объективности и какой процент злобности?

Крестинина Е.С.: Я затрудняюсь в четком процентном соотношении сказать об объективности и злобности. Понятно, что злобного,

наверное, больше просто по законам жанра. То объективное, оно в несколько раз гипертрофировано для того, чтобы это смотрелось смешно и ярко. Но, тем не менее, все основания, которые я положила при выделении сюжетных линий, объективны. Это не придумано, так нас действительно видят. То есть видят не Путина как нового Сталина, но Путина как человека, который хочет вернуться к Советскому Союзу. Видят Путина не как убийцу, но как человека, который допустил подобное. Конечно, злобное есть, преувеличение есть, что, повторюсь, вполне оправдано. Но основания все объективные, поэтому надо эту негативную информацию воспринимать как нечто такое, что действительно имеет место, и пытаться если не корректировать, то по крайней мере смотреть, как этот наш образ будет трансформироваться.

Манаков А.: Каков источник этих карикатур, какие СМИ использовались?

Крестинина Е.С.: Что касается источников. Представленные здесь карикатуры, а также те карикатуры, которые я рассматривала (их около 1000) можно разделить на два типа. Первый тип – это карикатуры, которые публиковались в газетах, в том числе газета «Guardian», «Independent», т.е. рисовались для иллюстраций конкретных статей и находились в зависимости от редакционной политики. Вторая часть – это карикатуры ради самой карикатуры. Они главным образом публиковались либо для конкурсов (есть известный конкурс World Press Cartoon), а также других конкурсов, либо для специальных ресурсов (сборники карикатур, сайты). Все они размещены в Интернете на нескольких сайтах, наиболее показательный и интересный с точки зрения изучения – это американский сайт politicalcartoons.com, там далеко не только американские карикатуры, там вообще представлено очень много политической карикатуры, которая принадлежит перу авторов со всего мира, но в основном из Америки и Европы. Это были основные источники. Конечно, попадались и случайные источники, размещенные на частных сайтах карикатуристов либо в различных форумах и блогах, но процент такой карикатуры был исчезающе мал и такие источники не очень показательны, потому что отражают не стереотипическое, а частное представление о том или ином политическом лидере.

Обсуждение доклада В.П. Андреева

Кагирова Г.Н.: Как Вы считаете, что даёт возможность держаться в настоящей системе политическим лидерам советского времени? Почему мало лидеров «новой формации» в настоящее время? Куда они делись?

Андреев В.П.: По первому вопросу. Партгосноменклатура была, конечно же, школой, где далеко не все могли выжить. К концу совет-

ского периода коммунистическая идеология для многих из них была не более чем шелухой. И они очень легко с этой шелухой расстались, тем более технари. А опыт, который они наработали, огромный, прежде всего аппаратный опыт. Это дает возможность им хорошо плавать в аппаратных коридорах.

Второй момент. Я бы хотел сослаться на английского историка Карлейля. У него непревзойденные политические портреты, анализ политического лидерства. Он отмечает, что, чем ровнее течение жизни, тем меньше ярких и крупных лидеров. А вот в переломные моменты, когда возникает потребность, число лидеров резко возрастает. Я думаю, мы сейчас перешли уже к такому равнинному, более-менее спокойному ритму. Не так много тех, кто пытается в нынешних условиях делать административную, политическую карьеру.

Романова Е.В.: Насколько развита коммуникативная политика и используются медиа-ресурсы законодательной властью Томска? У нас в Алтайском крае, к сожалению, законодательная власть находится в тени.

Андреев В.П.: До 1994 г., тогда, когда были Советы, Томский городской Совет, и особенно областной Совет в достаточной степени были самостоятельны. Теперь и Городская Дума, и Областная Дума находятся в тени. Сидящие там депутаты, на мой взгляд, решают свои проблемы или ждут, пока попадут в областную администрацию. Поэтому, как сказал Юрий Георгиевич, лояльность прежде всего. В Томской области аналогичная ситуация, что и на Алтае.

Секция 1

Обсуждение доклада О.Ю. Курныкина

Заусаева Н.А.: Недавно мне встретилось в литературе об интеллектуалах в политике, к числу которых, безусловно, Ганди относится, такая оценка Ганди -, что он для мира, в частности западного, считается чужим. В своей стране тоже чужой. Как Вы относитесь к такой оценке?

Второй вопрос. Хотелось бы услышать о Босе. Вы говорите, что он призывал к модернизации. Это оставалось только призывом или в этих призывах он предлагал какую-то модель, какую-то новую картину мира для Индии? Потому что мне видится разница именно в этом, что у Ганди уже была картина мира как у интеллектуала, которую он для своей страны предложил, а у Боса, видимо, не было.

Курныкин О.Ю.: Что касается Ганди. Я бы не стал говорить, что он предложил картину мира. Ганди был сосредоточен на своей стране. Этим, кстати, Бос и Ганди тоже отличались между собой. Мышление Ганди не было планетарным. Он оставался внутри своей культуры,

внутри своей цивилизации. В то время как Бос действительно пытался вписать Индию в контекст современной истории. Был ли Ганди чужим для Индии, для индийского общества, я думаю, что на этот вопрос могут ответить только индийцы. Для меня это звучит совершенно вновь и моё представление о Ганди не позволяет говорить об этом. Как раз сила Ганди, его влияние в индийском обществе определялись тем, что он акцентировал, аккумулировал те потоки, которые шли от миллионов индийских масс. Вместе с тем, он был достаточно прагматичным политиком, чтобы найти какие-то контакты с индийской политической элитой, с индийской бизнес-элитой, с колониальной администрацией. Его нельзя превращать только лишь в политика-святого, вместе с тем, именно этот облик определял его место в обществе. Вообще в обществе есть запрос на политиков двух типов. Первый тип – это святой, бескорыстный праведник, который постоянно думает о народе и, кстати, у нас такой облик пытались формировать из Ленина, добавляя к нему образ гениального мыслителя. Второй запрос – это запрос на сильного политика, решительного и мудрого вождя. В российском контексте эта роль отводилась Сталину. Бос и Ганди взаимно дополняли друг друга в этом смысле.

По поводу модернизации. Бос действительно пытался предложить какие-то реальные проекты, рецепты. Я могу упомянуть, что он был председателем Индийского национального конгресса, и по его инициативе была создана плановая комиссия во главе с Дж. Неру. Эта плановая комиссия по примеру советских пятилеток пыталась предложить конкретные планы индустриального развития Индии. В этом смысле он предпринимал реальные шаги, которые были возможны в условиях колониального общества.

Чернышов Ю.Г.: У меня вопрос в дополнение. Если бы проводился конкурс великих имен в Индии, какие бы места, по Вашему прогнозу, заняли эти политики?

Курныкин О.Ю.: То, что они вошли бы в первую десятку – это точно. Я думаю, что Ганди бы победил. Понятно, что у индийцев более многомерна историческая память, поэтому они мыслят другими временными категориями и другими ассоциациями. Может быть, здесь всплыли бы какие-то легендарные фигуры. Я это вполне допускаю. Если речь вести о реальных политиках, то Ганди, конечно, самая крупная фигура. А Боса я бы на месте индийцев в первую пятерку точно включил.

Кагирова Г.Н.: Скажите, есть ли параллели таких взаимодополняющих пар в западной европейской истории?

Курныкин О.Ю. Сходу я не берусь ответить. Надо подумать. Наверное, можно провести такие параллели. Может, кто-нибудь из специалистов поможет?

Бойко В.С.: Антитеза Ганди – Бос мне кажется безосновательной. Конечно, это две фигуры, но все-таки и биография Ганди и его деятельность – это отдельное явление, которому то, что сделано Босом и его фигурой, не может быть сопоставлено ни в каких плоскостях и ни в каких рейтингах. Во-первых, Ганди – случай вообще особый. Было верно отмечено, что он прагматик и т.д. Ганди был выдающимся идеологом прежде всего. Он создал гандизм. Это очень серьезная идеология. Потом Ганди является создателем политической партии. Только он создал Конгресс как партию. Но всё это происходило только пять небольших лет. Потом Ганди практически ушел. И не было никакого его противостояния с Босом. Ганди к тому времени был уже, как говорили, святым. Мне кажется, здесь упускается момент, который находится за пределами политологии. Ганди был жертвой психологического потрясения в подростковом возрасте. В каком-то смысле больным. Он совершал над собой страшные эксперименты. Он ушел из обычной жизни. Дело не просто в его скромности, он страдал оттого, что у него случилось в детстве. Дал обет безбрачия и т.д. Это был жестокий эксперимент по отношению к его семье. В отношении своей семьи он поступил преступно, его за это осудили. Я же говорю о других экспериментах, которые просто были смешны. Когда он обкладывал себя голыми девицами и говорил, что они его не интересуют. Он был странный человек во многих отношениях. Ему пришлось быть таким по многим обстоятельствам.

Возвращаясь к его делам, повторяю, что его запал пропал. Он в отчаянии голодовку устраивал. Постоянно ставил на карту жизнь свою. Это не действовало. И когда Бос выдвинулся в конце 30-х гг., его уже не было в политическом качестве. А только в моральном, легендарном и т.д. и т.п. Это разные плоскости все-таки. Его оппонентом был больше Дж. Неру. Именно он представлял собой реальную политическую альтернативу и стоял многие годы руководителем, хотя Бос тоже побывал в этом качестве. Бос, мне кажется, вообще находился за пределами политической традиции Индии. Не сказать, что это плохо. Он оказался новатором, но не в том, что он любил немецкие порядки. Все, без исключения, лидеры Востока, любили то, что происходило в Германии: и арабы, и иранцы и т.д.

У Ганди был ещё один момент. Я не хочу обвинять его в данном случае, но эти его странности и особый стиль породили личную неприязнь лидеров мусульманской общины и индусского большинства,

хотя Ганди был символом единства мусульманского. Его мусульманские лидеры просто не переваривали. Это серьёзно признается индийскими аналитиками. Это одна из причин раскола индийского общественного движения.

Ганди действительно огромный пласт внес, его обожали на уровне массового сознания. Бос тоже остается в памяти индийцев, но между этими двумя фигурами очень большая дистанция. Ганди – это уникальное явление, но политически кратковременное.

Курныкин О.Ю.: У меня здесь не будет комментариев. Просто я ещё раз убедился, насколько многомерна фигура Ганди и насколько над нами довлеют стереотипы восприятия. Каждый может усмотреть в этой фигуре то, что ему наиболее близко.

Обсуждение доклада В.А.Рыжкова

Бойко В.С.: Вы оговорились или правда так считаете, что есть властная пара Белых и Гайдар в Кирове. Мне кажется, это не сопоставимая пара: дочь бывшего редактора отдела журнала «Коммунист» и человек нового поколения, серьезный политик. Какой-то дисбаланс здесь.

Рыжков В.А.: Когда в регион приезжает молодой перспективный политик, лидер партии Никита Белых, а с ним приезжает Маша Гайдар, которую утвердили вице-губернатором, это только плюс. К региону возникает определенный интерес. К региону, о котором никто ничего не знал. Это создает шансы для Кирова, Кировской области, вызвать к себе интерес и сформировать какой-то определенный имидж. Но пока, на мой взгляд, они не нащупали ту линию, которая может им принести успех.

Кстати, я забыл упомянуть по Алтайскому краю важный момент. Я много лет наблюдаю, как в Москве, во-первых, относятся к Алтаю, и во-вторых, какой уровень знаний об Алтае. Должен Вам сказать, что, общими усилиями ли или естественным путем, но уровень знаний об Алтае значительно вырос за последние 14–15 лет. Теперь уже все знают, что есть такой город Барнаул. Когда я туда приехал, вообще не знали, где такой город. Все знают, что такое Алтайский край. Большую роль в этом сыграл Михаил Евдокимов. Тот год, когда он был губернатором и его трагическая гибель объективно способствовали качественному рывку в знаниях Москвы и европейской части страны про Алтай. Если в целом, то образ Алтая, в отличие от Приморского края, очень позитивный в Москве. Когда говоришь об Алтае, первые ассоциации возникают, что красивая природа, вторая ассоциация – Шукшин, Евдокимов, третья ассоциация – что это экзотично, Шамбала, особая энергетика. В целом, Алтай – известный регион. Я думаю, что Алтай один из наиболее сегодня известных регионов Сибири, если сравнивать

имиджевые веса таких регионов, как Омск, Томск, Красноярск. В целом, подход положительный, но не четкий.

И ещё одна проблема для Алтая, что по-прежнему, путают Республику Алтай и Алтайский край. Эта болезнь пока непреодолима. Даже в федеральных газетах, когда что-то происходит в Республике Алтай, пишут «в Алтайском крае» и наоборот. Это разделение ещё не осознанно, и до сих пор происходит постоянное смешение. Но в целом, достаточно известный регион с положительным имиджем.

Кряклина Т.Ф.: Если я Вас правильно поняла, то в формировании имиджа региона Вы отдаете предпочтение харизматическим качествам лидера, поскольку все Ваши примеры с позиционированием имиджа конкретного лидера Вы выводили на характеристику того или иного политического лидера. Так ли это? Если Вы настаиваете на этом, то я тогда буду задавать ещё вопросы, в чем-то Вам возражать.

Рыжков В.А.: Я сказал, что мой анализ сугубо субъективный, не научный. Из богатого опыта поездок по десяткам регионов я попытался понять, что, на самом деле, играет роль в удачном позиционировании региона. Я вывел такую формулу, что либо это яркий лидер, который своей личностью и своей деятельностью позиционирует регион, в том числе М.С. Евдокимов это делал. Либо это какая-то очень яркая идея, как с Великим Устюгом – родиной Деда Мороза (ведь не все из присутствующих, я думаю, знают фамилию Позгалёва, губернатора Вологодской области). Он не харизматичный лидер, он – хозяйственник. Но именно его команда сумела позиционировать Великий Устюг очень удачно, как родину Деда Мороза. Они это застолбили, и эта штука работает. Возможно, есть какой-то третий путь, но я его не знаю. Польза этой конференции в том, чтобы выяснить, есть ли другие пути, как без харизматического лидера или без харизматической идеи позиционировать имидж региона таким образом удачно, чтобы он привлекал к себе интерес, инвестиции и т.д.

Кряклина Т.Ф.: Что касается других факторов, которые влияют на формирование имиджа. Мне кажется, здесь надо учитывать исторические традиции, географический фактор, культурный и т.д. Поэтому, если говорить о Томске, о Томской области, о которой сегодня очень много говорили, я могу сказать, потому что долгое время работала в Томском университете, который закончила и т.д. Долгое время там был имидж «сибирских Афин», потому что именно в Томске был открыт первый университет в царское время и долгое время это был первый императорский университет за Уральскими горами. Сегодня четыре вуза города Томска претендуют на статус национальных исследовательских университетов. Ещё в 70-е гг. творческий коллектив, которым

руководил Бестужев-Лада, обосновывал идею о том, что Томск должен стать всесоюзным научно-образовательным центром. После развала Советского Союза эта идея как-то притупилась, но томичи до сих пор работают над тем, чтобы город стал наукоградом и для этого там, безусловно, есть большие потенциальные возможности. Сегодня утверждать, что Барнаул более известен, чем Томск, вряд ли возможно, кто проводил эти социологические исследования? Другое дело, что Вы, как политик, вращаетесь в той среде политической элиты, которая связана именно с этой землей, с этими алтайскими корнями. Мне кажется, что, действительно, позиционировать регион очень важно, и здесь, как мне представляется, сегодня на Алтае для этого делается немало, прежде всего, командой самого Карлина. При этом не так всё просто с имиджем. Здесь есть сфера приложения знаний именно политической науки. Потому что именно политологи должны обосновать тот механизм формирования политического имиджа региона, который сегодня более всего будет работающим. В советское время Алтайский край был регионом зерновым. Алтайский край был хлебной житницей Советского Союза вслед за Ростовом. Поэтому эти факторы нужно тоже как-то учитывать, а не только сводить всё к политическому лидеру. В целом, смотрите, «тамбовский волк» – живучее понятие. В памяти народа это живёт почему? Одесса – мама, Ростов – папа бандитов. Это тоже были какие-то традиции. Значит, давайте изучим эти традиции и если что-то не ляжет на историческую память, может, и не следует прилагать к этому силы для создания и формирования имиджа?

Рыжков В.А.: Очень короткий комментарий. Я как раз очень люблю Томск. В. Крессу предлагалось, к примеру, сделать упор на научно-образовательную сферу. А Кресс говорил, что «нет, у нас есть ещё аграрный комплекс, нефть, железная руда в болотах». То есть, там сама власть пока не может сконцентрироваться. Она хочет и это, и это, и это, а в итоге, образ «сибирских Афин» размыт. Потому что какие «сибирские Афины», если в болотах будем руду железную копать? Это не образ «сибирских Афин». Я с Вами совершенно согласен, что должна быть историческая подоплека, но всё-таки роль личности тоже играет роль. Если мы посмотрим, большая часть российских регионов известна именно благодаря харизматичным лидерам.

Корсун Д.С.: Скажите, пожалуйста, как Вы оцениваете роль Александра Бердникова в формировании имиджа Республики Алтай, особенно в свете событий января 2009 г.?

Рыжков В.А.: Я считаю, что роль Александра Бердникова и его команды сугубо отрицательная для имиджа Республики Алтай. Когда случилась эта катастрофа, он начал публично выгораживать преступ-

ников-браконьеров, врать, путаться в показаниях. В итоге, начиная с января этого года, практически все статьи, которые выходят в федеральной прессе, и все репортажи, которые выходили по федеральному телевидению по Республике Алтай – почти все негативные. Практически, начиная с января этого года, команда Бердникова формирует негативный имидж Республики Алтай. И если ещё год, полтора это продлится, то вся страна будет знать, что это бандитский регион, где власть покрывает браконьеров, где краснокнижных животных расстреливают с вертолетов федеральные чиновники. Поэтому ответ простой – Бердников наносит ущерб имиджу Республики Алтай.

Кругова Н.И.: Мне показалась очень интересной Ваша идея о роли символа, который должен представлять регион во внешнем мире, но как Вы считаете, насколько эта идея-символ реальна? В Вашем выступлении прозвучало, что один раз Вы делаете упор на то, что символ Деда Мороза вымышленный, а далее говорите, что эта идея должна соотноситься с реальностью. Может, главное, чтобы она работала?

Еще у меня вопрос. Вы говорите о том, что Вас интересует, какой будет имидж края именно для привлечения инвестиций. В этом смысле, любая идея, которая будет броской, она, видимо, хороша?

Рыжков В.А.: Это методологический вопрос – зачем, вообще, региону иметь имидж? Вот, например, живет себе какая-нибудь Амурская область. Что мы о ней знаем? Ничего. Я там не был, а так бы что-то знал. Как жизнь подсказывает, регионы, которые не имеют своё позиционирование, они бедные и слаборазвитые. Это каким-то образом связано, нужно отдельно изучать. Но в целом, сильное позиционирование каким-то образом способствует развитию. Либо наоборот. Если регион хорошо развитый, он тем самым сам по себе позиционируется. Тут какая-то взаимосвязь. Поэтому, не только инвестиции. В целом, и инвестиции, и репутация, и туристы – это всё взаимосвязано. Если, например, Великий Новгород при Пруске не только инвестиционно привлекательным стал, а он стал как конфетка, вылизанный, храмы все сверкают, этнографический музей великолепный, город просто очень хорош, настолько чистый, гостиницы с хорошим уровнем, общепит, ресторанчики, кафе... Туда приехать – одно удовольствие. А что такое Новгород? Это болота, торфяники, промышленности не было никакой. Был бы таким же нищим, как Киров, который на третьем месте в стране по пьянству и на последних – по уровню жизни. А Новгород по российским меркам процветающий городок. То есть, позиционирование, имидж, привлечение денег, комфорт и т.д. как-то связаны между собой. В этом смысле мне кажется, что у Алтая есть потенциал. Потому что, действительно, природа великолепная, лучшая, видимо, в Сибири.

Тепло, солнце, лето жаркое, горы. Где такое ещё есть? Везде есть? Но вот я был в Якутии. Природа великолепна. Однако осенью – тучи мошки. Я спросил про лето, так летом вообще не передать, что творится. Летом идёт человек – от него силуэт остается. Добро пожаловать в Якутию! А зимой – минус 70 градусов. Поэтому они и позиционируют себя как край алмазов. А что там ещё позиционировать? Якутия – это алмазы. Прямая ассоциация.

Алтай. Здесь действительно многое можно. Тема Рериха прекрасная, лучше Деда Мороза. Тема Шукшина, народности, духовности, теплоты – есть эта тема. Житница – не так плохо, это факт, мы и так до сих пор крупнейшая житница. Как это всё обыграть? Казино мне не нравится. Я бы это направление не развивал. Нужно что-то тёплое, связанное с природой, с культурой, с историей. Надо здесь где-то искать. И тогда в регионе в целом сложится всё, и он будет привлекательный.

Аршинцева О.А.: Вопрос апеллирует к опыту 90-х гг., первому периоду политической биографии уважаемого Владимира Александровича, но более общего плана. Не возникла ли проблема имиджа региона как некая дань конъюнктуре? В 90-е гг. вообще об этом никто не говорил. В краевой администрации тоже, по-моему, такая проблема не стояла. С чем связано нынешнее состояние? Если не с некой конъюнктурой, хотя она, конечно присутствует, то с чем? Почему эта проблема сейчас стала такой популярной? Почему в 90-е гг. мы не использовали все те же резервы, которые были у нашего региона при гораздо большей степени свободы, разнообразия выбора, а сейчас вдруг все озаботились и начинаем пенять на авторитарные качества отдельных региональных лидеров и т.д.?

Рыжков В.А.: В 90-е гг. просто было не до этого. Потому что в 90-е гг. повестка дня была такая: замерзнет Рубцовск к 15 декабря или не замерзнет? Или, например, обанкротится барнаульский аэропорт или не обанкротится? Или, например, сможем мы заплатить учителям отпускные? То есть, там такая была катастрофическая повестка дня, на выживание. Поэтому никто не думал об имидже региона.

Второе. Что изменилось. Я думаю, что в поиске Алтайским краем своей идентичности есть объективная экономическая основа. Алтайский край в гораздо большей степени объективно ориентирован на туризм. Потому что при всем уважении к Якутии, но представить Якутию туристическим раем после поездки туда мне очень трудно. Точно также мне очень трудно представить центром туризма Красноярск или Ханты-Мансийск с той же мошкой и комарами. А Алтай удачно пошел по пути развития туризма. Понятно, что 95% – это Республика Алтай.

И это 100-километровая алтайская «рублёвка» (Майма – Чемал), как я её называю, дает очень мало. Эта алтайская «рублёвка», где идет основной поток инвестиций, вложений,строек, развития инфраструктуры. Алтайский край хочет свою нишу занять на этом рынке. А это - Солонешное, Чарышский район, Красногорский район, сам Барнаул, Бийск, где тоже есть, что показать. Поэтому, как мне кажется, это связано с объективным пониманием того, что туризм становится значимой отраслью, что для развития туризма нужно очень яркое позиционирование региона, нужно иметь набор в 20–30 очень привлекательных достопримечательностей, которые все хотят посмотреть. И это нужно продвигать.

И последнее, на что я обращаю Ваше внимание. Это мало кто понимает, но на сегодняшний день туристическая отрасль – это 10% мирового ВВП. Это гигантский фактор мирового развития, потому что это и транспорт, и индустрия питания, проживания и т.д. Алтай имеет здесь объективные конкурентные преимущества, благодаря климату, расположению и густонаселенности нашего западносибирского региона, где, если ты хочешь спастись от холода и мошки, ты едешь на Алтай летом. Если тебе не хочется лететь за границу или нет денег на это, то сядишь на машину и едешь на юг, на Алтай и через 10 часов оказываешься в прекрасных горах, где можно спать на улице и прекрасно проводить время. Поэтому в 90-е гг. нам было не до этого, а сейчас это очень привлекательная и потенциально мощная отрасль и край совершенно правильно делает, что пытается позиционировать регион как привлекательный центр культуры, туризма, отдыха и т.д.

Золотарев М.С.: Хотелось бы озвучить одну мысль, которая может Вам показаться довольно простой, в то же время, на мой взгляд, она весьма значима. Владимир Александрович представил нашему вниманию некий эмпирический срез своего личного отношения к различным регионам и рассказал нам, насколько тот или иной регион привлекателен с точки зрения привлечения инвестиций и прочего. В его докладе можно проследить некую тенденцию, что имидж положителен в том регионе, в котором слова не расходятся с делом и где, будь то харизматичный лидер или нет, в том регионе, где осуществляется четко выверенная и правильная политика, в том регионе и есть положительный имидж. Поэтому здесь напрашивается такая формула: перейти от слов к делу и потом на основании этих дел уже перейти опять к словам. Когда будет некий прогресс, начинать об этом говорить.

Ещё хотелось бы сказать, что узнаваемость и знание – это несколько разные понятия. Узнаваемость можно легко заслужить, а знаний о

регионе нужно добиваться планомерно, поэтапно и решая насущные социально-экономические проблемы.

Заусаева Н.А.: Нельзя ли те идеи, которые высказывались по поводу туризма и природы нашей, объединить в идею природной уникальности? Наша природа не только уникальна, но она представлена в разных природных зонах: тайга, горы, предгорье, степь, лесостепь, уникальные ленточные боры. Человек, приехавший к нам, может посещать экскурсии, побывать в разных зонах. Уникальность заключается и в том, что наш регион один из самых солнечных. Отсюда перспективы развития солнечных батарей. Ещё уникальность региона в том, что у нас выращиваются твердые сорта пшеницы. Сегодня во всем мире большим спросом пользуются экологически чистые продукты и мы вообще могли бы всю Сибирь и даже больше обеспечивать этими экологическими продуктами и т.д. Сюда, конечно, можно подвести культурные особенности, особый мир и т.д. Это всё, по сути, природная уникальность, если понимать природу в широком смысле. Наверное, над выработкой идеи имиджа научное сообщество должно объединиться и потрудиться.

Рыжков В.А. Я понимаю, в чем сложность Вашего подхода. Хочется и то, и то, и то. И ленточные боры, и твердую пшеницу, а это разное позиционирование. Ленточные боры – это один имидж края, а твердая пшеница – совсем другой. А идея уникальности – сразу возникает вопрос-ловушка. А в чем уникальность? Если Вы начинаете 500 признаков перечислять уникальностей, это не сыграет, потому что человек заснет или забудет уже на третьем пункте. В том-то вся и трудность, что нужно на одном чем-то сконцентрироваться, как это ни тяжело. У нас столько всего, а нужно суметь выделить основное позиционирование. Это самое сложное. Вот, например, Челябинск, где исторически сложившееся позиционирование – Танкоград. Возникает вопрос. Люди хотят жить в Танкограде? Во-вторых, что показывать в Танкограде? Танки? В-третьих, как привлекать туристов в танкоград? Танки давно уже не делают, а имидж остался. В этом проблема.

Манаков А.Н.: Какие проблемы с имиджем мешают создать мощную либеральную партию?

Рыжков В.А.: Что касается либералов, это совершенно отдельная тема. Конечно, я считаю, что либералы в значительной степени дискредитированы в нашей стране, и прежде всего сами себя дискредитировали, потому что 20 лет вместо того, чтобы бороться за демократию, они боролись друг с другом. Я, к счастью, в этом практически не участвовал, но вместе с Вами скорблю об этом. Либералы сами себе испортили имидж, в результате их нет в Государственной Думе и в

большой политике. Это большая беда, потому что, по опросам Левада-центра, до 20% граждан России твердо разделяют демократические ценности. Это 20 млн человек. И эти 20 млн человек не имеют ни одного представителя в Государственной Думе. Это говорит о том, что у нас политическая система не адекватно представляет структуру общества.

Обсуждение доклада Н.И. Круговой

Манаков А.Н.: Я не соглашусь с тем, что какие-то вспышки на солнце порождают выдающиеся личности. Объективные социальные условия, в которых существует человек, когда они не стабильны, находятся в кризисном состоянии, они и порождают эти личности. Не нужно таких категорий. Они не понятны.

Второе. О роли этих личностей в истории. Она действительно велика, так как объективные факторы действуют только через субъективное проявление.

Кругова Н.И.: Я очень люблю партию «Яблоко». Но в чем они проигрывают, на мой взгляд? Явлинский всегда говорит, что у нас партия программная, то есть он, по сути, предлагает читать их программу, и решать, идти за ними или нет. То есть, это обращено к разуму. Явлинский взывает к разуму, а люди не хотят читать. Наука доказывает, что побеждает не тот, кто ориентирован на программу и разум, а тот, кто ориентирован на эмоцию, на мгновенное восприятие.

Кряклина Т.Ф. Мне кажется, что в Вашем выступлении заявлена действительно интересная проблема. Проблема соотношения биологического и социального в формировании политического лидерства. Те идеи, о которых Вы говорили, встречаются в современной политической науке. Когда речь идет о лидерах, то подчеркивается, что далеко не всегда лидер должен быть умнее, образованнее и т.д. Почему? Потому что ему очень часто приходится работать с огромной массой людей, с толпой. Там, безусловно, многие вещи воспринимаются на эмоциональном уровне. Почему Гитлер выступал очень часто в конце рабочего дня перед людьми на улице? Потому что к этому времени они возвращались с работы уставшие и не всегда критически относились к тому, что он говорит. То, о чем Вы говорите, действительно рассматривается на уровне психологии. Много можно привести теорий, где утверждается, что есть люди, которые изначально рождены для того, чтобы повелевать, а есть люди, которые просто способны хорошо подчиняться. Все это имеет место. Я вижу здесь проблему, которая действительно требует очень серьезного анализа. Потому что сейчас пока отдельные тут примеры. Вот такой лидер, вот другой. А если провести серьезное исследование и посмотреть на многих лидеров, тогда более

объективная картина возникнет. Что же там превалирует? Либо биологические особенности человека, либо социальные факторы. Не будем забывать, что на человека, который становится лидером, начинает работать целая команда, которая его начинает вести и говорить ему, как нужно держаться, как нужно улыбаться, как нужно зарабатывать свой имидж и авторитет. Там уже начинают работать технологии.

Кругова Н.И.: Сама идея политехнологий ориентирована на то, чтобы использовать инстинктивные установки. Они направлены на то, чтобы у человека превалировал инстинкт, а не разум в политическом выборе. Ложной является установка, что люди заинтересованы политикой, что они долго и упорно отслеживают программы и выбирают, за какую программу они будут голосовать. Почему эти технологии особенно эффективны в последние дни перед выборами? Потому что именно в последние дни домохозяйки отрываются от своих кастрюль и вспоминают, что завтра выборы, и смотрят, кто там в телевизоре, кто им понравится. Идут и голосуют.

Ильин А.В.: Я не понял, почему Вы считаете, что теория о роли личности начала формироваться только в эпоху Просвещения? Лично я считаю, что эта теория начала появляться уже в древнем мире, средние века, а в последующем, как мы знаем, многие лидеры даже подражали древним, например, Александру Македонскому. Например, Карл XII читал какие-то произведения об Александре Македонском и старался ему подражать, развивать в себе качества, присущие этому политику.

Еще я хотел бы спросить, как Вы считаете, какие-то качественные изменения в истории происходят под влиянием той или иной яркой личности, или личность появляется тогда, когда этого требует история?

Кругова Н.И.: Я считаю так же, как Гумилев, что для того, чтобы пассионарий мог себя реализовать, масса народа должна быть пассионарной. Если этой пассионарности не хватает у массы народа, то личность ничего не сделает. Че Гевара – яркий пример. Когда ему не стало хватать пассионарности кубинцев, он уехал.

По поводу древности, то в античности выделялась идея рока, а рок выше личности. В средневековье – провидение.

Степанова О.В.: Я придерживаюсь немного других, традиционных взглядов. Например, в отечественной историографии известная лекция Соловьева «О роли Петра Великого» или в лекциях Ключевского представления о том, как московские князья повлияли на возвышение Москвы. Московские князья там представляются хозяйственниками. Мне кажется, москвичи до сих пор любят хозяйственников,

стоящих крепко на земле. У Вас другой взгляд, что личность уже рождается такой. Как Вы считаете, какова эволюция представлений историков о роли выдающейся личности в истории от Просвещения и на сегодняшний день?

Кругова Н.И.: О том, что москвичи любят хозяйственников – это не противоречит тем представлениям, что лидер станет лидером там, где уже сложились определенные традиции. Это использование тех психологических установок, которые отложились на территории центральной части нашей страны.

Кротов А.В.: Не считаете ли Вы, что выдающаяся личность, поднимаясь вверх, больше выполняет не общественные функции, а для начала решает свои личные проблемы? Комплексы в детстве, скелеты в шкафах и т.д.? Если посмотреть на Наполеона, М. Ганди, на Ленина, на Сталина, то у них много было в детстве и юности проблем, с которыми им пришлось в течении жизни бороться, то есть, поднимаясь вверх, решать те детские и юношеские проблемы.

Кругова Н.И.: Данные исследования давно ведутся и психология лидерства, понятно, связана с анализом детских травм, впечатлений и комплексов, сформировавшихся в глубоком детстве, но я не стала бы сводить цели, которые ставит перед собой политик, к этим психическим комплексам. Нужно разводить понятия «психика» и «нравственность». Нравственность определяет в человеке его установки, а эти комплексы формируют способ достижения этих целей. А цели могут быть различные. Никто меня не разубедит в том, что, например, лидерами 90-х гг. двигала не любовь к России, а только свои личные амбиции. Это свойственно интеллигенции – быть озабоченным судьбами страны. И это свойственно не только российской интеллигенции. У Вас речь идёт о способах достижения власти. Это другой аспект. И так же Ленин был убежден, что он «железной рукой загонит Россию в счастливый век». Всё делалось во благо народа. Здесь разве личные амбиции?

Обсуждение доклада В.А. Козлова

Бойко В.С.: Как известно, короля делает свита, так или иначе Рузвельт – это смонтированный образ. В какой степени проявилась роль коллективного в деятельности Рузвельта? Насколько с ростом Рузвельта связывают общее повышение грамотности американского стиля управления внутри страны и на международной арене?

Козлов В.А.: Как известно, Рузвельт создал интеллектуальный или мозговой центр, куда входили американские интеллектуалы. Из экономистов это были последователи Кейнса. Но я хотел бы отметить одно обстоятельство. Вместе с тем, Рузвельт достаточно трезво относился к возможностям американских интеллектуалов. Достаточно скепти-

чески он относился ко всем тем предложениям, которые шли со стороны Кейнса. Больше всего он все-таки полагался на свой здравый инстинкт. В годы войны Рузвельт не постеснялся обратиться к старым кадрам за помощью, они имели опыт и имели какие-то наработки в этом отношении. В целом если говорить, то, естественно, интеллектуальная жизнь в Америке за время президентства Рузвельта поднялась на значительно более высокий уровень.

Ильин А.В.: Я не совсем согласен с тем, что социально-экономические изменения в США произошли без чисток и без крови. Я встречал такое мнение, где сравниваются экономические методы США и Советского Союза, какие методы использовал Рузвельт и какие Сталин. Когда была Великая депрессия, многим безработным давали такую работу, как, например, болота осушать или дороги строить, они получали за это скудный поек и 5 долларов в месяц. Вы можете какие-то параллели провести между имиджем Сталина и Рузвельта?

Козлов В.А.: Могу. И тот и другой имеют имидж выдающихся личностей. Относительно личности Рузвельта не как президента, а как человека, лично у меня никаких сомнений нет, что это был действительно выдающийся человек и никто это не отрицает.

Что касается общественных работ, то здесь скорее надо проводить параллели с фашистской Германией, чем с Советским Союзом.

Аршинцева О.А.: Субъективная реплика по поводу представления позиции отечественных историков, которая, как мне показалось, несколько сужена до точки зрения А.И. Уткина. В профессиональном сообществе А.И. Уткин имеет определенную репутацию, я сейчас её не буду излагать, но в значительной степени его позиции продиктованы исключительно конъюнктурой. В отличие от него, некоторые другие наши коллеги-историки руководствуются более объективными представлениями, что расширяет возможности их анализа и защищает от некой предвзятости. Просто далеко не все отечественные историки солидарны с А.И. Уткиным, который в свою очередь имеет определенную сложившуюся репутацию.

Козлов В.А.: Я с самого начала сказал, что я не американист и не биограф Рузвельта. Меня интересовало это с точки зрения трансформации капитализма в целом.

Обсуждение доклада А.М. Бетмакаева

Манаков А.Н.: Я бы хотел обратить внимание, что структура экономики, которая сложилась в ГДР, существенно отличалась от той, которая была в других странах советского лагеря. Там сохранялся значительный частный сектор, особенно в сфере услуг. За счёт этого, во многом, ГДР позиционировала себя как страна развитого социализма.

Это очень важно, так как те реформы, которые там шли, у нас начались гораздо позже, во время Горбачева. Частный сектор составлял значительную конкуренцию государственному и во многом был двигателем развития.

Бетмакаев А.М.: Я с Вами согласен, но о значительной конкуренции я не стал бы говорить. В основном, экономика ГДР была государственной. В сфере услуг, торговли и пр. допускались какие-то лагуны, где можно было делать отступления, но крупная промышленность, да и аграрное производство оставались государственными. Нужно подчеркнуть, что, например, реформы Косыгина были нацелены на то, чтобы ввести методом хозрасчета какой-то рыночный привкус. В ГДР это лучше происходило: более последовательно и с большей отдачей. Нельзя также забывать, что экономика ГДР подпитывалась во многих моментах достаточно дешевыми, да и практически бесплатными поставками советского сырья. Та же самая восточногерманская промышленная продукция находила сбыт в основном в Советском Союзе. Больше это был условный сбыт, то есть, завозилось оборудование в обмен на какие-то другие товары. Доходило до того, что оборудование простояло не освоенное в Советском Союзе, но экономика ГДР работала.

Обсуждение доклада Н.Ю. Кузьминых

Манаков А.Н.: Как отразились сексуальные скандалы последнего времени на имидже Берлускони?

Кузьминых Н.Ю.: На протяжении всей своей политической карьеры С. Берлускони преследовали подобные скандалы. Даже если сравнивать со скандалом Била Клинтона, хотя там и была одна девушка, но та история казалась очень темной и неприличной. А что касается С. Берлускони, то итальянское общество уже привыкло к его манере жизни, он ведет себя естественно и даже из этого скандала он все равно выходит с видом собственного внутреннего большого достоинства. В этом его большое преимущество. Итальянское общество научилось воспринимать С. Берлускони таким, какой он есть, со всеми его недостатками.

Курныкин О.Ю.: Берлускони, пожалуй, самая медийная фигура на европейском политическом пространстве. Нередко употребляют понятие «харизматический лидер» в отношении Берлускони. У меня ощущение, что этим определением нередко злоупотребляют в средствах массовой информации, да и в политологической литературе. Что дает основание говорить о Берлускони как о харизматическом политике? На мой взгляд, это просто популярность. И насколько это определение применимо к европейской политической практике?

Второй вопрос. Можно ли говорить, что Берлускони воплощает какие-то черты итальянского национального характера? Если да, то в чем эти черты проявляются?

Кузьминых Н.Ю.: На выборах 2006 г. стало понятно, что он, например, по сравнению с Р. Проди гораздо более яркая фигура, харизматичная. Я согласен с тем, что его можно считать больше раскрученным персонажем, чем харизматичным. Но, с другой стороны, итальянцы любят не только его внешние черты, но и то, какой образ жизни он пропагандирует. Это роскошь, чувство собственного достоинства и т.д. Итальянцам это нравится. С. Берлускони – это не просто человек, а и стиль жизни, манера жизни.

Что касается второго вопроса, то, как я уже сказал, Берлускони является порождением послевоенной Италии. Он видел все ужасы политических распри коммунистов и христианских демократов. И все-таки он воспринял то, что касается связей семей. Он помогает определенным политическим, экономическим группировкам. В Италии очень сильны группировочные связи. Берлускони, скорее, отражает не национальный характер, а то, какими итальянцы хотели бы видеть себя сами. В другой стране, я думаю, он вряд ли мог бы стать премьер-министром.

Кротов А.В.: Вы знаете, что из европейских лидеров самый главный друг В.В. Путина – Берлускони. И в то же время имидж Берлускони наиболее сильно отличается от имиджа В.В. Путина. Не говорит ли это о том, что в душе и по-настоящему наш бывший президент очень сильно похож по всем моментам на господина Берлускони, тем более у них даже и дочери дружат?

Кузьминых Н.Ю.: Я согласен, что у В.В. Путина было гораздо больше причин сойтись с Берлускони, чем с каким-нибудь другим европейским политиком по некоторым показателям. Вместе с тем, Берлускони иногда обвиняют в том, что он чересчур монополизирует власть и что он руководит какой-то группировкой давления. То есть здесь прослеживаются какие-то общие закономерности с В. Путиным. Что говорить о дочерях, что они сошлись? Я думаю, что они сошлись как люди, у которых могут быть общие жизненные ориентиры, а не как те, у кого отцы главы государств. У Б. Ельцина тоже были большие друзья.

Обсуждение доклада В.С. Бойко

Ильин А.В.: Я хотел спросить, сейчас в Афганистане ситуация не стабильная, как и всегда: разруха, никакого нормального производства, кроме наркотиков. С одной стороны официальное правительство, с другой – талибы, с третьей – натовцы. Вообще, есть ли у кого-то шанс стать единоличным лидером в стране? Если да, то у кого?

Бойко В.С.: Конечно нет. Пуштуны по своей статистике потеряли такое право. В то же время, негласно считается, что не пуштун не может руководить государством. У самих пуштунов проблема: масса их иммигрировала в Пакистан, они ослабли. Они знают, что они избранный народ, но не знают, что делать. Возвращаясь к вопросу, я скажу, что здесь полный разнбой. Советский опыт предложения лидеров провалился, так же как и американский. Нет чистого человека, нет хорошего лидера. В результате этих длительных конфликтов получился дефицит лидеров.

Манаков А.Н.: Афганистан относится к традиционным обществам. Как Вы думаете, в любом традиционном обществе лидерами являются религиозные деятели? Не считаете ли Вы, что нехватка светских лидеров объясняется тем, что огромное влияние на общественное сознание оказывают именно религиозные лидеры? Какова ситуация на сегодняшний день?

Бойко В.С.: Тут особый случай. Дело в том, что пуштунское большинство всегда во главу угла ставило племенные законы, они были выше норм ислама. Суннитское духовенство всё рассредоточено. Здесь всё рассредоточено по деревням. Потом, у афганцев не было серьёзных международных связей в исламском мире. Они были на отшибе. Не то, чтобы они были изолированы, но у них ислам был и классический, были и элементы периферийного ислама, шиитский ислам очень силен, суфийский и т.д. У них довольно мало было авторитетов. Это смешно, но их нынешние лидеры и времен моджахедской войны учились в Ташкенте, в Советском Союзе. У них некая ущербность присутствует. В массе своей – это классические мусульмане-афганцы. А верхушка... Во-первых, она была тесно ассоциирована с королевской властью, многие занимали гражданские посты. Я бы не стал переоценивать роль духовенства как такого. Даже эти лидеры выступали в гражданском качестве, преподавали в университетах, то есть были самые образованные мусульманские лидеры. Основная масса имеет плохое образование. Я имею в виду знание арабского языка. Это редкость.

Курныкин О.Ю.: В Вашем ярком сообщении была представлена череда, по сути, политических неудачников. Создается впечатление некой безысходности. Может быть, для Афганистана отсутствие национального лидера – это нормальное, естественное явление? Может, это особая форма государственности, которая там складывается? Может, не очень удачно, но тем не менее. В связи с этим вопрос. Насколько Вы считаете эффективными попытки западных стран насадить в Афганистане современные государственные институты?

Бойко В.С.: Да, действительно, в этой стране никогда не было устойчивого центра. В каком-то смысле нынешнее состояние является естественным, если не считать элемент гражданственности, который, кстати говоря, имеет региональные всплески. Ведь север в течение многих лет был развитым, там были университеты, там экономика была реальная. Де факто, существовала федерализация. В этом смысле Вы правы. В этом смысле Афганистан научился жить. Это, возможно, особый тип государственности. Это не абсолютно серая зона, а это определившийся со временем тип организации. Он, в каком-то смысле, не хуже других.

Кротов А.В.: Я встречал мнение людей, которые рассуждали об Афганистане так: может, оставить Афганистан на 10–15 лет в покое, не вмешиваться никаким странам, и всё образуется? Как Вы относитесь к этому мнению?

Второй вопрос. Что же лидерам западного мира, в том числе и России, делать с Афганистаном? Ваше мнение, как человека, который там был.

Бойко В.С.: 10–15 лет – это огромный срок. И вообще говоря, это было бы не то, чтобы не совсем честно. Вы понимаете, что сегодня наркобизнес... Даже в 50-е гг. при премьер-министре Даурии на уровне ООН разрешалось производить наркотики для дохода, не криминального, а для медицинских целей. А сейчас, я не имею в виду, что люди там отвыкли от производства, но это огромный срок, за который невозможно какую-то альтернативную модель существования предложить, просто поддержания жизни. Американцы, вы знаете, хозяйственно-экономические проекты различные предлагают... Деньги пытались собрать. Плохо собираются эти деньги. Вопрос там встает о фантастической экономической помощи. Страну надо взять на содержание, по сути дела. Это никто не готов сделать. Это одна сторона дела.

Вторая. Есть очень серьезные силы, которые заинтересованы в ее криминализации, отмывании денег. Я вам скажу, я это не сам вывел, что в 90-е гг., когда началась война в Чечне, денег на нее не было. Деньги давал Афганистан. Потому что оружие продавали всем сторонам, кроме талибов, талибы сами захватили оружие и не хотели покупать у России. А все покупали. За счет таких грязных видов бизнеса такие криминальные дела делались, как Чеченский проект. Я имею в виду не только войну, но и отмывание денег через всю эту чеченскую чехарду. Поэтому заинтересованность крупных криминальных международных структур, криминально-экономических структур, плюс необходимость в огромных средствах, которые по-доброму с трудом удается собрать. Но потом, вы слышали, доходят они и разворачиваются все эти иностранные агентства. Никто не знает, как одновременно все эти проблемы решить.

Секция 2

Обсуждение доклада Ю.А. Митяевой

Крестинина Е.С.: Как Вы знаете, после того как была опубликована статья на сайте Газета.ру, а затем на официальном сайте Президента, спустя несколько дней была опубликована еще одна статья, которая описывала ответ Президента одному из написавших на e-mail весьма странный футурологический прогноз. Как, по Вашему мнению, ответ на такое спорное и странное письмо укрепляет имидж или наоборот разрушает, потому что Президент вовлекается в диалог со странным собеседником, и какой эффект это произведет?

Митяева Ю.А.: Я считаю, что это хорошая практика, когда президент откликается на те вопросы и сценарии, которые предлагает ему гражданское общество и блоггеры. То, что Д. Медведев откликнулся, это, конечно, большой плюс ему в глазах всего интернет-сообщества и в целом в глазах политически активной части общества. Это говорит о том, что он пытается прислушиваться, хотя и не все комментарии и высказывания может увидеть и услышать. Но что-то, даже через пресс-службу, доходит до президента. Это хорошо, потому что та информация, которая поступает президенту от пресс-службы, одна информация. А та информация, которой с ним пытаются поделиться люди – это совершенно другие вещи. В целом, это оценивается положительно.

Гончаренко А.И.: Первый вопрос. Чего больше, на Ваш взгляд, в тяге к политическому интернету у наиболее активной части российского общества – это стремление пользоваться более современными информационными технологиями или это следствие отсутствия возможности получать альтернативную и объективную информацию в традиционных СМИ, какими являются телевидение, радио, газеты?

Второй вопрос. Как Вы считаете, поход Д. Медведева в Интернет – это попытка отобрать часть электоральных симпатий у В. Путина или это, наоборот, попытка тандема отобрать ещё, может быть, одну из последних площадок у оппозиционных политиков?

Митяева Ю.А.: Нельзя однозначно ответить на Ваш первый вопрос. Потому что, с одной стороны, действительно, люди понимают то, что в эпоху информационных технологий информация становится главным ресурсом, тем товаром, к которому стремится современное общество. Об этом говорит постоянный рост числа интернет-аудитории именно среди тех людей, кто раньше не являлся интернет-пользователем. Люди приходят к осознанию того, что информация – это капитал. Конечно, заигнотизированность, зомбированность российских средств массовой информации отталкивает от их просмотра тех, кто заинтересован в развитии гражданского общества, тех, кому не

безразлична судьба современной России. Они идут в Интернет. Поэтому, отвечая на Ваш вопрос, что больше притягивает людей в Интернет, скажу, что это и то, и другое. В процентном соотношении я не могу сказать, что больше. Предпочтения у разных людей разные.

Я не думаю, что поход Медведева в Интернет преследует цель отобрать последние площадки для оппозиции. Если бы действительно стояла такая задача, то это было бы закреплено на законодательном уровне. Такие попытки предпринимались московской властью. В частности, Юрием Лужковым, когда против него была инициирована массовая интернет-кампания и пытались принять закон о том, чтобы ограничить эту сферу и приравнивать интернет-ресурсы к средствам массовой информации, чтобы они могли отвечать за свои слова в суде. Этого не произошло и, наверное, вряд ли это возможно, поскольку Интернет – это динамично развивающаяся среда, и сложно представить, что какие-либо законодательные акты будут успевать за развитием этих технологий. Я считаю, что это не позиция, забрать какую-то площадку. Просто государственная власть также хочет отломить свой кусок пирога в погоне за рейтингом. Это нормально. Это обычная конкуренция, которая происходит в сфере СМИ.

Обсуждение доклада В.Н. Козулина

Крестинина Е.С.: Вы сказали, что были заказные публикации с попыткой реабилитировать имидж. Не могли бы Вы вкратце объяснить, к чему апеллировали авторы этих публикаций, то есть объясняли ли они положение каким-то особым путем России, какими были их аргументы? Спасибо.

Козулин В.Н.: Что касается аргументов этих авторов заказных публикаций, то, я думаю, здесь можно назвать два аргумента. Во-первых: все придумал, налгал, не понял Россию, то есть лучший способ защиты – нападение, как известно. А с другой стороны, это, действительно, такие аргументы, как «специфика, самобытность», т.е. якобы «русский народ и царь едины». Вот Греч, допустим, об этом писал, Яков Толстой, по-моему, тоже написал подобную книжку, потом Дюэ. То есть они все писали, что русский народ доволен этим режимом, и ему очень хорошо живется, он любит царя, это единение взаимное, т.е. славянофильство такое, типичные славянофильские аргументы, что они могли еще противопоставить? Все, на самом деле хорошо, Россия процветает. Эти аргументы были действительны, возможны, только до окончания Крымской войны, конечно, потом они уже не действовали, потом такие аргументы не выдвигались.

Козлов В.А.: Бушков, наш писатель, в художественной форме сфокусировал вот на какой проблеме внимание, дал свое объяснение.

Что Александр Павлович, Александр I, стремился понравиться Западу, поэтому шел на недопустимые уступки, а негативное отношение к России Николая I связано с тем, что он не стремился понравиться Западу, а жестко соблюдал интересы России. Как Вы считаете, насколько негативное общественное мнение, преобладавшее в отношении к России, оказывало влияние на реальную политику европейских держав?

Козулин В.Н.: Я хочу на первую реплику Вашу ответить. Я здесь не могу согласиться по поводу того, что Николай I не стремился улучшить свой имидж. Я говорил о том, что, наоборот, он так хорошо отнесся к Кюстину, так его встретил радушно при дворе, потому что он желал, чтобы о нем написали что-то хорошее. Это во-первых. Потом он предпринял визит в Англию, чтобы улучшить отношение к нему в Англии, и там тоже всячески стремился быть очень хорошим, лояльным политиком, но это было уже невозможно, потому что он приехал в Англию уже после того, как вышла книга Кюстина, после того, как она вышла и в английском издании и после всех этих польских проблем, то есть это тоже, скорее, оказало негативное влияние, хотя он очень старался. И вообще, надо сказать, что все наши цари старались, чтобы о них хорошо отзывались. Конечно, больше, наверное, Екатерина, согласен. Она с этими просветителями постоянно заигрывала, зазывала их в Россию... Павел потом тоже, Александр, хотя одним Александром дело не ограничивается, конечно. Николаю просто ничего не оставалось делать, по-моему, у него уже так был испорчен имидж, что он уже просто плюнул на это, и ему было безразлично, особенно после книги Кюстина. То есть там возможно было только публиковать какие-то заказные работы. А так, нет, он был озабочен, я тут не могу согласиться. А что касается влияния на международные отношения, на внешнюю политику в отношении России, ну, конечно, было прямое влияние, я же об этом говорил, что в результате такого нагнетания негатива в отношении России, вызванного, в том числе, и деятельностью самого Николая I, в результате этого очень легко было вооружить против России все общество, и очень много добровольцев с удовольствием, можно сказать, ехали в Крым в 1854 г., то есть все общество было уже подготовлено к Крымской кампании прекрасно, особенно во Франции, да и в Англии тоже. То есть это очень сильное влияние, конечно, оказало. Особенно здесь, конечно, польский вопрос повлиял, потому что это очень болезненно было для Европы, но не только, конечно, и книга Кюстина тут повлияла, и подавление восстания в Венгрии, но там уже оно решительно ничего не изменило. То есть, с одной стороны, конечно, этот имидж повлиял, с другой стороны, сами действия России, угроза международным интересам Англии и

Франции, которые очень не заинтересованы были, очень боялись того, что Россия выйдет в Средиземное море. Конечно, это одна из основных причин была. Но вторая причина – то, что легко было организовать эту Крымскую кампанию, то, что она состоялась и была победоносной для западных союзников – это ухудшение имиджа России. Здесь положительно могу ответить.

Гончаренко А.И.: Что больше, по Вашему, повлияло на имидж Николая I – сам Николай I и его поступки или иностранные СМИ того времени?

Козулин В.Н.: Ну, по поводу влияния имиджа на политику или политики на имидж – это старый уже вопрос. Естественно, тут двоякое влияние всегда наблюдается. То есть, с одной стороны, конечно, сам Николай I виноват в том, что подпортил себе изначально, с 30-х годов, этот имидж, это, конечно, отрицательно сказывалось потом на международных отношениях к России. А с другой стороны, так складывалась международная обстановка в царствование Николая I, очень неблагоприятно для России. Турция ослабла, и другие державы стремились не допустить Россию чрезмерно воспользоваться этим. Этот фактор тоже нельзя списывать. Николай I во многом оказался заложником этого времени, заложником системы, в которой он управлял. Вот я смотрел фильм, такой был фильм, знаете, «Крымская война» Леонида Парфенова, и в этом фильме праправнук, по-моему, или прапраправнук даже (он живет в Италии) так сказал о своем предке, что если бы он жил в другое время, наверняка это был бы совершенно другой правитель и по-другому рассуждал, по-другому бы себя вел. Может быть, даже – это я прочитал уже на одном каком-то консервативном сайте – Николай I отменил бы крепостное право, если бы он дожил до конца Крымской войны, у него же был интерес к крестьянскому вопросу, он стремился улучшить положение крестьян. То есть время во многом определяет все-таки судьбу политиков, как мне кажется, и на имидж в том числе влияет, и на международные отношения, все мы заложники времени. И Николай I был во многом его заложником. Ну а его прапраправнук сказал еще, что какой же самодержец будет критиковать, осуждать режим, в котором он существует? Он вынужден его оправдывать, он вынужден был его защищать, тем более, когда режим оказался в таком состоянии, перед такой угрозой. Хотя и личные качества Николая, конечно, сказались. Но, если бы он жил после, то есть, если бы Николай I и Александр II поменялись местами, то могло бы быть совсем иначе. То есть здесь не одна личность наверное, все-таки все определяет, а вообще вопрос это философский, и тут можно и так и так предполагать, но история не терпит сослагательного наклонения.

Курныкин О.Ю.: Учитывая цикличность исторических процессов, иногда проводят сопоставление фигур Николая I и Владимира Владимировича Путина, учитывая некоторые параметры их внутренней и внешней политики и влияния на имидж России за рубежом. Насколько правомерно такое сопоставление, на Ваш взгляд?

Козулин В.Н. Спасибо за вопрос, Олег Юрьевич, интересный вопрос. У меня у самого, когда я готовил этот доклад, такие параллели тоже напрашивались. Я уже говорил в докладе, что такой негативный имидж России начал формироваться именно при Николае I, резко обострилось в иностранной прессе отношение к этому царю, как ни к кому другому до него, наверное. Повторилась подобная ситуация, как известно, в новой России, постсоветской уже, то есть после Горбачева, Ельцина, к которым было преимущественно благоприятное отношение (также как до Николая подобное отношение было к его предшественникам – Екатерине, Павлу и Александру I), пришел Путин – и возникло совсем другое отношение. То есть, конечно, в этом плане параллели есть.

Потом забота об имидже России. Такая озабоченность имиджем России впервые появилась при Николае I. Ну, понятно, что имидж ухудшился, поэтому и появилась. При Путине то же самое, в общем-то. Я думаю, что то, как формировался этот негативный имидж, что на это влияло, история этого вопроса должна помочь современным политикам разобраться в том, как же нам быть с этим имиджем, как улучшить имидж современной России. Мне кажется, что он зависит в большей мере от политики, от международных отношений, если они будут оставаться на прежнем уровне, т.е. если будут напряженные отношения с Западом, с Соединенными Штатами, естественно, имидж страны никак не будет улучшаться. Если в России будет такая сложная, противоречивая внутренняя ситуация между государством и обществом (снова у нас политические эмигранты появились и т.д.), то, естественно, это тоже не будет способствовать положительному имиджу, и мы никогда это не преодолеем, какие бы каналы «Russia Today» мы ни пытались создавать сейчас. Это то же самое, это напоминает то, что Николай I пытался заказывать работы, опровергающие книгу Кюстина, они никак не помогли, также не помогут и эти современные усилия. То есть невозможно искусственно серьезно улучшить, переломить имидж государства. Тут нужно менять политику, нужно не делать ошибок в этой политике, вообще, нужно создавать гражданское общество в России, которое, как сказал Примаков когда-то, у нас если и появится, то через пятьдесят лет, не раньше.

Обсуждение доклада М.С. Золотарева

Гончаренко А.И.: На чем основано Ваше заявление о том, что политики СССР, в частности Брежнев, в середине 1970-х гг. в меньшей степени отошли от политики разрядки, нежели политики Соединенных Штатов Америки? Использовали ли Вы в подготовке своего доклада труд известной у нас в стране правозащитницы Людмилы Михайловны Алексеевой «История инакомыслия в СССР»?

Золотарев М.С.: В середине 70-х гг. для Соединенных Штатов Америки наметился некий общественно-политический перелом внутри общества. Прежде всего, это перелом был вызван Вьетнамской войной, которая уже к этому периоду тлела, виделся ее закат и скорое завершение. В этот период в США активно развернули свою деятельность различные массовые политические организации. Было огромное количество выступлений и прочее. Суть всех этих выступлений сводилась примерно к следующему: нет войне, пацифизм, мирное сосуществование и прочее. Парадокс заключается в том, что с нашей точки зрения, американское руководство в лице Дж. Форда, Дж. Картера хотели убрать с себя ответственность за то, что произошло во Вьетнаме. А это представлялось как ответ коммунистической экспансии и усиливающейся «красной» угрозе и прочее. Поэтому здесь нужен был некий поворот в сторону некой конфронтации с Советским Союзом для того, чтобы этот лозунг – «Нет коммунизму» – реанимировать и вбросить в массовое сознание для того, чтобы несколько нивелировать негодование общества по поводу этой войны. Также следует обратить внимание на тот фактор, что сколько-нибудь ярких проявлений, согласно которым Советский Союз заявлял бы, что мы хотим отойти от разрядки в период 70-х гг., не было, в то время, как в США, и это прослеживается по некоторым заявлениям политических лидеров, существовали. Например, существовала очень яркая тенденция, поддержанная органами государственного департамента США, которая была направлена на оппозицию договорам серии ОСВ. Воистину, США очень сложное общество, и в тот или иной период преобладают те или иные тенденции, которые формируют внешнеполитическую линию данного государства.

Что касается труда Алексеевой, то ссылок в данном докладе на него не было, но так или иначе я с этой работой сталкивался.

Обсуждение доклада Е.А. Горбелевой

Гончаренко А.И.: Первый вопрос. Не кажется ли Вам, что в такой стране, несвободной прессы, как в Белоруссии, больше значения для восприятия белорусского общества имело межличностное общение Лукашенко с Путиным, а не в целом объективная часть информации?

Второй вопрос. Как Вы считаете, формирование отрицательного образа России через Путина в общественном восприятии Белоруссии – есть следствие травли белорусских СМИ Путина или есть отсутствие внешней политики, которую сегодня олицетворяет В.В. Путин и последние годы олицетворял и в таком случае, как Вы объясните проблемы России во внешнеполитическом курсе по отношению к Украине, Молдове и другим некоторым бывшим союзным республикам?

Горбелева Е.А.: Чтобы ответить на Ваш первый вопрос, я бы хотела попросить показать четвертый слайд. Здесь представлена диаграмма, которая показывает взаимоотношения стран и президентов. Был проведен опрос в белорусском обществе и на основании этих данных построена диаграмма. Отношения стран выделены желтым цветом, а отношения президентов – красным. Соответственно градация: дружеские, добрососедские, теплые, нейтральные, прохладные, напряженные, враждебные, и респонденты затруднились ответить. То есть, как мы видим, наблюдается тесная связь в мнении белорусов о том, как связаны отношения президентов и отношения двух стран. Поэтому я могу с Вами согласиться, что межличностные отношения Путина и Лукашенко оказывают влияние на формирование образа Путина в белорусских СМИ, но также хотела бы отметить, что большое влияние здесь оказывает политика давления России на Беларусь, как было сказано, как в экономическом плане, так и в плане того, что если, например, при Ельцине фигура Лукашенко была более заметной, то при Путине Лукашенко потерял в рейтинге. Это связано с более твердой политикой Путина. Поэтому, на мой взгляд, здесь имеют место и межличностные отношения, но в большей степени политика давления России на Беларусь сказывается на ухудшении образа Путина.

Что касается второго вопроса. Я думаю, что травля – это результат изменения курса Белоруссии, потому как видя, что политика «угодничества» Беларуси и соглашения с Россией для каких-то выгод, которые можно выжать из России, не успешна, переход к травле связан с тем, что Лукашенко уходит на Запад и пытается дистанцироваться от России, потому что боится потерять своё влияние в Белоруссии и боится потерять страну, так как он белорусам обещал независимую страну. Если он нарушит это обещание, то как политик он в дальнейшем не сможет приобретать влияние.

Что касается отсутствия внешней политики, то я думаю, что здесь курс продуман в отношении России к Белоруссии, но проблема в том, что страны не могут договориться. Одна сторона не идет на уступки, а другая не согласна с тем, что ей предлагают. Например, известно, что

Лукашенко хотел претендовать на пост президента союзного государства, а Москва к этому относится негативно.

Курныкин О.Ю.: Есть ли какая-то взаимосвязь между популярностью образа Путина среди белорусов и идеей создания союзного государства?

Горбелева Е.А.: Отвечая на Ваш вопрос, хотелось бы сказать, что снижение рейтинга Путина в белорусском обществе и повышение рейтинга Лукашенко в какой-то мере отражает подъем национального движения, но, с другой стороны, это также связано с кризисом и с дипломатическими ошибками российского руководства, которые были сделаны в тот период. Как я уже говорила, резкое снижение рейтинга Путина наблюдается после каких-то серьезных кризисов, произошедших во взаимоотношениях России и Белоруссии, в частности, будь то газовый кризис, другие энергетические кризисы, ситуация с молоком и т.д.

Что касается того, как это отражается на идее союзного государства, то я могу сказать, что как в России, так и в Белоруссии число сторонников этой идеи значительно упало. Сейчас белорусы стремятся к тому, чтобы Белоруссия оставалась независимой суверенной страной. Может быть, это связано с актуализированными страхами белорусских СМИ, может, с подъемом национального движения, здесь трудно сказать.

По поводу национального движения в Белоруссии хотелось бы сказать, что не так давно в Белоруссии вышла книга А. Тараса о России и Белоруссии как об истории имперских отношений. Автор говорит о том, что Россия всегда довлела над Белоруссией, не давала ей независимости, русские угнетали белорусов. В частности, он приводит такое доказательство, что когда один из русских царей приезжал в Белоруссию и спросил о том, как живет белорусам, они ему сказали, что «благо», что в переводе на русский – «плохо». Такой анекдот. Я читала комментарии к этой книге на белорусском форуме и там очень мало комментариев, которые поддерживают эту книгу. Очень многие склоняются к тому, что между россиянами и белорусами есть какие-то общие культурные, исторические ценности и не проявляют открыто своего национализма. Но такие тенденции есть, как и во всех постсоветских республиках.

Секция 3

Обсуждение доклада А.В. Кротова

Рубцов П.В.: Вы сказали, что до Великого Устюга 12 часов езды от Москвы или Санкт-Петербурга. Я понимаю, для сибиряка 10–12 часов – это нормально. Вы считаете, что это плюс для Великого Устюга? Для европейца это много, для любого человека, который не связан с такими переездами, как из Барнаула до Горного Алтая. Это не

плюс. Проще перелететь на самолете до Барнаула и поехать в Горный Алтай, чем в Великий Устюг, чтобы посмотреть на те церкви, которые там есть? Не является ли это не совсем положительным фактором, чтобы развивать туристическую область? Это не плюс, а такой же минус, как и у нас.

Кротов А.В.: В действительности, это плюс. Ещё раз говорю. Во-первых, стоимость перелета с Москвы до Барнаула вы знаете? Самый дешевый – 14000 руб. До Устюга – это 2000 руб. Мы же не говорим, что миллионеры в Устюг поедут? Мы говорим о среднем классе. Теперь я говорю как географ. У нас 10-миллионная Москва. Из них 20% путешествующих – это 2 млн. Люди «наевшиеся». Если бы здесь сидели специалисты по туризму, я бы им сказал, что у москвича есть три региона, которые он должен один раз посетить в России – Байкал, Камчатка, Алтай. Когда он эти три региона посетил, он уже «наелся», прошу прощения. Здесь начинаются Устюг и другие места.

Теперь о том, что 800 км – нелегко. Это не легко, но ближе есть Суздаль, там на автобусе ехать несколько часов. Но мы говорим, что это люди, которые пресытились. А Устюг обладает тайгой. Там есть две фабрики, серебряных изделий и великоустюжских промыслов. Там всего 30 тыс. населения. Для этих 30 тыс. большое количество туристов приезжает. Их меньше приезжает, чем в Горный Алтай, но Горный Алтай – он весь, а Устюг – маленький. На Горный Алтай миллион приезжает, а для Устюга – 100 тыс. хорошо. И до Горного Алтая у нас нет самолета, у нас есть до Барнаула, а потом страшная дорога до... А до Устюга можно до утра в поезде переночевать, и 30 км проехать на машине.

Рубцов П.В.: А Вы знаете, кто ездит в Горный Алтай? Новосибирск, Кемерово, Омск. Москвичи – это не единственные люди, которые живут в России. Почему нам не развивать ту же самую туристическую отрасль, которая уже развита? Почему мы говорим, что Устюг является более выгодным?

Кротов А.В. Я, наверное, заострил неправильно акценты, что Вы меня так слышали? Я не говорил, что не надо развивать туризм на Алтае, я всё-таки географ, и у нас очень много туристов набирается ежегодно. Я хотел сказать, что туризм один не вытащит Алтайский край. Он Республику Алтай частично вытащит. Я эти хотел позиции подчеркнуть. Я хотел показать, что в туристической отрасли зарплаты невысокие, это обслуживающий персонал.

Если мы говорим про регион Алтайский край – это 2,5 млн человек. В туризме может работать гораздо меньше людей. Если мы анализируем конкурентоспособность туристического кластера, то она

не такая высокая. Она будет конкурентоспособной, если у нас будут низкие заработные платы у обслуживающего персонала. У меня студенты работают в этой сфере. Зарплаты в этом году были вообще невысокие. Конечно, туризм лучше, чем сельское хозяйство, но инновационный сектор дает гораздо больше преимуществ. В данном случае я оппонирую г-ну Рыжкову, говоря, что не надо развивать один только туризм. Сельское хозяйство, туризм и ещё несколько направлений. Только в этом случае у нас и будет преимущество. 2009 г. – дождливый год, и туристический поток снизился в 3 раза. Чемальская «Золотая долина» более-менее была занята, а чуть дальше уже нет.

Рубцов П.В.: Если мы говорим об имидже, то нельзя строить имидж на высоких технологиях. Иначе, как на туризме, имидж построить нельзя. Потому что никто не будет считать Алтайский край высокотехнологичным регионом. Для обычного человека всё равно, какая промышленность, какая твердость пшеницы и т.д. Если мы говорим об имидже, то единственное, что можем использовать – это туризм.

Кротов А.В.: Я с этим не согласен, что только на этом, и попробую доказать свою позицию. В России было 89, сейчас 85 регионов. Я как географ могу сказать, что в сорока из них красоты природы такого же параметра, как в Алтайском крае. Не в Республике Алтай. Республика Алтай вообще супер, если взять Усть-Кокшинский район, то это похоже на Швейцарию. Я в этом году проехал 7 стран. Вы знаете, сколько нам нужно инвестировать, чтобы приблизиться? Посмотрите, как Шерегеш развился. Деньги пришли и Шерегеш стал лучше в горнолыжном плане, чем Белокуриха. У нас куча регионов вокруг Алтайского края: Республика Алтай, Алтайский Казахстан, Монголия Алтайская, Шерегеш, Тыва, где красоты не хуже Алтайского края. Мы правильно позиционируем, мы правильно раскручиваем имидж, но на этом можно заработать плюс 15–20%.

И ещё с точки зрения экономики я бы добавил, что те деньги, которые сейчас пришли на Бирюзовую Катунь, могли бы принести гораздо больший выхлоп, если мы правильно бы вложили, а не потратили бы зря. Если бы мы вложили их сейчас в позиционирование сырного рынка и попробовали бы завоевать Санкт-Петербургский рынок, у нас выхлоп был бы гораздо больше, потому что здесь больше цепочка. А Бирюзовая Катунь уже имеет такие экологические проблемы! Там просто грязно. В августе там уже купаться нельзя.

Гончаренко А.И.: Мне кажется, что имидж – это что-то такое, что может существовать для разных групп людей. На Ваш взгляд, насколько персональный имидж руководителя региона способен повлиять на положительный имидж региона в целом?

Кротов А.В.: Конечно, положительный имидж руководителя может позитивно повлиять на имидж территории. Здесь всё просто. Я более того скажу, что даже отрицательный имидж может позитивно сыграть.

Обсуждение доклада Д.В. Воронина

Гончаренко А.И.: Возможны ли подобные конференции сегодня на территории Кемеровской области? Считаете ли Вы г-на Тулеева авторитарным руководителем?

Воронин Д.В.: Однозначного ответа на первый вопрос дать не могу. Два примера. В прошлом году мы провели конференцию по Че Геваре. Нынче 20 лет шахтерскому движению. В области собрали проверенных, как говорится. Междусобойчик провели, и это спокойно прошло. Поэтому всё зависит от позиции и устроителей. Я первый раз на подобной конференции. Однозначно, что критиковать у нас в области – дело не очень безопасное.

Что касается второго вопроса. То, что в политический обиход вошло слово «Кузбассбаши», во многом определяет авторитарность руководителя. Да, социальный авторитаризм налицо, то есть мощная социальная политика, и в то же время практически отсутствие инакомыслия в регионе. Единственная оппозиционная газета печатается в Томской области.

Обсуждение доклада Г.В. Кагирова

Гончаренко А.И.: Кто на сегодняшний день, на Ваш взгляд, является лидером России? Причисляете ли Вы фигуру Сталина к лидерам и если да, то как Вы оцениваете этого лидера?

Кагирова Г.В.: В России лидеров много. Это партийные лидеры, государственные деятели, региональные, исторические и т.д. Вы тоже лидер партийный, региональный. Если Вы имеете в виду Дмитрия Анатольевича и Владимира Владимировича, то каждый из них лидер в определенной области. Один – президент, другой – премьер-министр.

Второй вопрос. Он – лидер своего времени и сейчас им остается. Отношение к нему такое же, какое, наверное, уже высказывали все политологи, и все жители нашей страны. Есть определенные заслуги – мобилизация страны для победы в Великой Отечественной войне, индустриализации страны. И есть негативные моменты – это жестокость, распространение лагерей и т.д. Вот оценка, она не расходится с общей.

Презентация А. Картера

Дамы и господа! Хочу поблагодарить Вас за предоставленную возможность присутствовать на данной конференции и рассказать немного о себе.

Я приехал из Англии и три года назад я практически ничего не знал о России. После окончания кулинарного колледжа я посвятил свою жизнь карьере шеф-повара и пробивался по служебной лестнице, работая в различных городах, в том числе европейских.

По истечении определенного времени я решил отстраниться от построения карьеры в области кулинарии и уделить внимание другим аспектам, поехал преподавать английский язык на северо-восток Китая.

По истечении месяца преподавания там у меня возникли определенные проблемы. Компания, которая меня наняла, изъяла паспорт и не выполняла условия контракта, которые были оговорены ранее. Я позвонил своему брату, чтобы тот посоветовал, что делать. Брат дал мне контакт двоюродной сестры жены моего брата, русской девушки, которая занимала должность вице-президента экспортной компании в Шанхае. Она выпускница вашего Университета, специальности «Международные отношения». Я был поражен тем стремлением, с которым она была готова помочь совершенно незнакомому человеку и, действительно, оказала мне неоценимую помощь.

Через два месяца компания всё же вернула мне паспорт и я отправился в Шанхай. Большое впечатление на меня произвело то, насколько умными оказались русские люди, был поражен их способностью к объединению и делиться тем, что у них есть, с другими.

Я начал интересоваться изучением русского языка, начал читать русскую классику, которая произвела на меня большое впечатление. Я был поражен и впечатлен российской историей и был захвачен изучением определённых периодов (пленение царской семьи, фигура царя в истории России, Октябрьская революция, фигура Ленина и др.).

В прошлом году удалось побывать на Кавказе, посетить русскую свадьбу. Это было очень запоминающееся мероприятие. Я уже побывал в 21 стране и написал 2 книги о своей жизни.

На сегодняшний день Россия для меня является самым большим вызовом и вдохновляет меня на новые свершения. Я знаю двух студентов, которые обучались в этом университете и считаю, что уровень их подготовки впечатляет. Я думаю, что качество подготовки студентов вашего университета и динамика его развития потрясающие. Можете считать меня наивным, но я желаю, чтобы положительное влияние и высокий уровень интеллектуального развития и достижения России распространились на весь мир. Спасибо.

Презентация Хуан Сюэцзюань

Уважаемые дамы и господа! Для меня большая честь присутствовать на этом мероприятии. Я приехала из Китая.

Первое впечатление, которое оставила Россия, то, что здесь обширное пространство и население очень маленькое по сравнению с тем, что есть в Китае.

Я хорошо помню, как сошла с трапа самолета. Первое впечатление, что очень холодно.

Я живу здесь почти месяц. Постепенно я открываю для себя старинную мистическую романтичность, которая присутствует в Барнауле, и считаю, что население Барнаула и жители Барнаула – романтические люди.

Архитектура Барнаула потрясает меня своим величием и оставляет впечатление старины. Архитектура как будто пытается показать нам то наследие, которое есть у Барнаула и то развитие, которое ждет его в будущем.

Прогуливаясь по улочкам Барнаула, я собственными глазами могу увидеть большое количество высаженных людьми деревьев и будто срисованных со сказки маленьких домиков. Оставляет очень глубокое впечатление. В Барнауле очень много деревьев. Воздух очень чистый и свежий. Очень хорошее место для отдыха и лечения.

Транспортная система Барнаула очень удобна. Каждый день я езжу на троллейбусе, наблюдаю за разными людьми. Очень много улыбающихся людей, со счастливыми лицами. В салонах транспорта очень много интересных и милых картинок из мультфильмов. Поэтому, я считаю, что жители Барнаула очень романтичны.

В то же время в каком-нибудь углу автобуса или троллейбуса иногда встречаюсь взглядом со слегка потерянными взглядом молодого человека, который употребляет алкоголь.

За время проведенное здесь, я уже побывала в музеях, на Мемориале славы, посетила ряд других достопримечательностей. Удивлена, с каким уважением здесь относятся к великим людям, которые оставили большой след в истории.

Я живу в студенческом общежитии. Моя соседка – русская девушка, добрая, отзывчивая, всегда готова помочь мне в изучении русского языка.

В общежитии меня всё устраивает, всё нравится. Единственная проблема, что не могу выйти в Интернет. Не совсем понимаю, почему такая проблема.

Подводя итог, хочу сказать, что Барнаул – очень хорошее место. Спасибо.

Закрытие конференции

Гончаренко А.И.: Я хотел бы поблагодарить Юрия Георгиевича, всю его команду. Это тоже имидж нашего края. Это много стоит. На достаточно высоком уровне это определенный вклад в имидж нашего

края. На сегодняшний день – это подтверждение классности и профессионализма высокого уровня.

Кругова Н.И.: Я присоединяюсь к тому, что надо поблагодарить организаторов за те инициативы, которые они не устают проявлять, порождать в проведении этих конференций.

Нынешняя конференция мне понравилась. Мне кажется, что она более взвешенная, оценки ближе к современному пониманию проблем.

По поводу того, что говорилось сегодня об имидже Алтайского края. С одной стороны, нам нечего предъявить сегодня, кроме как возможности развивать туризм. Но как получить нечто, чтобы потом каким-то образом развивать и другие сферы, чтобы не быть зависимыми от поступлений только от туризма? Эти нанотехнологии, которые у нас прозвучали сегодня, они откуда возьмутся? У нас уровень образования и развития научной мысли, технических проектов недостаточно высокий. Здесь надо прилагать усилия к тому, чтобы это развивалось. Я знаю, что Томская область имеет несколько уникальных предприятий, созданных усилиями томских ученых. Например, томичи придумали такой прибор, который устанавливается в одном месте на газовой трубе и на этом приборе отражается состояние всей трубы. Они зарабатывают бешеные деньги на этом приборе, продают его по всему миру и казна Томской области получает от этого хороший доход. У нас нет такой науки, чтобы такие нанотехнологии делать.

Я считаю, что на Алтайском университете лежит особая ответственность в развитии интеллектуального потенциала. Пусть это будет не скоро, но когда-нибудь будет. На чем может выйти и должен выходить вообще всякий регион? Конечно, на развитии своих внутренних интеллектуальных ресурсов.

Ещё раз спасибо организаторам конференции, что они работают в этом направлении, в поддержании и развитии интеллектуального уровня нашего края.

Чернышов Ю.Г.: По содержанию дискуссии. Было много разных докладов с разными подходами, но всегда стараешься что-то выбрать из массы материала, что может пригодиться для осмысления своих сюжетов, для выделения универсальных закономерностей. Мне кажется, тут мерцали яркие мысли, интересные подходы, причем иногда даже неожиданные для самих авторов докладов. Такие вещи проявляются зачастую при обсуждении. Скажем, вчера обсуждали индийские сюжеты и неожиданно вышли на то, что есть два разных типа лидеров в разных странах. Один – жесткий, другой – мягкий. Они могут взаимно дополнять и менять друг друга. Это претендует на универсальность наблюдения, хотя, конечно, слишком примитивизировать не надо.

Много было интересных мыслей по поводу имиджа региона. Сегодня добавилась очень солидная порция информации для размышления, хотя мы немного уходили от темы политических лидеров на туризм, на инвестиции и т.д. Мне кажется, что часто споры ведутся по принципу «или – или», хотя, на самом деле, правильное принцип «и – и». Спорят о том, туристический регион или аграрный. «Нужно одно что-нибудь выбрать». Это неправильно. Потому что в рекламе и в пиаре есть понятие адресной группы. То, что нужно обратить на потенциальных инвесторов – это то, что у нас есть солидные запасы сырья, рабочая сила дешевая и т.д. Это их привлечет. Туристам это не нужно. На туристов один имидж должен быть, на инвесторов другой, на мигрантов из Казахстана, например, третий. При этом должен быть какой-то цельный образ. Он у нас есть, он описывается тем, что Алтайский край – это благодатный край, где есть прекрасная природа, есть интересные люди, пусть они «чуждики», но это и интересно, что сохранилось что-то не совсем испорченное цивилизацией. Этот образ у Алтайского края есть, и его надо развивать в разные стороны.

Хорошая тема для обсуждения была поднята – могут ли граждане других стран оценивать то, что происходит в других странах? На эту тему недавно президент Медведев очень четко сказал, что имеют право. Потому что мир глобализовался и то, что происходит в одной стране, это не личное дело жителей этой страны, потому что это всё равно аукается на весь мир. Для науки не должно быть барьеров. Если серьезный ученый использует правильные методы, он имеет право заниматься всем, чем угодно, даже неприятными вещами. Пусть даже карикатурами и поклепами и т.д., потому что это всё объективная реальность, которую нужно знать. Если мы будем закрывать глаза на нее, если мы не будем ее знать, мы сами проиграем. Чтобы нам исправлять свой имидж, мы должны увидеть, какие упреки нам предъявляют и отвечать на это, если это не справедливо. А чтобы отвечать, надо готовить специалистов для этого, для контрпропаганды, если хотите, для продвижения своего имиджа, если только этот имидж в реальности соответствует стандартам. Если ты не хочешь быть, а хочешь только казаться, то имидж не исправишь. Надо стараться самого себя исправить, учитывать, что говорят другие о тебе.

Я думаю, что появилось много пищи для размышлений и мы стараемся всё это сохранить. Стенограмма будет расшифрована. Всё это будет выставлено в Интернете.

Хотел бы поблагодарить всех гостей, которые разнообразили наше традиционное сообщество, поблагодарить всех докладчиков, доклады которых были по-своему интересны. Жаль, что не всегда хватало вре-

мени на подробное обсуждение, но мы здесь ещё будем иметь возможность обсудить это в своем кругу. Хотел бы также поблагодарить всех участников, которые задавали вопросы, высказывали мнения, потому что именно на сопоставлении разных точек зрения и можно приблизиться к истине.

Приложение

Круглый стол «ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ В США: ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И РЕЗУЛЬТАТЫ ГОЛОСОВАНИЯ»

**А. Некрасов
О президентских выборах в США (2008 г.)¹**

Голосование

Я был в штате Канзас, город Вичита. Это центр производства самолетов, там строят «Боинги», «Сессны» и «Хорьхи». Город по численности, такой же, как Барнаул, а по территории в три-четыре раза больше, из-за того, что одноэтажный. Многоэтажных домов очень мало. Город, как шутят сами жители, по количеству баров и церквей находится на первом месте.

С 6 утра до 7 вечера шли выборы. То, что говорили по поводу очередей, это правда. Люди стояли по 20–30 минут, некоторые даже час, чтобы проголосовать. Принципиальное отличие от нас в том, что у них в одном бюллетене от 20 до 30 позиций: выборы президента, сенаторов, юриста штата, юриста города – все в один лист. И плюс несколько вопросов, которые они обсуждали на уровне городского и школьного округов.

У них в Канзасе два вида голосования: электронное и на бумажных носителях. Электронное – там кнопки нажимаешь на мониторе сенсорном, за кого голосуешь. В конце, если что-то не устраивает, есть возможность изменить, отлистать. Этот электронный бюллетень имеет такой специфичный бумажный носитель, как перфолента, – на случай если база пропадет. А бумажное голосование традиционное – просто ставишь галочку, и все.

Не стоит забывать, что это был вторник, рабочий день, но, несмотря на это, были очереди. На предприятиях отпускали. Если рабочий захотел, ему выделяли час-полтора, чтобы тот проголосовал. Но у них треть населения штата проголосовала досрочно – либо лично принесли этот избирательный бюллетень, либо отправили по почте. Бюллетень они получили в избирательной комиссии или на сайте той организации, которая нас принимала («Лига избирательниц»). Его просто распечатываешь, заполняешь, по почте отправляешь, и все – твой голос считается.

¹ Андрей Некрасов о том, как он был наблюдателем на выборах в Америке: «В приоритете там был не экономический кризис, а выборы президента», 19 ноября 2008 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://politsib.ru/expert/?id=29058>.

Если тебя нет в списках, но ты хочешь проголосовать, то есть такая форма «условно проголосовавший». Ты говоришь: «Я, Некрасов Андрей Валерьевич, проживаю в таком-то городе на улице такой-то», тебе дают бюллетень, ты голосуешь, но бюллетень этот откладывается в отдельную стопочку. Потом его проверяют, и если подтверждаются сведения, то он становится официальным бюллетенем, и его считают. На прошлых выборах из 100 бюллетеней 64 признаны действительными.

Момент подсчета голосов проходит очень быстро. В 7 заканчивается голосование, а в 10 часов уже было известно, что Обама побеждает. У них идет прямой эфир, политики, в отличие от нашей страны, выступают, дают свои прогнозы, и каждый час на экране циферки: штат такой-то, столько-то выборщиков, за того-то отдали, количество проголосовавших.

Выборщики

За каждым штатом закреплено определенное количество выборщиков. Они берутся от количества жителей штата, от количества членов нижней палаты и от количества сенаторов в верхней палате. В Канзасе их было шесть. У каждой партии существует определенный список выборщиков. Допустим, если в Канзасе проголосовали за республиканцев 51%, а демократы набрали 44%, то все выборщики будут от республиканцев, и они будут голосовать за Маккейна.

Народное голосование еще не считается окончательным, но результаты уже известны. В декабре выборщики соберутся, проголосуют, и в январе состоится официальная инаугурация президента. Но с 4 ноября уже считается, что Обама выбранный президент.

И еще такая формальность – если основной кандидат не признал поражение, то считается, что победивший не может быть президентом. Маккейн в ночь голосования признал, что проиграл. А в прошлые выборы формально победил один кандидат, а победу отдали другому. Тот не признал победу – посчитал, что есть такие-то нарушения. И в результате нашли неточности в количестве пересчитанных людей, это какой-то один штат, и победу отдали республиканцам.

Кандидаты

В разных штатах может быть два, три, десять кандидатов. Формально - тебе 35 лет должно быть, ты должен быть гражданином США, последние 14 лет ты должен прожить в Штатах. На уровне федеральном было два основных – это Маккейн и Обама. А остальные не подходят. Ты заявляешься на уровне штата, и ты должен свою избирательную кампанию в этом штате, потом в следующем и в следующем начинать вести. У Маккейна денег не было в июне 2008 г., потому что

основные спонсоры ему отказали. И только с приходом губернатора Аляски, Сары Пейлин, у него ситуация наладилась, и он прирос.

Общество там было достаточно накалено и политизировано. В приоритете был не экономический кризис, а выборы президента. И Обама для большей части – это президент будущего, президент надежды. Они с ним связывают, что кризис пройдет быстрее, что уменьшатся налоги, что прекратится война в Ираке и контингент отзовут. И они, в отличие от нас, знают, как минимум в пяти-шести пунктах, чем отличается программа Маккейна от Обамы. Мы общались с людьми старшего и пожилого возраста – они очень активны. Молодежь, в отличие от нашей, голосует достаточно осознанно.

Агитация

Средний американец информацию получает из газет и из Интернета. Телевизор у них стоит на задворках. Бедные слои – да, они телевизор смотрят, у богатых и средних слоев отношение к телевизору достаточно недоверчивое. И в то же время это процесс избирательный: в часть того, что показывают, что слышат, что в Интернете вычитали, они верят, а в часть нет.

Штаты, в которых традиционно голосуют за ту или иную партию, кандидатам неинтересны. Там выборы идут формально: телевидение, газеты, Интернет, и все. В спорных штатах, которые могут проголосовать по-разному, сконцентрирована основная борьба. Туда приезжают кандидаты, туда массировано реклама, встречи. Вся эта видимая часть, где флагами машут, – в тех штатах, которые спорные и которые приносят основное количество выборщиков. В Канзас ни тот, ни другой не приезжал. Всегда знали, что там проголосуют за республиканцев, вот он за республиканцев и проголосовал.

В процессе агитации нет формального начала. Кто-то за год, кто-то за два, кто-то за полтора стартует. Сначала проводятся праймериз – предварительные голосования. И там выбирается, кто может представлять партию. И они после праймериз начинают агитировать. Демократов представляли Клинтон и Обама. Потом выяснилось, что большинство голосует за Обаму.

Задавал вопрос политику, который избирался в совет по народному образованию штата, как у него агитация идет. Она прошла в таком стиле. Он рассылал по и-мэйлу призывы «голосуйте за него», плюс его поддерживали демократы, плюс, хотя я очень сомневаюсь, что такой дядя это делал, он разносил листовки. Все.

В обоих штабах вся политическая реклама продается. Значок – 3 доллара, майка с Обамой – 8 долларов, наклейка – у всего есть ценник.

Если в наш штаб заходишь, то бери хоть сколько, а там — только за деньги. Вот у республиканцев не знаю как, а у демократов точно покупали.

Технологии

Из года в год у них реклама избирательной кампании все дороже и дороже становится. Обама свою ставку сделал на привлечение людей, которые никогда не голосовали. Он сделал сайт социальной сети и за счет нее продвинулся. Если ты готов быть агитатором, ты подписываешь соглашение, тебе дается инструкция и адреса по месту проживания. Адресную базу избирателей может получить любой желающий. Там секрета из этого никто не делает. Тебе дают, сколько избирателей, как эти избиратели голосовали — не за какую партию, а сколько раз, приходил, не приходил. Потом они эту базу формализуют про себя, голосовал ли ты за этих или за этих, и с этой базой начинают работать.

Скорее всего, технологии работают на федеральном уровне и в тех штатах, в которых избиратели не определились, кому они отдадут выборщиков, демократам или республиканцам. Самое главное — нужно постоянно интерес избирателей подогревать. Поэтому постоянный слив компромата, высказывание позиций, подготовка различного рода масштабных шоу, теледебатов — это у них традиционно. Дебаты они смотрят, и к дебатам политики готовятся основательно. А полевые технологии в Штатах не применяются. Все отдано на откуп СМИ и большим встречам. И опять же большие встречи освещаются большими СМИ. Когда зам главного редактора крупной местной газеты узнала, что у нас по закону стопроцентная предоплата, она сказала «Очень хороший закон. У нас очень часто бывает, что размещаем рекламу, а кандидаты не расплачиваются».

У них на газонах перед домами стоят такие таблички типа «Я голосую за такого-то кандидата» или «Голосуйте за демократов», «Голосуйте за республиканцев». Таблички у демократов красные, у республиканцев синие. На какой-то лужайке одна табличка, а на некоторых целый выводок синеньких табличек.

Когда вопрос задали про черные технологии, они сначала спросили «А что это такое?». Когда им начинаешь рассказывать, они спрашивают: «А разве это можно делать?». Черной технологией у них считается, когда про одного из кандидатов газета написала, что когда-то он был замешан в скандале. Все. Это самая черная технология, чернее ее нет. А остального — подкупов, расклеек, выпуска газет — у них нет.

Обсуждение сообщения А.В. Некрасова

Емешин К.Н.: Вопрос по наблюдению. Кого Вы представляли, что Вы, собственно говоря, там наблюдали, и какой отчет Вы написали? Выводы какие?

Некрасов А.В.: Мы ездили по программе Конгресса США. Формально с нас никаких отчётов не требовали. В Вашингтоне нас проинструктировали, что мы должны и что не должны делать. В нескольких штатах существует запрет на любое наблюдение, а в других штатах разрешить наблюдателям присутствовать на избирательном участке – это прерогатива председателя комиссии. Как таковых наблюдателей у них не присутствует вообще. Люди если сидят на стульчиках – это только из-за того, что им надо подождать своей очереди. Нарушений в нашем понимании там не бывает.

Кротов А.В.: Правильно ли я понял Вас, что технологии помогли Обаме выиграть, а не его время просто подошло?

Некрасов А.В.: На мой взгляд, и время подошло, и технологии, и ожидания людей. Я ещё раз подчёркиваю, из разговоров с теми американцами, с которыми мы беседовали, мы поняли, что они очень устали от политики Буша. Они устали, прежде всего, от экономической политики. Кстати, они очень хорошо отзываются о Клинтоне и ещё лучше о Рейгане.

Реплика из зала: Хотел отметить небольшое наблюдение. Мне довелось год учиться в Питтсбургском университете, поэтому несколько раз я тоже принимал участие в различных кампаниях и, как мне показалось, в некоторых моментах ведение избирательной кампании в Америке даже гораздо более жесткое и более грязное, чем в России. Это очень проявляется на этапе «праймериз». Хотя кажется, что у нас есть все эти чёрные технологии, а у них нет, но мне показалось несколько по-другому. Когда они между собой борются, за несколько месяцев до начала кампании, в штатах борются между собой демократ с демократом, республиканец с республиканцем, они льют друг на друга такое количество грязи... Я, допустим, полгода отучился, полгода я наблюдал за местными избирательными кампаниями и такую грязь слушал везде, и по радио и по телевидению, вплоть до того, что оппонент младенцев по ночам ест и т.д. А уже потом, когда избиратель выбирает одного или другого, они сразу мирятся и всё. У нас такого нет. У нас есть какие-то другие технологии.

Аршинцева О.А.: Три очень коротких тезиса, если позволите.

Первый касается впечатления от технологий. Мне показалось, что по сравнению с предшествующими, те президентские кампании, которые у нас на глазах происходили, продемонстрировали возможности организации политического шоу. Я бы подчеркнула, может, с хорошей точки зрения впечатление, которое оно производит, и его бы не было в таком виде, если бы не личности кандидатов. Понятно, что в возможностях электронных средств массовой информации – максимально разделить некий имидж кандидата и реальную фигуру, которая за этим имиджем стоит. В

этом американские политтехнологи преуспели, по крайней мере, в последние сто с лишним лет. В данном случае, когда предстали уже на дебатах оба кандидата, Обама и Маккейн, и на заключительном этапе президентской кампании, конечно, Обама производил впечатление гораздо более харизматичного лидера по всей совокупности даже не столько рациональных, сколько психофизических, эмоциональных, интеллектуальных и других характеристик, то есть, он был действительно настоящим героем этого политического шоу. В этом смысле я согласна с выступавшим экспертом и, в принципе, это впечатление на поверхности лежит, что тут удачно очень совпали и возможности политических технологий, качества самого кандидата, по крайней мере, влияния на ту часть публики, которая за него голосовала, но в целом я получала огромное удовольствие, понимая умом, что за этими стоят и технологии и масса других факторов, получала удовольствие от этого политического шоу. Пиком, безусловно, было выступление Обамы в Чикаго, сразу после оглашения результатов выборов, его речь, как он представил в лучших американских традициях семью, вице-президент Байден выступил в этой части программы, и эта огромная масса собравшихся сторонников Обамы – конечно, это всё впечатляло. Я бы не сказала, что сложилось такое отчётливое впечатление, когда транслировали теледебаты, но в каких-то моментах явно Обама превосходил. Тем не менее, если мы говорим, что мотивами голосования является всё-таки совокупность рациональных и иррациональных соображений, то здесь сложно разделить по этому признаку, почему Обама получил предпочтение. С этим связано моё очень субъективное впечатление. Я не спортивная болельщица, но я, наблюдая за всеми этими действиями по телевизору, естественно, стала понимать лучше футбольных болельщиков: когда человек сам себя не может реализовать в каком-то пространстве, он с удовольствием наблюдает за сверхвозможностями других. Это по поводу нашего, ограниченного, конечно, пространства политической конкуренции, конкурентной политики и возможностей, которые нам хотя бы показали, как это может быть.

Что касается внутренних впечатлений, то случилось так, что я была в США в периоды промежуточных выборов 1994 г. и 1998 г. Есть закономерность, по которой на промежуточных выборах, как правило, за редким исключением, победы на федеральном уровне одерживают представители противоположной партии, то есть не той, которая Белый Дом контролирует. Но тут, мне кажется, есть смысл ещё два года подождать и посмотреть, насколько эта закономерность в отношении Обамы и демократов сработает. А на промежуточных выборах 1994 г. просто республиканцы, как они говорили, праздновали революцию. У них впервые за многие годы появилось большинство в Конгрессе.

По поводу российско-американских отношений, насколько это на них повлияет. Очевидно, повлияет. Если придерживаться версии о том, что современное состояние международных отношений характеризуется такой плотностью среды, такой степенью взаимозависимости всех участников друг от друга, что любой, даже самый сильный посыл, я имею в виду, внешнеполитический, исходящий от Соединённых Штатов, он, конечно, преломляется через эту среду. И в этом смысле какие-то прогнозы, более конкретные, по поводу внешней политики, программы действий, её результатов, российско-американских отношений и т.д., эти прогнозы, как мне кажется, сбудутся только отчасти. Потому что совершенно неоднозначная ситуация с нынешним состоянием американской внешней политики. Байден, в каком-то смысле, залог преемственности, но при этом ситуация меняется настолько быстро, особенно в нынешних условиях, кризисных, и настолько степень взаимозависимости возросла, что, конечно, признать можно только один факт – безусловно, это повлияет, но не в меньшей степени, мне кажется, и возможности российские в этом отношении существуют. Это процесс постепенного формирования нового политического класса с точки зрения совершенно новой, нестандартной, нетрадиционной модели поведения, потому что нынешняя глобальная ситуация (российско-американские отношения в этом ряду находятся) формирует совершенно новые вызовы. Мы, международники, говорили много лет о том, что, действительно, есть новые вызовы, но мы даже не ощущали и сейчас до конца не ощущаем суть этих вызовов, мы с ними только начинаем сталкиваться. И без упования на политическую волю, возможности политического класса мы вынуждены признавать их роль, значение этого нового политического класса. И мне кажется, что в этом смысле эксперимент в каком-то виде, не полностью, конечно, это абсолютно беспрецедентное событие в американской истории, но тем не менее, нынешняя ситуация – некий эксперимент, который даёт хоть какую-то слабую надежду, связанную с новыми возможностями некоего нового формирующегося политического класса, не только американского, но и российского, и в более глобальном сообществе. Спасибо.

Курныкин О.Ю.: Обращает на себя внимание одно обстоятельство, связанное с прошедшими выборами в США, а именно: складывается впечатление, что россияне проявили гораздо больший интерес к президентским выборам в США, чем к выборам собственного президента в марте этого года. Этот, казалось бы, не совсем патриотический казус нуждается в осмыслении. Его можно трактовать с разных позиций. В частности, с точки зрения особенностей российского самосознания, испытывающего непреодолимое влечение к Америке. Эта страна воспринимается либо как средоточие общественного благополучия, либо, на-

против, как концентрации некоего мирового зла, либо, наконец, эти крайности причудливо сплетаются, порождая одновременно привлекательный и отталкивающий образ США. В любом случае, речь идет о некоей мифологеме, наполненной позитивными либо чаще негативными образами, и без которой российское самосознание существовать, по видимому, не может. В столь пристрастном отношении к Америке со стороны россиян, возможно, отражается уязвленность и историческая зависть к более успешному американскому проекту на фоне нереализованных амбиций России в стремлении к мировому величию.

Думается, неподдельный интерес россиян к нынешним президентским выборам в столь далекой от нас Америке объясняется не только захватывающей коллизией выбора между белым и черным кандидатами, но в немалой степени является отражением некой тоски по живому политическому процессу. И хотя наши официозные политические аналитики старательно избегали сопоставления двух избирательных кампаний в России и США, полностью избежать таких сопоставлений было невозможно. Здравый смысл подсказывал россиянам, что то, что происходило в США, и есть настоящие выборы в отличие от некоего избирательного действа в ходе парламентских и президентских выборов в России.

Можно сохранять святую в своей простоте уверенность, подобно главе российского Центризбиркома, в том, что в России существует лучшая в мире избирательная процедура, можно иронизировать по поводу доверчивости американцев, можно гордиться отечественными политтехнологами, способными дать фору своим американским коллегам. Но дело как раз в том, что изощренные российские политтехнологии в американской избирательной системе невостребованны (показательна реакция американских студентов-политологов на рассказ А.В. Некрасова о применявшихся в России во время выборов «черных» технологиях — «а разве такое возможно?»). Эти две избирательные кампании явственно продемонстрировали сущностные различия между демократией и «суверенной демократией». Самое большое впечатление от американских выборов лично для меня связано с убежденностью американцев в том, что от их голоса действительно зависит исход выборов. И насколько это контрастирует с отношением россиян к выборам в своей стране.

Здесь говорилось о резких нападках кандидатов друг на друга во время праймериз в США (причем это не мешает кандидатам после выборов дружелюбно пожимать руки и с похвалой отзываться друг о друге). Но это имеет свои объяснения. Как представляется, задача праймериз в США заключается в том, чтобы, во-первых, посмотреть,

как «держат удары» те или иные кандидаты (качество, весьма необходимое для публичных деятелей), и, во-вторых, выявить и вынести на суд общественности весь возможный негатив в отношении тех или иных кандидатов, дабы на ранних стадиях отсеять скомпрометированных претендентов и не отвлекать внимание избирателей на последующих этапах избирательной кампании от более важных проблем общенационального характера.

Следует отметить и то обстоятельство, что прокремлевские политобозреватели и политтехнологи, снисходительно отзываясь об американских выборах, находятся под их притягательным влиянием и вольно или невольно стремятся придать российскому политическому процессу формы и одежды, заимствованные у столь нелюбимой ими Америки. Показательны в этом отношении недавние политические акции, проводимые «Единой Россией», в частности, последний съезд этой партии.

Однако различия в технологии проведения избирательных кампаний и выборов в России и США – лишь один из аспектов сущностных отличий в функционировании политических систем. В конечном итоге, речь идет о разных технологиях обновления политических элит, и российская модель «управляемой демократии» вряд окажется более конкурентоспособной, чем модель, основанная на демократических избирательных процедурах.

Реплика из зала: Когда я наблюдал за выборами в США, для меня это было несколько предсказуемо в связи с тем, что я смотрел много американских кинофильмов, и в них очень давно чёрный президент существовал.

Ещё один немаловажный фактор, который помог Обаме победить: сами американцы, в том числе и белые, считают достижения афроамериканцев очень существенными во всех сферах. Это касается и спорта, и массовой культуры. А в связи с вопросом, какое отношение к России будет, я думаю, что Обама не является, конечно, пророссийски настроенным человеком в политике, но это будет президент, над которым не будут смеяться. По крайней мере, многие шутки, отпущенные в адрес Буша и его республиканской партии, я думаю, исчезнут. Обама будет тем президентом, с которым можно будет говорить по-серьёзному и потом и не посмеяться над тем, что ты сказал.

Дитц А.Х.: На мой взгляд, есть три предпосылки тому, что победил в Америке человек африканской внешности. Во-первых, после развала Советского Союза Соединённые Штаты сделали попытку встать во главе мира со своим уставом, а этот устав никаким образом не вписывался в общий контекст мировой стратегии. На мой взгляд, это первая ошибка.

Вторая. Буш и его окружение, особенно в последнее время, слишком рьяно стремились военными силами захватывать те государства, в которых много нефти, газа, золота и других драгоценных полезных ископаемых. Причём это делалось бесцеремонно. Вроде бы хотели внедрить свою демократию на этих территориях, но, на самом деле, они убивали тысячи и тысячи человек. Главная цель для меня вполне понятна – это нефть, газ и другие полезные ископаемые.

Третье, почему победил Обама в этот раз в Соединённых Штатах Америки. Латиноамериканские страны и страны исламского происхождения за последнее время сильно окрепли, и я думаю, что они приложили максимум усилий, чтобы в Америке победил чернокожий президент, потому что они знают, что если победит снова белый человек, то Америка не изменится, будет проводить ту же самую политику. А сейчас, с приходом Обамы в латиноамериканских странах и во всём исламском мире будет совершенно иной политический консенсус. И я думаю, что при Обаме будет решена главная глобальная проблема – нехватка энергоресурсов.

Последнее. Я считаю, что такая участь постигнет не только Соединённые Штаты Америки. Через какое-то время появится чёрный канцлер или президент в Германии, да и в других европейских странах, поскольку в этих странах очень резко возрастает пребывание людей с чёрным цветом кожи. Белая раса уступает свои позиции и об этом надо думать.

Гончаренко А.И.: Я считаю, что обсуждать избирательные технологии в Америке нам не пристало, потому что, как я понял из доклада, там совершенно другая ментальность, чем у россиян. В отличие от наших политтехнологов, там не работают по принципу «Любую гадость за деньги кандидата». Поэтому что нам обсуждать их технологии? Что победит Обама, было понятно задолго, не так, конечно, как у нас, за 3 г., что победит Медведев, но задолго. Это нормальная ротация, смена элит, когда партия попала в полосу каких-то негативных экономических и других моментов, они взвешивают кандидатов и выбирают. Было понятно, что Маккейн проиграет, здесь и Ирак, и экономический кризис и т.д. Меня поражают такие вещи, что все говорят, что «мы смотрели, наблюдали за кампанией», мне интересно, где наблюдали. Если по телевидению, то российское телевидение – это как в своё время профессор Преображенский рекомендовал советские газеты не читать. Читать какие-то высказывания – это значит пользоваться не своим личным впечатлением, а экспортировать то, что кто-то видел.

Я бы хотел ещё два слова сказать, что касается будущего. Нашему бывшему президенту Путину надо на Обаму молиться, потому что

Обама, если вытащит американскую экономику, он потащит и нашу. Это вернёт ему фарт. 8 лет фарта были не использованы.

Конечно, можно надеяться на то, что та реальная политика, которую исповедовали Буш и многие другие ведущие политики Запада, в отличие от послевоенных политиков, она уйдёт в прошлое. Потому что в том, что исповедовали политики после Второй мировой войны, тогда ценности преобладали над прочими постулатами в их деятельности. А ещё – практика показывает, что отношение к Советскому Союзу и к России всегда было хуже при демократах, потому что наши ценности всегда были выше каких-то договорённостей.

И последнее, что я хотел бы сказать. Конечно, можно долго говорить об американских выборах, это интересно, но я хотел бы обратить внимание, что мы, как представители политического класса, упускаем тот момент, что не поднимаем вопрос о тех поправках в конституции, которые вносятся сейчас у нас, в России. Почему это происходит в период кризиса? И вот буквально в ближайшем будущем нашим депутатам, за которых мы голосовали, предстоит одобрять эту поправку. И хотелось бы, чтобы политический класс, политологи, которые профессионально занимаются политикой, каким-то образом высказали своё отношение к этому процессу. Мы можем, конечно, долго обсуждать избирательную кампанию в Соединённых Штатах Америки, это достаточно просто, но мне хотелось бы предложить эту тематику для обсуждения.

Емешин К.Н.: На выборах я не был, о впечатлениях сказать не могу. Я могу провести анализ информационных потоков и средств массовой информации. Зачастую мы попадаем в эти шаблоны, нам СМИ вбрасывают, а мы начинаем думать, как будто это на самом деле так и есть.

По поводу доклада, что для меня здесь было неожиданным и интересным. Я сам ездил работать международным наблюдателем и знаю, что у каждой направляющей организации есть какая-то определённая методика, у ОБСЕ, например, есть целая книга на эту тему. То есть, посылается бригада наблюдателей, которая пишет отчёт и там делает вывод, соответствуют ли эти выборы демократическим стандартам. А что здесь было? Формата наблюдения никакого не было, отчёта нет. Тогда возникает вопрос, что эта за акция? На мой взгляд, это вообще не наблюдение. Для меня это было неожиданно. Я хотел бы обратить внимание всех слушателей, что это не есть в нашем понимании, в европейском понимании, наблюдение. Хотя мою поездку финансировал Демократический институт США, но формат задавали европейцы. Там действительно есть критерии и ты пишешь, демократичные были выборы или нет. А здесь этого нет, это меня удивило.

Кротов А.В.: Я прогнозирую не очень хорошие будущие отношения России и США, хотя последние 4 месяца у нас в прессе были ожидания, что выиграет Обама и будет очень здорово и вообще, для Медведева это очень удобный президент. Он – молодой, представитель интеллектуальной элиты и т.д. А мне кажется, что, наоборот, будут очень сложные взаимоотношения. С Бушем, Маккейном можно было договориться, их можно было бы назвать «друг Буш», «друг Маккейн», до этого можно было назвать другом, вы знаете, бывшего канцлера Германии.

У Обамы будет очень сильная команда и она будет очень прагматичная. И эта прагматичная команда будет значительно по-другому смотреть на отношения России и Америки. И скорее всего, если мы говорим про прогноз, то лично от меня прогноз такой, что через 4 г. у России будут гораздо худшие отношения с точки зрения экономики и перспективы развития отношений с Америкой. Я думаю, что у Америки через 4 г. будет выстроена хорошая экономическая политика, а Россия за эти 4 г., скорее всего, ничего нового не предложит. Я вижу, что, к сожалению, мы движемся по инерции, и Маккейн и Буш двигались по инерции, а Обама во время выборов предложил не инерцию и через 3 г. ещё больше шагов будет не инерционных, а у нас они просчитываются.

Чернышов Ю.Г.: Скажу несколько слов о своих впечатлениях. Первое, по поводу достоверности. Константин Николаевич совершенно справедливо поднимает вопрос, насколько мы можем судить, что там происходит, находясь в городе Барнауле. Действительно, вопрос сложный, потому что нужно быть профессионалом высокого класса, чтобы уметь находить более или менее достоверную информацию и постоянно отслеживать ситуацию. Но, в принципе, возможность такая есть. Ну кто мешает зайти на сайты американские, если ты владеешь английским языком, и изучить документы и с той и с другой стороны, да ещё изучить и мнения экспертов американских? Кстати, я немного интересовался прогнозами американских экспертов и могу сказать, что ни один более или менее известный эксперт не предсказывал победу Обамы. Это сейчас, когда результат известен, многие говорят, что заранее знали и что другого варианта не могло быть. Нет. Это не была абсолютно предсказуемая и абсолютно предпрешённая победа. В этом и особенность этих выборов – то, что там колебания были до последнего. Многое зависело от того, кто сможет перебороть в последний момент. Обама, действительно, мобилизовал все свои ресурсы, проявил гибкость, проявил мобильность, бросил огромные деньги, чтобы получить телевизионный эфир, вы знаете. Он собрал миллионы долларов с помощью новых интернет-технологий, то есть он попал, что называется

ся, в струю. Действительно, видимо, многие американцы устали от «бушизма», от этой политики, которая если бы ещё продолжалась на следующий президентский срок, то это был бы уже застой в хорошо известном нам стиле. Американцы не хотели этого. Обратим внимание на фразу, иногда мелочи очень важны. Помните, когда коллега Некрасов рассказывал нам о реакции американцев, они кричали: «Нет Бушу», когда победил Обама. Это очень важно с точки зрения психологии: то есть, многие голосовали не столько за Обаму, сколько против той политики, которая им надоела. Американская система, при всех её недостатках и минусах, показала, что там возможны такие непредсказуемые результаты и возможны серьезные обновления.

Что ждать от Обамы? Здесь надо различать: что хорошо для Америки, не всегда хорошо для некоторых других стран. Для Америки, я думаю, это хороший вариант. Потому что пришёл человек динамичный, на которого возлагаются надежды на обновление, человек умный, образованный и нестандартно мыслящий. Он не будет действовать предсказуемо, по шаблону, как действовал бы Маккейн. Тот действовал бы более прямолинейно, тупо, даже агрессивно в чём-то, но, с другой стороны, он был бы предсказуем, с ним было бы легче. А Обама – умный, гибкий, молодой политик, он не очень предсказуем и от него можно ждать всего, чего угодно. Поэтому, он, может быть, сможет вытянуть страну из кризиса, избавить страну от тех корост, которые ей мешают – от того же, скажем, военного присутствия в Ираке. Возможно, он будет пытаться вывести оттуда войска, и для США стратегически это будет лучше.

Другой вопрос, как будут складываться российско-американские отношения. Обратим внимание, что у нас сейчас разнонаправленные векторы движения. Америка идёт от застоя к обновлению, а у нас главные лозунги – стабильность, преемник, продление сроков, то есть мы уже забыли слово «реформа», что надо что-то менять, а главное для правящей элиты – сохранить себя во власти, чтобы ничего не сменилось и т.д. Эти разнонаправленные векторы могут где-то столкнуться, если не будет проявлена гибкость с разных сторон. Поэтому от нашего руководства тоже требуется и учёт новых реалий, и учёт реального соотношения сил в мире. Поэтому на самом деле эта тема отнюдь не абстрактная и отнюдь не далёкая от нас. Это коснется каждого из нас, прямо или косвенно.

Что в этих условиях надо делать нам, в России? Я думаю, нам надо тоже меняться. Более динамично, более гибко и более адекватно реагировать на вызовы времени, не закоснеть. Если власть закоснеет, не позволит стране развиваться, гибко реагировать на современные вызо-

вы, то это будет бить сильнее по обществу, по каждому человеку в отдельности.

Общий вывод – что всё-таки надо обсуждать всё, что происходит, надо пытаться через общественное мнение, через экспертов влиять на выработку курса, на принятие решений. Большое спасибо докладчику и всем, кто принял участие в этом обсуждении!

Информация об Алтайской школе политических исследований

АШПИ возникла как общественное учреждение, зарегистрированное управлением юстиции Алтайского края 9 февраля 1996 г. Статус учебно-научной лаборатории Алтайского государственного университета Школа получила в 1998 г.

Директор АШПИ – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений АГУ, руководитель Алтайского отделения Российской ассоциации политической науки Чернышов Юрий Георгиевич. Заместитель директора – кандидат исторических наук, доцент Козулин Вячеслав Николаевич.

Деятельность Школы направлена на развитие межфакультетского и межвузовского сотрудничества в области политических наук. Главные принципы Школы – неангажированность, научность, демократизм. АШПИ стремится объединить ученых самых разных специальностей – историков, политологов, международныхников, социологов, экономистов, юристов и др. В работе Школы уже приняли участие десятки известных отечественных и зарубежных экспертов, докторов и кандидатов наук. В проектах Школы участвуют также представители власти, общественные деятели, предприниматели, журналисты. Студенты и аспиранты приобретают ценные практические навыки по организации научных конференций и проведению прикладных политологических исследований (в частности, в рамках молодежного отделения АШПИ – студенческой организации «Международник»).

Школа стремится сочетать в своей деятельности науку и практику, высокий профессионализм и активную гражданскую позицию.

Одно из главных направлений работы Школы – **проведение международных научно-практических конференций, издание сборников** по актуальным проблемам политической жизни.

Конференции, материалы которых были изданы в виде выпусков «Дневника АШПИ»:

28 мая 1996 г. – Тоталитаризм и его преодоление: актуальные уроки истории.

16 июля 1996 г. – Принципы самоуправления в федеральных системах России и Германии.

31 января 1997 г. – Власть и собственность: к итогам губернаторских выборов в России.

16–18 июля 1997 г. – Политическая система и политическая жизнь в современной России (проблемы федерального и регионального уровней).

27 января 1998 г. – Интеллигенция и власть.

17–18 июля 1998 г. – Становление гражданского общества в России: проблемы и перспективы.

30–31 июля 1999 г. – Роль парламента в демократическом государстве.

28 января 2000 г. – Интеллигенция и «новый авторитаризм».

16 мая 2000 г. – Становление демократического, правового, социального государства и профсоюзы: практика, проблемы, перспективы.

15–16 июля 2000 г. – Россия после выборов: перспективы экономического и политического развития.

10–11 февраля 2001 г. – Западная Сибирь: регион, экономика, инвестиции.

15–16 мая 2001 г. – Человек и мир работы: социально-политические, профессиональные, антропологические аспекты профсоюзной деятельности.

14–15 июля 2001 г. – Современная Россия и мир: альтернативы развития.

16–17 июля 2001 г. – Республика Алтай и реформы в экономике и федеративном устройстве России.

8 октября 2001 г. – Проблемы и перспективы сотрудничества третьего сектора с властью.

22 января 2002 г. – Реформа образования и гражданское общество.

2 июля 2002 г. – Современная Россия и мир: альтернативы развития. Вступление России в ВТО. Борьба с международным терроризмом. Женщина и политика.

1–2 июля 2003 г. – Современная Россия и мир: альтернативы развития. Постсоветское пространство: проблемы интеграции. Женщина и выборы.

29 апреля 2004 г. – Региональные выборы 2004 г. – волеизъявление народа или триумф технологий?

1–3 июля 2004 г. – Современная Россия и мир: альтернативы развития (трансграничное сотрудничество и проблемы национальной безопасности).

1–2 июля 2005 г. – Современная Россия и мир: альтернативы развития (национальная, региональная идентичность и международные отношения).

4–5 июля 2006 г. – Современная Россия и мир: альтернативы развития (этноконфессиональные конфликты и вызовы XXI века).

27–28 сентября 2007 г. – Современная Россия и мир: альтернативы развития (международный имидж России в XXI веке).

13–14 сентября 2008 г. – Современная Россия и мир: альтернативы развития (роль российских регионов в формировании имиджа страны).

19–20 сентября 2009 г. – Современная Россия и мир: альтернативы развития (роль политических лидеров в формировании имиджа страны и региона).

Кроме этого, Школа постоянно занимается *просветительской работой* – организацией «круглых столов», чтением лекций, публикацией статей в газетах и т.д. Эксперты Школы много раз выступали с оценками политической ситуации в СМИ. На телевидении и радио были проведены «круглые столы» на темы об итогах выборов в Государственную Думу, о президентских и губернаторских выборах, о многопартийной системе, о войне в Чечне, о Дне Независимости России, о национальной идее в России, о борьбе с терроризмом, о реформе избирательной системы, о соблюдении прав человека, о содержании различных законопроектов и т.д. Руководитель АШПИ представлял Алтайское отделение РАПН на Конгрессах политологов, проходивших в г. Москве; участвовал в работе Гражданского Форума в Москве и Санкт-Петербурге, в Конвенте РАМИ в МГИМО и т.д.

Еще одно направление деятельности – *консультирование, проведение прикладных политологических исследований*. Во время выборов депутатов Государственной Думы, президентских и губернаторских выборов эксперты АШПИ неоднократно проводили фокус-группы, телефонные и анкетные опросы. Первые исследования электоральных настроений были проведены во время президентских выборов 1996 г. Осенью 1996 г., накануне губернаторских выборов, АШПИ провела два анкетных опроса жителей края (более 2000 респондентов). В сентябре 1998 г. в г. Барнауле был проведен телефонный опрос об отношении населения к Правительству РФ и местной власти. В ноябре 1999 г., накануне выборов в Государственную Думу, АШПИ провела опрос избирателей города Барнаула. В начале 2000 г. были опрошены 2540 жителей Барнаула (об отношении к кандидатам на должности Президента РФ, глав администраций Алтайского края и города Барнаула, а также к кандидатам в депутаты краевого Совета и Городской Думы). В 2003–2004 гг. были проведены опросы по теме выборов. Кроме того, были исследования, не связанные непосредственно с выборами. Так, в марте 1998 г. АШПИ провела в пяти школах г. Барнаула исследование на тему «Восприятие школьниками социальной действительности». В 2000 г. эксперты АШПИ провели опрос по теме «Международные

проблемы глазами барнаульцев»; такие же опросы состоялись в 2002 и 2004 гг. Итоги большинства этих опросов опубликованы в печати.

Результаты научной деятельности АШПИ подробно представлены на интернет-сайте, где размещены тексты всех «Дневников АШПИ», а также отдельные статьи экспертов, материалы исследований, разнообразные информационные ресурсы. Этот сайт является победителем призового конкурса «Лучший сайт», проводившегося «Project Harmony» в рамках программы «Обучение и доступ к Интернет» в 2000 г., и 3-го регионального конкурса «Интернет – Мир без провинций» в 2001 г. В 2005 г. во всероссийском конкурсе научных работ, проведенном Российской ассоциацией политической науки, «дневникам АШПИ» было присуждено второе место. В мае 2008 г. АШПИ – лауреат IV Интернационального конкурса «Имидж-директория» – была награждена Почетным дипломом в номинации «Проект года в имиджелогической науке» за сборник «Дневник Алтайской школы политических исследований №23. Современная Россия и мир: альтернативы развития (международный имидж России в XXI веке).

АШПИ продолжает научно-просветительскую работу и приглашает к сотрудничеству всех, кто умеет самостоятельно мыслить, кто стремится сделать жизнь россиян более достойной и свободной.

Авторы докладов, выступлений и тезисов

Андреев Валерий Павлович

Доктор исторических наук, профессор Томского государственного университета, г. Томск

Аршинцева Ольга Алексеевна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Бетмакаев Алексей Михайлович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Бочаров Юрий Борисович

Соискатель, политолог, PR-менеджер, иностранный член Российской Академии естественных наук, член РАПН, консультант по вопросам «русской» общины у ряда депутатов парламента и мэров городов, Израиль

Бойко Владимир Сергеевич

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, заведующий лабораторией «Россия и Восток» Барнаульской государственной педагогической академии, г. Барнаул

Бушев Александр Борисович

Кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин филиала Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета в г. Тверь, соискатель-докторант Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва

Вишневский Борис Лазаревич

Политолог, публицист, обозреватель «Новой газеты», вице-президент Центра политических исследований, доцент кафедры журналистики Института телевидения, бизнеса и дизайна, г. Санкт-Петербург

Воронин Дмитрий Васильевич

Кандидат исторических наук, доцент, директор Прокопьевского филиала Томского государственного университета, г. Прокопьевск

Гончаренко Александр Ильич

Председатель АРО ПП «Яблоко», председатель АКОО «Защита и поддержка гражданских прав и инициатив», член Совета Конгресса интеллигенции Алтайского края, г. Барнаул

Горбелева Екатерина Андреевна

Студентка исторического факультета Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Григорян Григор Паруйрович

Магистр международных отношений, Ереванский государственный университет, Республика Армения, г. Ереван

Дитц Александр Христианович

Председатель комиссии по взаимодействию с краевыми органами власти Общественной палаты Алтайского края, президент общественного движения «Сообщество российских немцев Алтая», г. Барнаул

Емешин Константин Николаевич

Кандидат медицинских наук, доцент, академик МАИ, председатель правления Алтайской краевой общественной организации «Школа реальной политики»

Заусаева Наталья Александровна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Золотарев Максим Сергеевич

Бакалавр истории, Алтайский государственный университет, г. Барнаул

Зуляр Юрий Анатольевич

Доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой политологии и отечественной истории Иркутского государственного университета, г. Иркутск

Ильин Алексей Валерьевич

Студент 2 курса ИФ АлтГУ, специальность «Международные отношения»

Кагиров Борис Николаевич

Кандидат философских наук, проректор по безопасности и общим вопросам Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Кагирова Галина Владимировна

Доктор медицинских наук, профессор кафедры политологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Картер Алекс (Великобритания)

студент Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Кирюшина Юлия Владимировна

Кандидат искусствоведения, доцент кафедры отечественного и зарубежного искусства Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Коваленко Людмила Георгиевна

Кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры политологии факультета политических наук Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Козлов Виктор Александрович

Кандидат исторических наук, доцент Алтайского государственного аграрного университета, г. Барнаул

Козлов Леонид Евгеньевич

Кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, г. Владивосток

Козловская Ирина Геннадьевна

Студентка Томской государственной академии систем управления, г. Томск

Козулин Вячеслав Николаевич

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Корсун Дарья Сергеевна

Студентка специальности «Международные отношения» Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Кошляков Дмитрий Михайлович

Магистр техники и технологии, аспирант кафедры философии, истории и социологии факультета экономики и управления Брянского государственного технического университета, г. Брянск

Крестинина Екатерина Сергеевна

Соискатель Института мировой экономики и международных отношений РАН, г. Москва

Кротов Александр Викторович

Кандидат географических наук, доцент кафедры экономической географии и картографии Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Кругова Наталья Ильинична

Кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и исторической информатики Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Кузьминых Никита Юрьевич

Аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Курныкин Олег Юрьевич

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Кряклина Тамара Федоровна

Доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой социальных коммуникаций Алтайской академии экономики и права, г. Барнаул

Лябухов Илья Викторович

Аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Макарычев Андрей Станиславович

Доктор исторических наук, профессор, начальник научного отдела Волго-Вятской академии государственной службы, г. Киров

Макарьев Иван Витальевич

Аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, главный специалист-эксперт отдела контроля органов власти управления Федеральной анти-монопольной службы по Алтайскому краю, г. Барнаул

Малков Константин Борисович

Аспирант кафедры теории и технологий управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, факультета государ-

ственного управления, консультант Департамента консультационных услуг государственному сектору ООО «ФБК», г. Москва

Малышева Нина Сергеевна

Старший преподаватель кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Манаков Артем Николаевич

Член регионального совета партии «Яблоко», г. Барнаул

Митяева Юлия Андреевна

Аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Михеев Сергей Сергеевич

Аспирант Орловского государственного аграрного университета, руководитель практики финансового планирования и управленческого учета ЗАО «Инвестиционное и юридическое консультирование», г. Орел

Некрасов Андрей Валерьевич

Политтехнолог, г. Барнаул

Полтораков Алексей Юрьевич

Кандидат политических наук, ученый секретарь Центра исследований проблем гражданского общества, г. Киев

Реут Олег Чеславович

Кандидат технических наук, докторант Петрозаводского государственного университета, г. Петрозаводск

Романова Елена Вениаминовна

Кандидат философских наук, доцент кафедры религиоведения и теологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Рубцов Павел Владимирович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Рыжков Владимир Александрович

Кандидат исторических наук, профессор Государственного университета – Высшей школы экономики (ГУ-ВШЭ), г. Москва

Седлецкий Денис Александрович

Индивидуальный предприниматель, аспирант кафедры экономики и управления народным хозяйством Университета Российской Академии Образования, г. Москва

Сигарева Евгения Петровна

Кандидат экономических наук, зав. сектором воспроизводства населения Института социально-политических исследований РАН, г. Москва

Сковородников Александр Васильевич

Кандидат исторических наук, преподаватель центра довузовского образования Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Степанова Оксана Владимировна

Старший преподаватель кафедры регионологии Алтайского государственного технического университета им.И.И. Ползунова, г. Барнаул

Томилова Елена Андреевна

*Студентка Томского архитектурно-строительного университета,
г. Томск*

Усович Константин Иванович

*Кандидат физико-математических наук, зав. отделом информации
Академической гимназии Санкт-Петербургского университета,
г. Санкт-Петербург*

Фадеев Константин Викторович

*Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и политологии
Томского архитектурно-строительного университета, г. Томск*

Хуан Сюэцзюань (Китай)

Студентка Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Чернышов Юрий Георгиевич

*Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей
истории и международных отношений Алтайского государственного
университета, директор АШПИ, г. Барнаул*

Ding Hui (Китай)

*Выпускник Чжэцзянского университета, провинция Чжэцзян,
г. Цзиньхуа*

Ren Jianhua (Китай)

*Ph.D., профессор кафедры стратегии национальной безопасности Ши-
хэцзиского университета, Синьцзян-Уйгурский автономный район,
г. Шихэцзы*

Zhang Guoqing (Китай)

*Выпускник Шихэцзиского университета, Синьцзян-Уйгурский автоном-
ный район, г. Шихэцзы*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Дискуссия о влиянии политических лидеров на имидж страны и региона (предисловие ответственного редактора).....</i>	<i>3</i>
---	----------

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ И МИР: АЛЬТЕРНАТИВЫ РАЗВИТИЯ (РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ В ФОРМИРОВАНИИ ИМИДЖА СТРАНЫ И РЕГИОНА)», 19–20 СЕНТЯБРЯ 2009 Г.....	6
---	----------

Секция 1. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЛИДЕРЫ И ИМИДЖИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (ИСТОРИЧЕСКИЙ И СОВРЕМЕННЫЙ ОПЫТ).....	7
---	----------

<i>О.А. Аришницева Внешнеполитические аспекты политического лидерства: проблемы теории и истории.....</i>	<i>7</i>
---	----------

<i>А.М. Бетмакаев Стена и витрина. Вальтер Ульбрихт и образ ГДР в 1960-е гг.....</i>	<i>11</i>
--	-----------

<i>В.С. Бойко Лидеры современного Афганистана: имидж и политика в XX – начале XXI вв.</i>	<i>15</i>
--	-----------

<i>Ю.Б. Бочаров Имидж российских политиков и бизнесменов в Израиле</i>	<i>19</i>
--	-----------

<i>А.Б. Бушнев Дискурс американских политиков после 9/11: стереотипы.....</i>	<i>24</i>
---	-----------

<i>Н.А. Заусаева Роль интеллектуалов в формировании имиджа страны.....</i>	<i>28</i>
--	-----------

<i>Н.И. Кругова Трактровка роли выдающейся личности в истории: от Просвещения до наших дней</i>	<i>32</i>
---	-----------

<i>Н.Ю. Кузьминых Сильвио Берлускони как воплощение современной Италии.....</i>	<i>37</i>
---	-----------

<i>В.А. Козлов Ф. Рузвельт и Новый курс: специфика двуединого имиджа.....</i>	<i>41</i>
---	-----------

<i>О.Ю. Курныкин М.К. Ганди и С.Ч. Бос: образы индийских политических лидеров.....</i>	<i>49</i>
--	-----------

<i>И.В. Макарьев Политика Мао Цзэдуна и его имидж в Советском Союзе в 1949–1976 гг.....</i>	<i>54</i>
---	-----------

<i>Н.С. Мальшева Поль-Анри Спаак – «проамериканский» политик Бельгии.....</i>	<i>58</i>
---	-----------

<i>А.Ю. Полтораков Украинско-российские отношения в фокусе международно-политического имиджа (на примере «газового конфликта» января 2009 г.).....</i>	<i>62</i>
<i>О.Ч. Реут Чёрный, женский, цифровой. Востребованный политический лидер в США.....</i>	<i>67</i>
<i>П.В. Рубцов Позднеантичные образы императора и региона: проблемы взаимовлияния.....</i>	<i>71</i>
<i>А.В. Сковородников Образ Д. Михайловича в сознании британской политической элиты</i>	<i>74</i>
<i>Ю.Г. Чернышов Имидж государства и национальные конкурсы «великих имен».....</i>	<i>78</i>
<i>Ren Jianhua, Zhang Guoqing, Ding Hui The Role of Mao Zedong's «Military Power» Strategy in Boosting China's Image</i>	<i>82</i>
Секция 2. ИМИДЖ РОССИИ (РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, СССР) И ВЛИЯНИЕ НА НЕГО ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ.....	89
<i>Е.А. Горбелева Эволюция восприятия образа В.В. Путина в Белоруссии в период с 2000 по 2008 гг.</i>	<i>89</i>
<i>Г.П. Григорян Россия и мир: взаимное познание</i>	<i>95</i>
<i>М.С. Золотарев Эволюция личностного восприятия Л.И. Брежневца в США в период с 1964 по 1982 гг.....</i>	<i>97</i>
<i>И.Г. Козловская, Е.А. Томилова, К.В. Фадеев Образ политического лидера (на примере В.В. Путина).....</i>	<i>102</i>
<i>В.Н. Козулин Николай I и имидж России: к вопросу о роли личности в формировании образа страны</i>	<i>106</i>
<i>Д.М. Кошлаков Позитивный образ России в мире – политтехнологический проект или следствие подлинности</i>	<i>111</i>
<i>Е.С. Крестинина Президенты России глазами зарубежных карикатуристов.....</i>	<i>114</i>
<i>И.В. Лябухов К вопросу об оценках внешней политики России при А. Козыреве (1991–1996 гг.).....</i>	<i>122</i>
<i>Ю.А. Митяева Дмитрий Медведев в политическом Рунете.....</i>	<i>126</i>
<i>Е.В. Романова Потенциал религиозной власти в политическом пространстве России.....</i>	<i>130</i>
<i>Д.А. Седлецкий Имиджи российских лидеров: от Ельцина до Медведева</i>	<i>135</i>
<i>Е.П. Сигарева Западный взгляд на демографию России.....</i>	<i>139</i>

<i>К.И. Усович Глубинный имидж России в парадигме мифологического мышления.....</i>	<i>143</i>
Секция 3. РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ В ФОРМИРОВАНИИ ИМИДЖЕЙ РЕГИОНОВ	148
<i>В.П. Андреев Томская область: политические лидеры и имидж региона.....</i>	<i>148</i>
<i>Б.Л. Вишневский Роль политических лидеров Санкт-Петербурга в формировании имиджа региона.....</i>	<i>151</i>
<i>Д.В. Воронин Имиджевая политика лидеров Кузбасса и формирование образа региона.....</i>	<i>155</i>
<i>Ю.А. Зуляр Лидеры новейшей истории Иркутского региона как зеркало и результат российской региональной политики</i>	<i>159</i>
<i>Б.Н. Кагиров, Г.В. Кагирова О качествах лидеров, способных формировать позитивный имидж региона, страны.....</i>	<i>163</i>
<i>Л.Г. Коваленко Политический лидер и его влияние на имидж региона (Алтайский край)</i>	<i>164</i>
<i>Л.Е. Козлов Инвестиционный имидж и криминализация политического класса в субъектах Федерации. Дальневосточные проблемы.....</i>	<i>166</i>
<i>А.С. Макарычев Имиджевое поле региональной политики: Нижний Новгород и образы его идентичности</i>	<i>170</i>
<i>К.Б. Малков Политические решения в условиях неопределенности: их роль в формировании имиджа политического лидера и региона.....</i>	<i>174</i>
<i>С.С. Михеев Региональная власть и перспективы формирования имиджа России.....</i>	<i>178</i>
<i>В.А. Рыжков Особенности формирования региональных имиджей</i>	<i>180</i>
ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ	185
<i>Открытие конференции</i>	<i>185</i>
<i>Секция 1</i>	<i>187</i>
<i>Секция 2</i>	<i>205</i>
<i>Секция 3</i>	<i>212</i>
<i>Закрытие конференции</i>	<i>217</i>
ПРИЛОЖЕНИЕ	221

**Круглый стол «ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ В США:
ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И РЕЗУЛЬТАТЫ
ГОЛОСОВАНИЯ»..... 222**

А. Некрасов О президентских выборах в США (2008 г.)..... 222

Обсуждение сообщения А.В. Некрасова..... 225

**ИНФОРМАЦИЯ ОБ АЛТАЙСКОЙ ШКОЛЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ..... 236**

АВТОРЫ ДОКЛАДОВ, ВЫСТУПЛЕНИЙ И ТЕЗИСОВ..... 240

Научное издание

**ДНЕВНИК АЛТАЙСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ. №25**

**Современная Россия и мир:
альтернативы развития
(роль политических лидеров
в формировании имиджа страны и региона)**

**Материалы международной
научно-практической конференции**

Подписано в печать 25.12.2009. Формат 60х84/16.
Печать ризографическая

Объем 13,9 уч-изд. л
Тираж 200 экз.
Заказ

Типография ГРАФИКС
Барнаул, пр-т Красноармейский 15